

Мои дневники. Выпуск 3 архиепископ Никон (Рождественский)

[Выпуск I](#) • [Выпуск II](#) • Выпуск III • [Выпуск IV](#) • [Выпуск V](#) •
[Выпуск VI](#) • [Выпуск VII](#)

101. В полночь на Новый год

Се Жених грядет в полунощи.

Великий царь и пророк Давид любил в полночный час славить Бога: в полунощи востах исповедатися Тебе о судьбах правды Твоей (Пс. 118:62), говорит он. Все святые Божии любили в тишине ночной беседовать с Богом. Сам Господь наш Иисус Христос возносил Свои Божественные молитвы Отцу Своему Небесному более всего в глубоком уединении в ночные часы. Древние христиане каждую полночь встречали молитвой, да и ныне в строгих обителях ровно в полночь начинается утреннее богослужение – чином полунощницы. Полночь – время таинственное, время святое, самое удобное для уединенной и для церковной беседы с Богом. И сколько поучительных воспоминаний соединяется для христианина с этим священным часом полуночи! Сколько событий в истории домостроительства нашего спасения совершилось в этот час! В ночь бывали Богоявления древним патриархам и пророкам, в полночь поразил Господь первенцев египетских, в полночь вывел Он Израиля из Египта, в полночь родился Господь наш в вертепе Вифлеемском, в полночь, по древнему преданию, Он крестился во Иордане, в полночь был предан Иудою, в полночь воскрес из мертвых, в полночь приидет судити живых и мертвых... Поистине то будет страшная полночь для всего мира, для всей вселенной! Вот почему от веков древних для всех верующих время полуночи было временем особенно знаменательным, временем, которое должно освящаться молитвою.

Мы до того стали немощны, немощны больше духом, чем плотью, что очень редко встречаем полночный час в храме Божием на церковной молитве. Еще держится святой устав встречать воскресшего Господа в полночь на Пасху, да вот, слава Богу, с недавнего времени стали и Новый год встречать полночною молитвой. Но – увы! Грустно, больно вспомнить, что многие-многие собратия наши, хотя и не спят в этот час, но лучше бы уж спали!.. Забывая, что и дни, и часы, и минуты жизни нашей в руце Божией, не слушая звона церковного,

зовущего в храм Божий, они спешат встретить Новый год со звоном бокалов, с возглашением здравиц, с пожеланием друг другу счастья, а какого счастья – и сами не знают! Не знают того, что и счастье наше все – в руце Божией! Пошлет Бог счастье, благословит Бог здоровьем и успехом в трудах, – будет счастлив человек, а не благословит – всуе все эти здравицы, все благие пожелания! Одно для всех несомненно: все мы подошли ближе к смерти, многие из нас, несомненно, встречают Новый год уже в последний раз: а разве это кто назовет счастьем? Не будем судить таковых собратий, лучше помолимся и о себе, и о них, да вразумит всех нас Господь, времена и лета в руце Своей положивый, како прочее время и лета жизни нашего в мире и покаянии скончati, искушающе время, яко дние лукави суть...

Да, мы живем поистине в лукавые дни, в страшное время. Не до бокалов бы, не до громких здравиц добрым христианам ныне. Если когда, то именно в наше грешное время диавол яко лев рыкая ходит по нашей грешной Русской земле, искый кого поглотити. Всюду раскинул он сети свои, всюду сеет соблазны. Берегитесь, православные! Берегите детей своих! В последнее время сатана через верных слуг своих – а их так много у него! – особенное тщание употребляет, чтобы отравлять детские души ядом безбожия, кощунства, богохульства. И как изобретательны стали эти слуги сатаны! Как хитро истолковывают они в свою пользу все свободы, данные, конечно, не для зла, а для добра! Как умеют пользоваться всем для того, чтобы развращать, губить души даже детские! Поистине, братие, страшное время! Со страхом вспоминаются пророчественные слова великого тайновидца Иоанна Богослова: и низвержен был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его с ним... Горе живущим на земле и на море, потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени. (Откр. 12:9, 12). И в трепете вопрошают душа: уже не исполняются ли сии грозные пророчества возлюбленного ученика Христова в наши дни? Не сбываются ли на наших глазах все те признаки близкого дня суда Божия, о каких

говорил Господь: когда вы увидите все сие, знайте, что близко, при дверях.? (Мф. 24:33). Смотрите внимательно! Сколько лжехристов и лжепророков появляется в наши дни! Сколько ересиархов, начиная с идола нашей безбожной интеллигенции – богоотступника Толстого и кончая разными братцами-хлыстами, начиная с незваных-непрошеных иноземцев Фетлеров и кончая своими изменниками православной Церкви – Мазаевыми, Прохановыми и Степановыми! И всем им полный простор блазнить в простоте верующих православных!

А как умножились беззакония и охладела истинная христианская любовь! Уже и Евангелие Христово проповедуется всем народам земным по всей вселенной во свидетельство им, да будут безответны на страшном судище Христовом, уже мерзость запустения является на местах святых: строятся языческие капища и магометовы мечети в столице православной, и, говорят, имеются и места, где поклоняются самому сатане. Уже творятся и знамения, и чудеса ложные у спиритов и оккультистов, уже совершается то великое отступление от веры и благочестия, о коем пророчествовал Апостол Христов Павел. И сердце содрогается при мысли: уже не близок ли конец? Уже не стучится ли в дверь человек беззакония, сын погибели, противящийся и превозносящийся превыше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он как Бог, выдавая себя за Бога. Еще “удерживающий” удерживает его появление, но надолго ли?..

Вот, братие, какие размышления приходят мне на сердце в эту таинственную новогоднюю полночь. Знаю, что для многих жизнерадостных людей они покажутся безотрадными, угнетающими. Но не лучше ли познавать “знамения времени”, чем беззаботно предаваться бессмысленному веселию в такой час? Церковь Божия предостерегает нас: внезапно Судия придет и коегојдо деяния обнажатся, поет она в тропарях полунощницы. Се Жених грядет в полунощи, и блажен раб, егоже обрящет бдяща. Надобно и то помнить, что для каждого из нас в отдельности час суда Божия несравненно ближе, чем всеобщий страшный Суд Христов. Единою подобает умрети, потом же суд. А смерть подстерегает нас на всех путях наших.

От нее никуда не уйдешь. Так не лучше ли заблаговременно размышлять о ней, готовиться к ней? Это предохранит нас от многих грехов. Еще ветхозаветный мудрец сказал: помни последняя твоя и во веки не согрешиши. Да и к Страшному Суду Божию всеобщему надо всегда быть готовым. О сем великом дне Господь сказал: будьте готовы, ибо не знаете ни дня, ни часа, когда Сын человеческий приидет (Мф. 24:44). Се гряду яко тать: блажен бодрствующий и хранящий одежду свою, чтобы неходить ему нагим и чтобы не увидали срамоты его! (Откр. 16:15). О, если бы совесть паша позволила нам воскликнуть с тайновидцем Богословом: ей, гряди, Господи Иисусе! Аминь.

102. Чем больна наша матушка-Россия?

От чего болеет Россия?

Что наша матушка Россия духовно болеет – это, кажется, для всех очевидно, но в чем корень болезни, какие условия в самом государственном организме благоприятствуют этой болезни – об этом высказываются самые разнообразные, до противоположности, суждения. Не буду разбирать все эти суждения, тем более, что в наше время много таких писателей, которые сами не верят тому, что пишут, высказывают свои суждения лишь для того, чтобы скрыть свои настоящие мысли. Не стоит тратить времени на полемику с такими публицистами: все равно – их ничем не убедишь, ибо они не хуже современных Господу Иисусу Христу книжников и фарисеев знают истину, но нарочито закрывают свои глаза, чтоб ее не видеть. Попытаюсь ответить на поставленный вопрос от лица тех русских людей, которые единомысленны со мною, которые искренно любят свою Родину, вдумчиво относятся к тому, что теперь творится на Руси и целым сердцем желают ей добра.

Россия духовно болеет от великого духовного раскола между верхними, интеллигентными ее слоями и всею многомиллионною массою народной, не того церковного раскола, что произошел из-за обрядов церковных при Патриархе Никоне, а того, начало коему положено при Великом Петре. В самом деле: не болезненное ли это явление в организме великого народа, что его верхние слои, его мыслящая часть, не хочет знать тех заветных идеалов, коими жива народная душа, которые являются стихией его духовной жизни, без которых немыслима самая личность народная? Если бы великий преобразователь предвидел, к чему приведет его увлечение западными формами политической и общественной жизни, то он не назвал бы своего столичного города немецким именем, не перенес бы к нам всю ту мишуру, без которой и можно и должно было бы обойтись при введении реформ, признанных им необходимыми для государственного преуспеяния столь любимой им России. Но роковая ошибка

была сделана, и вот, к концу еще XVIII столетия наши верхние слои, наша бюрократия, представители высших сфер государственной жизни, науки, искусства, за исключением очень немногих, уже были заражены вольнодумством, вольтерьянством, масонством и всеми теми духовными ядами, которые постепенно, но верно вели западные народы к разложению. Пока этот раскол, эта духовная болезнь находила себе место в области личной жизни, в области мысли, дотоле явление это было, сравнительно говоря, — терпимо: народ сторонился от изменивших его идеалам интеллигентов, жил своею жизнью, храня, по мере сил, заветы отцов, снисходительно смотря на “бар”, среди которых, к счастью, видел и верных сынов Церкви, и преданных сынов Отечества, которые хотя и не всегда соблюдали посты, не всегда исправно посещали храмы Божии, но все же и не вторгались в духовную жизнь народа, не порицали ее открыто, а иногда, хотя внешним образом, проявляли свое участие в этой жизни. Во всяком случае, православный народ твердо знал и помнил, что его вера есть единая святая и богопреданная, что его Церковь — святыня неприкосновенная, что его Царь есть Божий Помазанник, коего слово — закон непогрешимый. Прошло полтора века с той поры, как появилась эта духовная болезнь народного раскола. В половине прошлого столетия, пользуясь великими реформами Императора-Освободителя, под влиянием веяний масонства, незримо и неуловимо всюду проникающего и всюду вносящего свой тлетворный, разлагающий яд, наша интеллигенция стала постепенно заражать народ своею болезнью легкомыслия в вопросах веры, а следовательно, и нравственной жизни. Свобода печати разносила яд лжеучений всюду по Руси, 60-е годы положили прочное начало тому движению, которое в самое последнее время наименовало себя “освободительным”. Роковой в истории России 1905 год, год смуты и всяческих послаблений, раскрыл, какая пропасть отделяет нашу интеллигенцию от самого народа. Правящие сферы поколебались: вместо того, чтобы ясно, твердо и определенно стать на стороне народных идеалов, интеллигенты-бюрократы как бы стыдились этих

идеалов и вносили один за другим законопроекты, решительно неприемлемые народной душой. Началась и доселе продолжается какая-то ненужная, непонятная борьба: с одной стороны, интеллигенты, – желающие во что бы то ни стало навязать народу чужие идеалы, с другой – народ, крепко стоящий за свои родные заветы; с одной стороны, – стремление внести в самые законы, а через законы и в жизнь народную равнодушие к родной Церкви, к Православной вере, к идеалу Самодержавия, к родному народу; с другой – твердое, стихийное, хотя не всегда правильно соорганизованное отстаивание всех этих заветных святынь.

Удивительно то, что ведь интеллигенция – горсточка в сравнении с великанием-народом, а между тем хочет весь народ в духовном отношении переделать по образу и подобию своему. Ради чего? Во имя чего? Сама не дает себе отчета. Еще удивительнее, что в этой интеллигенции есть ведь люди искренние, – о продавших себя иудеям и масонам, конечно, не стоит и говорить, – люди, думающие, что они хотят облагодетельствовать народ. Как будто туман какой-то застилает глаза этим доброжелателям народным, а когда им указывают на их основную ошибку, то простое самолюбие не позволяет им сознаться, и они стараются убедить себя и других, что они-то и есть настоящие благодетели народа! А этим великим заблуждением пользуются враги народа и спешат поддержать заблуждение в умах сих, чужим умом мыслящих, людей. Опасность в том, что такие люди не верят в самое существование этих врагов, а сии враги ими же и верховодят! Ведь почти вся печать захвачена именно этими врагами, они имеют своих агентов среди самих правящих сфер, искусно внушают там все, что им нужно, между тем как наши благонамеренные интеллигенты и подозревать того не хотят! А народ инстинктивно, историческим чутьем видит эту опасность и всячески, хотя и неумело, протестует против этого духовного насилия. Слава Богу, что еще имеется среди самой интеллигенции, как выше сказано, люди, не порвавшие связи с народом, еще живущие народными идеалами, хотя и немного их. Они объединяются в сообщества и союзы, чтобы выяснить

эти идеалы, укреплять их в своем собственном сознании, отстаивать их пред лицом прочей интеллигенции. Шесть лет назад, когда в Петербурге образовалось “Русское Собрание”, нам, русским православным людям, казалось как-то странным, что в русской столице образуется Русское Собрание... как будто столица-то не русская! Но когда это Собрание стало проявлять свою деятельность, то осталось только благодарить основателей такого учреждения. Стало ясно, что тут хотят объединиться истинно русские люди, чтобы послужить по мере своих сил своей Родине, своему родному народу, чем и как могут. С того времени появилось немало таких содружеств, союзов, собраний, братств. Но вот в чем опять-таки крайне прискорбное явление: в правящих сферах им как будто не доверяют, их голосу не внимают, нередко ставят препятствия их деятельности и как будто считают их тормозом в деле “обновления” России. Стань правительство рядом с носителями народной мысли, народных идеалов, пойди за ними рука об руку, и Россия действительно обновится, окрепнет, и народ, в его лучших представителях, возликует, готов будет на все, на всякие жертвы, только бы представители власти поняли и оценили его заветные идеалы. К сожалению, в верхних кругах этого безповоротного решения не замечается: там все какое-то колебание, как будто стыдятся прямо и решительно, открыто и мужественно заявить, что они ни в каком случае не допустят ни малейшего оскорблении Церкви Православной, не позволят ни под каким видом соблазнять простецов пропагандой лжеучений, что, допуская свободу исповедания, отнюдь не допустят свободу распространения лжеучений. Ярким примером, до какого шатания в отношении поругания Церкви и заветных народных верований доходят наши интеллигенты, может служить и самый последний факт: говорят, в Совете министров серьезно обсуждается вопрос о приобретении на народные деньги имения яснополянского богохульника, притом за сумму, чуть ли не в три раза превосходящую действительную стоимость этого имения, причем, само собою разумеется, что могила этого анафематствованного Церковью еретика, теперь служащая гнездом ядовитых змей (факт, что в день его

рождения на могиле сей был укушен змеем мальчик, сын одного из почитателей этого слуги диавола) будет охраняться, как святыня. Не есть ли это какое-то – простите – непостижимое издевательство над народом православным, над его матерью-Церковью, а кстати, уж и над самою властью: ведь этот еретик был самый непримиримый анархист и враг государства!.. Говорить ли о каком-то систематическом покровительстве разным съездам врагов Церкви: баптистов, раскольников, разных сектантов. Скажите, ради Бога: какая польза от всего этого для государства? На что понадобились эти съезды самим раскольникам и сектантам, кроме разве того, чтобы так или иначе “демонстрировать” против святой Церкви? Ужели православное государство не могло коротко и решительно всем им сказать: вас никто не обижает, никто не мешает вам исповедовать свою веру: сидите же смиро и не оскорбляйте православного народа!.. Но можно ли ожидать от наших интеллигентов такого “нелиберального” отношения к диссидентам? То же в области идеалов государственного благоустройства, то же в области русской политики. Правда, в последнее время много говорили о национальном направлении внутренней политики, но ведь слово “национальный” иностранное, и под “нацией” можно разуметь какой угодно народ: по крайней мере, есть же публицисты, которые толкуют это слово в смысле не народа Русского, а всех народов, населяющих Россию. Вот и судите: как не болеть нашей матушке-России, когда горсточка интеллигентов чуть не ежедневно по сердцу бьет настоящих православных русских людей, весь стомиллионный народ, везде и всюду проявляя заботы не о святынях народного сердца, а о либеральных бреднях инородцев, иностранцев, мнением народа пренебрегает, а к голосу изменивших народным идеалам прислушивается; скажите: где, у какого народа это видано и слышано? Думается, что когда варяги пришли править и владеть Русью, то так не делали, как делают наши интеллигенты, взираясь на вершины общественной и государственной жизни. Едва ли такому образу действий подыщете более мягкое название, как духовное насилие!

Вместо того, чтобы быть, так сказать, мозгом нашего богатыря-народа, наша интеллигенция, в ее большей части, является каким-то болезненным микробом в его организме, микробом, с которым и борется могучий этот организм! Нормально ли это? Не бессмысленно ли, наконец?.. И будет ли этот микроб все более и более проникать во все ткани народного тела, не преобразуя его по своему образу и подобию, нет: он и к этому не способен, а постепенно разрушая его. Или же могучий организм, наконец, поборет болезнь эту, переварит микроба, ассимилирует его с самим собою, как он когда-то втягивал в себя и ассимилировал с собою всех этих вяличей, мерю, весь и другие народцы? Хотелось бы верить в последнее: не умирать же богатырю, не исполнив в истории возложенного на него Богом послушания! Пусть же вдумаются в это все, кому дорога наша матушка-Русь Православная, кто любит свой народ не лицемерною любовью, кто знает сокровища его сердца!.. Пусть вдумываются и делают каждый свое дело, чтоб помочь нашему славному Илье Муромцу одолеть всех соловьев-разбойников!..

103. Какие бывают статьи в наших “духовных” журналах?

Обличай премудра, и возлюбит тя.

Дня не проходит, чтобы не видеть признаков все возрастающего нравственного разложения, которое проникает уже – страшно сказать – туда, откуда должно бы ждать исцеления для русской народной жизни, противоядия разлагающим ее началам. Глубокая благодарность Святейшему Синоду, положившему предел духовному растлению со стороны так называемого “Церковного Вестника” заменою кадетствующего редактора г. Титлина почтенным профессором И. И. Соколовым; низкий поклон Высокопреосвященному Сергию, Архиепископу Финляндскому, взявшему на себя труд разобраться в кадетских выходках этого журнала и раскрывшему всю их неприглядность с церковной точки зрения. Нельзя не удивляться, как позволяла пропускать к печати эти выходки совесть того, кто цензуровал “Церковный Вестник”. Ведь позор этот ложился на всю корпорацию того учреждения, от имени коего издается этот журнал.

А вот еще духовный журнал, редактируемый даже епископом и цензуруемый ректором-архимандритом. Журнал этот в большей своей части пробавляется перепечатками из духовных же, а отчасти, и из светских периодических изданий; оригинальных статей в нем немного, в каждой книжке он дает что-нибудь и переводное. В прошлые годы он увлекался сочинениями главы баптистских (еретических) проповедников Спердиона и как-то преподнес своим читателям книжку – руководство к проповедничеству этого господина; книжка написана в духе прелести духовной и, кроме вреда, не принесла ничего читателям. А теперь вот что пишет мне один благочестивый мирянин об этом “архиерейском” журнале:

“Августовскую книжку мне достал один знакомый, который, вместе с женою, глубоко возмущен напечатанным в этой книжке рассказом Марка Твена под заглавием “Визит капитана Отормфильда на небо”. Возмутителен и самый рассказ по

своему сплошному кощунству, но еще более возмутительно отношение редакции журнала, снабдившей от себя этот рассказ Твена особой рекомендацией.

Что же это, святой владыка? Как же после этого протестовать нам против левой печати, если духовные журналы предлагают своим читателям такую духовную пищу? И ведь цензурена ректором семинарии архимандритом, а редактирована даже епископом! Просто глазам не веришь, что все это возможно. Владыка святой, обратите внимание, кого следует, на духовных отравителей Русского народа! И подумаешь только, что эта отрава исходит из такого святого места: больно, обидно, как смеют осквернять св. обитель преподобного Сергия печатанием таких статей.

Простите за горячность, не осудите и благословите вашего преданного слугу”.

Следует подпись.

Прежде всего скажу в защиту родной мне обители: журнал называется духовным, издается под редакцией епископа и под цензурой архимандрита: для начальства Лавры этого, кажется, достаточно, чтобы избежать подобных упреков. Ужели монахам заводить свою цензуру того, что разрешается печатать архимандритам и даже епископам? Тогда нельзя уже никаких заказов принимать для типографии. Да начальству Лавры и не до того, чтобы перечитывать все, что печатают заказчики-архиереи и архимандриты, которые, притом же, и не подчиняются такой цензуре.

Обращаюсь к рассказу Твена.

Прочитал я рассказ, прочитал и “рекомендацию” ему от редакции. Сказать правду: мне показалось, что тут со стороны редакции простое недоразумение и автор, если бы прочитал рекомендацию русского епископа, от души посмеялся бы его простоте. Я не думаю, будто автор настолько не умен, чтобы писать серьезно такие рассказы. Он писал, вероятно, для какого-нибудь юмористического или спиритического журнала вроде “Сатирикона” или “Спирита”, а редакция русского духовного журнала приняла рассказ за “серьезную” попытку автора “понять загробную жизнь человека в ее новых условиях,

как они представляются ему самому". Разве только предположить, что Твен – полный невежда в учении христианском о загробном мире, представляющий этот мир в духе того же материалистического, грубо вещественного мировоззрения, как будто у язычников. Но такое предположение было бы слишком обидно для г. Твена. Ведь, он – не ребенок, умеет же он отличить понятия духовные от вещественных. Может быть, он, потеряв веру в духовный мир, хотел просто осмеять верование всех христиан и, приложив земную мерку, дал волю своей фантазии, чтобы потешить своих друзей-читателей? Но тогда, позвольте, в каком же неумном положении оказался наш духовный журнал, давая место переводу болезненного, враждебного Церкви бреда этого легкомысленного писателя?..

Судите сами, читатель, можно ли серьезно останавливаться вниманием, переводить на русский язык и печатать в духовном журнале, под редакцией епископа, такую, например, с позволения сказать, чепуху: "Божество строило небо по либеральному плану", "Там есть приемные конторы", земля называется бородавкой (в английском языке земля – Earth, а бородавка – Warth – есть звучание, способное вызвать у англичанина смех), люди по смерти обращаются в ангелов, им привешивают крылья, которыми, однако летать нельзя, крылья они "отдают в стирку", есть "старые плешиевые морщинистые ангелы", ангелы-люди курят трубки, играют на сцене, устают, "как собаки", проводят время в пикниках, болтают глупости с девицами. С целью, вероятно, кощунства автор нарочито ставит имена Иеремии рядом с Хамом и с Буддой, Даниила – с Саккиа и Конфуцием, Иезекииля – с Магометом и Зороастром, Моисея с Исаевом, причем, двух последних автор называет "парою великих Моголов". Местами у автора проскальзывают цинические выражения, например, "Разве небо было бы небом, если бы нельзя было позлословить?" Или: "Все небо взбесится от радости, когда такой субъект будет спасен".

Но довольно. Редакция журнала в своей сопроводительной заметке говорит: "Думаем, что прочитавший эту статью, извлечет много для себя полезного и в положительном и отри-

цательном (?) отношении". А я думаю, что он не только потеряет время, но и посетует на редакцию "журнала церковно-общественной жизни, науки и литературы" и пожалеет денег, затраченных на подписку. Я же, как Епископ православной Церкви, не могу не выразить глубокой скорби, что мой собрат по архиерейству печатает в своем журнале такую кощунственную чепуху и тем дает повод к соблазну для благочестивых мирян, умаляя в их глазах авторитет всего, что исходит от нас, Епископов, преемников апостольского служения. Не хотел я возвышать свой голос против моего собрата, но вспомнил Апостола Павла, в лице противу Апостола Петра воставшаго, яко сей зазорен бе (Гал. 2:11). Вспомнил, и хотя несмъ достоин развязать ремень сандалий Павловых, однако же совесть понуждает сказать то, что говорю, да не продолжится соблазн среди людей Божиих. Не такое ныне время, чтобы молчать в виду соблазна.

Да и в Писании сказано: достовернее суть язвы друга паче, нежели вольная лобзания врага.

104–105. Гипноз всеобщего обучения

І

Говорят, что индийские йоги обладают такою силою внушения, что могут загипнотизировать сразу огромную толпу народа. А мне думается, что сила гипноза, если понимать ее в более широком смысле, идет гораздо дальше, что возможно загипнотизировать не только определенную толпу, которую можно сразу окинуть взглядом, но и тысячи людей, разбросанных на сотни тысяч квадратных верст, можно внушить им самую неприемлемую трезвым рассудком и даже здравым смыслом идею и заставить их преклониться пред этой идеей, беспрекословно служить ей. Я говорю о духовном гипнозе. Самым наглядным, как доходящим до смешного, до нелепости, примером такого гипноза служит мода: как бы ни была нелепа, как бы ни была разорительна – ее предписания выполняются беспрекословно, и, если только имеются какие-нибудь средства, считается неприличием, своего рода позором явиться на бал не в модном платье.

Я сейчас назову одну такую идею, которую считаю внушенною, но заранее знаю, что за это многие обзовут меня обскурантом, мракобесом и другими не менее “лестными” именами существительными и прилагательными. Я прошу об одном: не искашать моей мысли, взять самое зерно ее и поглубже в него вдуматься. Итак, слушайте: я утверждаю, что идея всеобщего обучения в том виде, как ее понимают наши радетели народного просвещения, есть внушение, гипноз, мечта, здравым разумом не приемлемая при современных условиях народной русской жизни. Знаю, мне скажут: вы – враг народного просвещения, поборник невежества и т. п. Но кто же доказал, будто всеобщее обучение есть просвещение народа? Эти два понятия отстоят одно от другого, как небо от земли. Всякое обучение, не исключая даже и обучения в высших учебных заведениях, в разных университетах и академиях, есть только именно обучение, сообщение той или другой суммы знаний, развитие только одной стороны человеческого духа –

умственной его деятельности да притом еще далеко не всегда имеющее нравственную ценность. А это еще не есть просвещение. Вспомните, как определял наш великий Гоголь понятие просвещения. Просветить, говорит он, значит высветлить, насквозь пронизать все духовное существо человека чистым светом Христова учения, очистить его от всякой духовной нечисти: лжи, суеверия, нравственной нечистоты. Было бы недобросовестно с нашей стороны не признаться, что такого просвещения почти ни одна школа не дает, или если какая и дает, то в очень малой степени. С большею справедливостью следовало бы просвещением называть не обучение, а воспитание, следовало бы переставить в отношении их ценности эти два понятия: во-первых – воспитание, во-вторых – обучение. Для жизни не столько нужно обучение, сколько воспитание, и во всяком случае – воспитание в христианском духе есть само по себе добро, а обучение само по себе ни добро, ни зло: это только средство делать добро или зло, а без воспитания чаще всего является злом. Доказано, что с возрастанием грамотности возрастает и преступность, и это, конечно, потому, что дают детям в руки нож, а не научают их употреблять его на пользу себе и другим.

Ведь, все это давным-давно известно, все это – неоспоримые истины, и однажды давайте нам обучение, да еще всеобщее, и – ни слова о воспитании!..

Мне скажут: при обучении само собою разумеется и воспитание.

Не будем лицемерить, будем смотреть в глаза самой жизни, самому делу обучения, как оно стоит. Мне кажется, не стоит напрасно тратить время, чтобы доказывать, что все наши школы и высшие, и средние, и низшие почти не думают о воспитании: вся их забота сосредоточена на учебе. Разве только наша бедная церковно-приходская школа еще делает кое-что для воспитания детей народа, но не за то ли ее и гонят несчастную, не за то ли и хотят измором извести? Я не враг грамотности, но и не считаю ее таким великим благом, чтобы выбрасывать на нее те миллионы, которые выжимаются из народа преступным поощрением пьянства, простите мне, иначе я не умею назвать

систему монополии в продаже водки. О, конечно, если бы не было на нас десяти-одиннадцати миллиардов долгов, если бы не приходилось каждый год выплачивать по этим долговым обязательствам полмиллиарда одних процентов, – тогда наш первый долг лежал бы позаботиться о народной школе, – говорю о школе, но еще не о всеобщем обучении, ибо для всеобщего обучения надо, прежде всего, позаботиться о том, кого приставить к этому делу – о воспитателях народа – учителях, а еще первее – о пастырях, об отцах духовных, как воспитателях народа в духе Христова учения. Но попытайтесь сказать это вслух некоторым нашим законосоставителям – на вас обрушатся все громы и молнии этих якобы просвещенных господ!.. Как не признать это гипнозом, своего рода помешательством на внушенной идее? А что она внушена, в этом для меня сомнения нет. И внушена она врагами рода человеческого масонами и иудеями. И нужно это всеобщее обучение в том виде, в каком оно несомненно будет вводиться – нужно не народу, а вот этим непрошеным радетелям народного блага. Ведь, никакого сомнения нет в том, что дело обучения, если оно попадет в руки этих просветителей, поведется так, что из души народной будет вытравлено все, что так дорого русскому человеку, за что он умирал, что выстрадал и сберег за тысячу лет своего исторического бытия. Попробуйте потребовать, чтобы в народные школы ввели старые, столь любимые нашим народом книги Часослов и Псалтирь: да одно наименование сих священных книг способно вывести их из состояния духовного равновесия: мыслимо ли это? Какое мракобесие, клерикализм, обскурантизм и прочие безумные глаголы. Вот если вместо Евангелия и Псалтири учить детей по Толстому – вот это будет “просвещение”! На это и учителей достаточно: говорят, из Сибири и других не столь отдаленных мест в последнее время вернулось до 22 000 таких народных просветителей: вот им и надо дело и место дать!

Я со страхом помышляю о том времени, когда осуществится такое всеобщее обучение. Уже и теперь по местам юные грамотеи, наслушавшись всяких освободительных бредней, начитавшись жидовских газет и брошюр, потеряли и

Бога, и совесть, и стыд, и всякий страх, и терроризуют деревню: что будет, когда все молодое поколение заразится этой отравой? Что станется с народом, когда наше старое поколение все сойдет в могилу? Что будет с Русью нашей, когда отравленное неверием, кощунством, богохульством и всякими модными масонскими бреднями, выродившееся в идиотов от алкоголизации, новое, больное и духом и телом поколение явится хозяином на родной земле?.. Ведь надо помнить, если мы христиане, что Бог поругаем не бывает! Надо помнить, что даже наука, – не говорю уже о нравственном законе, о правосудии Божием – даже беспристрастная наука свидетельствует, что в самых законах природы лежит закон возмездия за нарушение закона нравственного.

Мы открываем новые университеты в то время, когда наша русская наука, можно сказать, дошла до банкротства, когда ею завладели иудеи, когда годами пустуют десятки кафедр в иудаизующих университетах, когда жрецы науки в большинстве обратились в прислужников недобросовестной, противонародной политики и антихристианских лжеучений, и вот в такое-то время мы готовы бросить десятки миллионов на новые университеты, сотни миллионов на всеобщее обучение, не желая давать себе отчета даже в том: найдем ли достаточно людей науки, чтобы обслуживать эти университеты, эти новые народные школы?.. Что все это, как не гипноз, какое-то помешательство на искаженной идее просвещения?

Нужно сначала отрезвить народ, потом просвещать. Прежде спасти его от алкоголизации, от вырождения, от поголовной гибели. А то “просвещение”, которое готовят ему в виде “всеобщего обучения” с учителями нового типа, только ускорит эту гибель. Если есть у вас лишних сто миллионов – то сократите на эту сумму спаивание народа. Если нет никакой возможности обойтись без питейного дохода сразу, уничтожив всякое производство и продажу алкоголя во всех его видах, признавая его ядом наравне с опиумом, гашишем и подобными травами, строжайше преследуя его продажу и выделку, – то постепенно сводите доходы от этого яда на нет. Этих доходов получает государство в чистом виде, за покрытием расходов по

монополии, положим, полмиллиарда в год. Признано возможным через десять лет тратить на "всеобщее обучение" лишних по сто миллионов в год. Если иметь мужество отказаться на время не только от "всеобщего обучения", но и еще от многих прихотей и предметов роскоши, от казенных театров, например, предоставив заботу на все это изыскивать средства тем, кто хочет пользоваться этой роскошью, если, взамен питейного дохода, обложить акцизом, например, всю бумагу, какая бы она ни была, и многое другое, если даже, наконец, ввести снова подоходный или иной какой налог на все, без исключения, население империи, то кто знает, может быть, мы и победили бы кажущегося доселе непобедимым врага – народное пьянство! А затем еще несколько лет усилий, чтобы покрыть государственные долги, и мы стали бы счастливейшим народом среди народов земных, без всякого питейного дохода. Ведь, если сказать правду, то весь чистый (как это слово не к месту приходится употреблять! Лучше бы сказать – весь нечистый) доход от питания приходится отдавать кредиторам как процент, и не будь долгов – не было бы этого расхода. Вот тогда и можно было бы говорить и о всеобщем обучении, и – непременное условие: под надзором и руководством Церкви, и об университетах, конечно, с составом профессоров – честных служителей науки, и о многом другом, о чем теперь и мечтать нельзя.

Но я скажу нечто более отрадное. Если бы можно было сделать опыт: абсолютно отрезвить хотя бы одну губернию, оградив ее от водки совершенно, то – я уверен – через пять лет в ней само собою появилось бы, без участия казны, и всеобщее обучение. И это чудо совершилось бы естественно: то, что теперь пропивает эта губерния, осталось бы в ее экономии, трудоспособность народа повысилась бы вдвое, втрое, явилась бы потребность, нашлись бы и средства у самого населения, без пособия казны, к открытию школ, развитию ремесел, кустарного производства.

Ужели это невозможно? Как же в Америке есть штаты, где абсолютно нет алкоголя? Или что у других народов возможно, то у нас немыслимо? Да проявите же, наконец, мужество взять

в руки вожжи, поверьте в совесть народную, призовите Святую Церковь в помощь!.. Ведь речь идет о спасении народа, великого народа, великого государства, ведь перед нами стоит неотступно вопрос: быть или исчезнуть в истории нашей Руси Святой?

Время всякой вещи под небесем, говорит великий царственный мудрец. Придет время и всеобщему обучению. Но на очереди, прежде всего, стоит вопрос о спасении народа от вырождения, от алкоголизации. И если видится возможность бросить сто миллионов на всеобщее обучение, то бросьте эти миллионы на борьбу с алкоголем. Как это сделать – особый вопрос. Быть может, постепенным территориальным вытеснением алкоголя; например: с такой-то губернии получается 20 миллионов, постановите, чтобы в течение двух лет были закрыты все до единого места продажи алкоголя в этой области, а против тайной продажи ввести драконовские законы, чтобы не повадно было шинковать. Чрез 10–20 лет Россия избавится от водки. А может быть, люди умные придумают другую систему борьбы с алкоголем. Так ли, иначе ли, но если мы не хотим исчезнуть бесследно со страниц истории или обратиться в выночный скот для иудеев, то прежде всего надо объявить беспощадную борьбу с алкоголем. А всеобщее обучение нас не спасет от всеобщей гибели.

Пишу я эти строки и думаю: а дочитают ли их до конца мои читатели? Не скажут ли: “Ну, замечтался архиерей? Мыслимо ли то, что он проектирует?”

Да, конечно немыслимо, если нет среди нас налицо богатырей мысли и дела, если мы так дряблы, что не хотим проявить ни малейшей инициативы, если идем на поводке у разных либералов – рабов масонства и иудейства. И до боли горько сознавать, что какие-то азиаты-японцы, язычники по вере, не благородные арийцы, а желтокожие монголы, больше нас любят свою родину, больше нас проявляют инициативы в государственной жизни. А мы, потомки великих собирателей Руси, мы, носители лучших заветов христианской культуры в Православии, мы, сумевшие еще так недавно объединить в одно целое шестую часть земного шара, мы, имеющие у себя

идеальнейшую власть в лице Божия Помазанника – Самодержца, мы – увы – боимся пошевелить собственными мозгами, чтобы спасти себя, свою родную Русь, мы стыдимся высказать что-либо такое, что покажется нелиберальным “Европе”, а лучше, прямее сказать – иудеям-масонам, мы рабски повторяем то, что подскажут нам эти фарисеи-лицемеры!.. Ведь, у них такой богатый запас красивых, хотя, в сущности пустейших слов: “свобода совести, свобода печати, свобода собраний, союзов... всеобщее обучение, высшая наука” и т. д. и т. д. Без конца! И все эти слова имеют какую-то чарующую, гипнотизирующую силу, мы не в силах противостоять этому очарованию. Мы не смеем даже подумать русским свободным умом, русскою, как говорили наши деды, смекалкою. И они, наши враги, отлично это знают и отлично играют на той нашей больной струне. Стоит громко свое русское, прямое слово сказать, как они поднимают такой лай, что не рад будешь проявлению своего мужества, ибо нет уверенности, что и свои-то, русские люди, тебя поддержат. До чего мы дошли? До такого унижения, до такого позора! Право же стыдно становится за нашу интеллигенцию, за наши правящие классы! Стыдно, но и – грешно! Грешно пред Богом, грешно и пред народом.

II

Я кончил свой дневник о всеобщем обучении, когда мне подали № 282 “Русского Знамени”, в котором я прочитал статью г. Фиты “Как франк-масонство завоевало народную школу во Франции”. Я очень и очень рекомендовал бы всем, кто еще не запутался в сетях этой проклятой тайной организации, кто любит нашу матушку Русь Православную, кто желает ей добра, не раз перечитать эту статью. Он увидал бы, что воистину ничто не ново под солнцем, и нашу бедную родину ведут по тому же богоотступническому пути, по какому франкомасоны уже привели несчастную Францию на край погибели. Мы спим, а эти дети сатаны у нас работают настолько успешно, что на последнем масонском конвенте в прошлом сентябре произведено было несколько “победных салютов”, то есть взрывов рукоплесканий в честь “той великой страны, в которой,

несмотря на все трудности, франк-масонству удалось достичнуть в эти годы чрезвычайно важных результатов". Какая это страна и какие это результаты, – замечает автор, не трудно догадаться вся кому.

Официально масонам отказано в разрешении пропаганды в России. Но они вторглись к нам под разными наименованиями и крепко засели и раскинули свои гибельные сети по всей России. У нас образовалось множество всевозможных "лиг", а в последнее время в Петербурге возник "французский институт", поставивший себе задачу "более широкое распространение французских идей среди русского народа". Какие это идеи – читающий да разумеет. Как масонам не торжествовать победу над нами! Удивляться надо, как ослепли наши власти имущие, что ничего не видят, ничем не тревожатся, ничего не подозревают?

История Франции последнего столетия ясно указывает, к чему стремятся масоны и у нас. Их главная задача – "обезхристианивание" всего человечества, уничтожение христианства, а с ним и всякой культуры на земле и превращение всех людей в рабочий скот для себя. С этой целью они захватывают в свои руки школу, вытравляют у детей всякое религиозное, нравственное и патриотическое чувство, тщательно вычеркивают имя Божие из учебников, а когда и это неудобно, то нарочито сочиняют учебники, в коих ни слова нет о Боге, о Церкви, о любви к Отечеству. В несчастной Франции все это почти достигнуто, а у нас стоит на очереди. И там началось с закона о всеобщем бесплатном обучении и изгнанием из школ духовенства, как мечтают сделать и у нас. И там отобрали все школы у церкви, как хотят отнять и у нас. Там дошло дело до того, что учителя всех школ состоят членами масонских лож, что Распятия и другие священные изображения выброшены из школ, молитва в школах запрещена, строжайше запрещено учителям и учительницам иходить и водить в церковь детей и пытаются даже родителей наказывать штрафом, если будут водить детей в храм Божий. Специалистами безбожия выработан и катихизис, кончающийся таким исповеданием веры:

“Я верую в Землю, созидаельнику всякой материи;
я верую в Разум, Творца всяческой справедливости;
я верую в Солидарность, источник всякого могущества.

Человечество обладает этими тремя вещами, человечество может поэтому достигнуть самого Совершенства.

Так должно быть, так и будет. Аминь”.

Таким образом, начальное народное образование очутилось целиком во власти масонов. Несравненно легче и скорее масоны овладели средними и высшими школами. Могучим орудием к этому послужила печать, которая почти вся в их руках. Печать подготавлила общественное мнение. Автор говорит: “Все было с замечательной предусмотрительностью обсуждено и учтено. Великий Восток (центральная ложа масонов) понимал хорошо, что великие дела не проходят без затруднений и потому, когда иной его проект встречался в палате криками ужаса и протестов, он этим нисколько не смущался, ибо это было уже предусмотрено. Обыкновенно, после внесения такого сногшибательного предложения, последнее передавалось в парламентскую комиссию, которая согласно полученным, откуда следует, инструкциям несколько видоизменяла законопроект, кое-что смягчая и выкидывая из него. Яд был разбавлен, чаша подслащена, но напиток сохранял всю силу своей вредоносности. А между тем, негодование мало-помалу умерялось, протесты становились слабее. Что ж? И то хорошо, чего добились! Хуже ведь могло случиться. Наконец, когда законопроект снова передавался на усмотрение палаты, в него вводились еще одна-две легоньких, пустяшных поправки, и – злодейский закон прошел!.. Утомленное, обескураженное общественное мнение покоряется. А печать не дремлет: создает лукавыми статьями иллюзию якобы достигнутого новым законом успеха”.

Читая эти строки, поражаешься: да ведь все это буквально происходит и у нас, в наших “палатах”! Все это мы, члены Государственного Совета, видим воочию! Ведь вот именно так прошел (слава Богу – не утвержденный Государем) законопроект о расстригах; так прошел законопроект о переходе из одной веры в другую; так идут теперь законопроекты о празд-

никах и о всеобщем обучении. Очевидно, масоны работают и у нас без всякого стеснения. Да и чего им стесняться, когда все – к их услугам: и печать, и общественное мнение, и представители власти, и наши якобы законодательные учреждения. Если заглянуть им в душу, то и они мечтают о том же, о чем уже говорят французские их “братья”: “Пока мы не изменим радикально мозг наших сограждан, пока мы не дадим совершенно другого направления умственности французских (читай: русских) детей, франк-масонство должно считать себя еще ничего не сделавшим. Поэтому надо всеми мерами добиваться проведения закона, которым возбранялось бы формально родителям, родственникам и опекунам воспитывать своих детей в какой-либо религии под страхом лишения их родительского, родственного и опекунского авторитета и легальной власти, и отобрания детей, и поручения таковых, за счет виновных, государству”.

И нет сомнения, если Русский народ не даст могучий отпор этим вожделениям, то и у нас будет то же, что во Франции. И мы с ужасом видим прямое гонение на веру Православную со стороны этих слуг сатаны, которые и детей наших будут отнимать у нас, чтобы воспитывать их в ненависти к нашей святой вере, и у нас, как хорошо выразился “Колокол”, будут свои “янычары”, и у нас – скорее, чем во Франции, – польется кровь христианская.

Вот край желания тех, кто так радеет у нас о всеобщем обучении! Не гг. министров, которые составляли законопроект, а тех, кто все уши прожужжал сим министрам, требуя сего законопроекта.

Пора же наконец опомниться, пока не поздно! Пора решительно и твердо порвать дружбу с правительством Франции, изменяющим Христу и открыто служащим сатане! Пора взяться за свой русский ум и идти своей, Богом указанной дорогой! Ведь право же, тошнит от этого подслуживания врагам рода человеческого, этого пресмыкания перед мерзостью запустения, что царит в несчастной Франции, что губит уже многие народы.

106–107. Памяти великого священномученика за Отечество

Счастлив народ, помнящий заветы своих предков благочестивых; счастлива Церковь, присно пребывающая в благодатном общении с Церковью веков минувших; счастлив ты, православный Русский народ, что есть у тебя крепкие пред Богом стоятели и печальники, но счастлив дотоле, пока идешь по стопам их, пока свято хранишь заветы их!

Мы переживаем крайне опасное для Отечества нашего время, когда темные силы вражьи стремятся отравить и убить нашу русскую православную душу, исказив или, по крайней мере, подменив все наше народное православно-русское миросозерцание. И вот, Промыслом Божиим, это печальное и опасное для народа, для России, время совпадает с годовщинами великих воспоминаний далекого по времени, но близкого сердцу прошлого в истории нашего Отечества. И встают пред нами великие герои духа из того отдаленного прошлого, и во главе их – несокрушимый адамант веры, богатырь духа, Святейший Всероссийский Патриарх Гермоген. 17 февраля исполняется ровно триста лет, как заморенный голодом в мрачном подземелье Чудова монастыря отошел к Богу святою своей душой этот священномученик за Отечество. Благовременно вспомнить его священные заветы, особенно благопотребные для нашего, столь измельчавшего духом и оскудевшего верою поколения.

За свое ревностное служение Церкви и строгую подвижническую жизнь удостоенный сана митрополита только что покоренной Казани, Святитель Божий весь отдался святому делу утверждения в православии новокрещеных татар, из коих некоторые возвращались в магометанство, а другие уклонялись в католичество и лютеранство. Митрополит Гермоген испросил у Царя Феодора Иоанновича указ, в силу которого новокрещеные татары поселены были вместе с русскими в особой слободе, где для них построили церковь и наблюдали за ними, чтобы они посещали богослужение, носили кресты на

груди, имели у себя иконы и жили по-православному. А иноверцам было запрещено брать на службу к себе православных. Святитель Божий не пускался в рассуждения о какой-то свободе совести: он веровал, что истина Православия превыше всех сокровищ на земле и ограждал ее всею силою своей святительской власти. И ни в какие сделки с своею совестью он не входил, и грехом почел бы допускать совращения из Православия в какую бы то ни было иную веру.

Вот урок вашим законопоставителям! Вот завет великого поборника веры православным русским людям! Хотите милости Божией – не стыдитесь исповедать православную веру, как едину истинную, едину спасающую, как неоценненное сокровище, нам вверенное; старайтесь и другие народы делать участниками и причастниками этого бесценного сокровища, хотя бы для сего потребовалось иногда употребить и не совсем либеральные меры – вроде тех, какие применяются к неразумным детям.

Но вот святитель вызван в Москву. На престоле Русских Царей – ставленник поляков самозванец Лжедмитрий. Он высказывается за унию с римским папой. Он хочет жениться на польке-католичке, не присоединяя ее к Православной Церкви. И почти все молчат, никто не протестует против новшества, которое грозит уничтожением Православия на Руси. Только митрополит Гермоген да коломенский святитель Иосиф открыто восстают против этого оскорблении Церкви Православной, только они громко заявляют, что невеста названного Димитрия должна принять крещение, торжественно исповедать истину Православия, иначе брак не будет законным. Самозванец за такое дерзновение высылает Гермогена в Казань, где он не лишился своей кафедры только потому, что Лжедмитрий вскоре после того был растерзан народом.

Вот урок и нам, святым, и каждому, кто поставлен говорить правду пред сильными мира сего. Не бойся, забудь свою личную жизнь, не смотри на те беды, которые, может быть, грозят тебе за правду Божию: смело стой за святую веру Православную, если видишь где-нибудь и в чем-нибудь опасность для нее! Истина Христова, вера Православная,

дороже нашей жизни. Святое Православие есть душа русской души народной. Не будет Православия на Руси – не будет и народа Русского. За истину святого нашего Православия мы должны быть готовы отдать все: и честь нашу, и все блага земные, и самую жизнь. Станем же в своей совести пред лицом этого великого стоятеля за Православие, святителя Гермогена, и спросим себя: готовы ли мы на это? Не лукавим ли во имя разных либеральных бредней, во имя масонской свободы совести, гуманизма и прочих бессмысленных глаголов?.. А время, нами переживаемое, несмотря на проповедь всяческих “свобод”, именно требует такого мужественного исповедания и не лишено возможности гонений.

Царствует Василий Иоаннович Шуйский, а смута не утихает: является второй самозванец, метко заклейменный в истории именем “тушинского вора”. Святитель Гермоген уже на престоле Патриаршем. Он мужественно стоит против смутьянов.

Он посыпает к мятежникам для увещания крутицкого митрополита Пафнутия. Он рассыпает по городам грамоты, в которых извещает о гибели первого самозванца-еретика Гришки Отрепьева, о перенесении святых мощей Царевича Димитрия в Москву, о воцарении Шуйского – Царя благочестивого и поборателя по православной вере. Он предупреждает, что явился новый самозванец и требует от духовенства, чтобы его грамоты были по несколько раз прочитаны народу при служении молебнов о здравии и спасении Богом венчанного Государя. Так он старался утвердить в умах и сердцах тогдашних русских людей верность законному Царю. И его слова ложились на добрые русские сердца, и многие отстали от самозванца и вернулись на службу к Василию Иоанновичу.

Чтобы еще более рассеять туман смуты в умах, Царь и Святитель Гермоген вызвали из Старицы бывшего Патриарха Иова, чтобы он даровал народу разрешение от грехов – нарушения крестного целования и измены. 20 февраля 1607 года в Успенском соборе произошло всенародное покаяние перед престарелым Патриархом Иовом, который разрешил виновных в клятвопреступлениях и изменах. На многих это подействовало благотворно, но не на всех. Смута развратила

умы до того, что люди забывали долг свой в отношении к Родине, к родной Церкви и переходили на сторону второго самозванца – Тушинского вора, несмотря на то, что он вовсе даже не был похож на первого Лжедимитрия (говорят, это был просто жид из Польши). Этого бродягу сопровождали иезуиты, которым был дан наказ действовать осторожнее, чем при первом самозванце, в деле распространения унии и латинства в России. Иезуиты должны были удалять от самозванца русских людей, окружая его католиками и униатами, всячески склонять бояр к измене Православию, заводить в России католические и униатские школы, строить костелы, изгонять из России греков и пр. Конечно, все это тщательно укрывалось от всех русских людей, но прозорливый патриарх раньше других разгадал лукавые цели поляков. Он еще ревностнее стал поддерживать Царя Василия Иоанновича как защитника Православия. Он не останавливался даже перед анафемою против изменников Царю и Отечеству. В 1609 году мятежники вытащили его на Лобное место среди Красной площади и, тряся его за ворот, бросая ему песок в лицо, требовали, чтобы он присоединился к ним для низложения Царя Василия Иоанновича с престола, ссылаясь на то, что этот Царь был избран одною Москвою, без участия других городов и что из-за него льется кровь многая. Но Патриарх решительно сказал изменникам: “Доселе ни Новгород, ни Псков, ни Тверь, ни Астрахань, ни другие города Москве не указывали, а Москва всем им указывала: а что кровь льется – то не вина Царя”. Твердость первосвятителя способствовала тому, что крамольный замысел на сей раз не удался, а заговорщики убежали в Тушину. Тогда Патриарх и туда отправил свою грамоту. “Обращаюсь к вам, бывшим православным христианам всякого чина и возраста, – писал он, – а ныне не ведаем, как и назвать вас, ибо вы отступили от Бога, возненавидели правду, отпали от Соборной и Апостольской Церкви, отступили от Бога и святым елеем помазанного Царя, вы забыли обеты Православной веры нашей, в которой мы родились, крестились, воспитались, возрастили, преступили крестное целование и клятву – стоять до смерти за дом Пресвятой Богородицы и за Московское государство и пристали

к ложно-мнимому царику вашему. Болит моя душа, ноет сердце, я плачу и с рыданием вопию: помилуйте, братия и чада, свои души и своих родителей, отошедших и живых, посмотрите, как Отечество расхищается и разоряется чужими, какому поруганию предаются святые иконы и церкви, как проливается кровь неповинных, вопиющая к Богу. Вспомните, на кого вы поднимаете оружие: не на Бога ли, сотворившего вас, не на своих ли братьев? Не свое ли Отечество разоряете? Заклинаю вас именем Господа Бога, отстаньте от своего начинания, пока есть время, чтобы не погибнуть вам до конца, а мы, по данной нам власти, примем вас кающихся и упросим Государя простить вас: он милостив”.

Увы, и этот трогательный отеческий призыв не имел успеха.

Что сказал бы святитель Божий, если бы он ныне встал из гроба своего к нынешним “бывшим христианам” – смутьянам всякого чина и возраста? Не повторил ли бы он свои грозные слова: “Не ведаем, как и назвать вас, отступники от Бога и Апостольской Церкви, изменники Царю – Божию Помазаннику, приставшие – не к Тушинскому вору, а к еще более постыдному “ложно-мнимому царику” – современному “прогрессу”, под которым укрывается заклятый враг христианства и всего человечества – масонство, руководимое теми, которые некогда сами на себя призвали небесное проклятие, когда взывали: “Кровь Его на нас и на чадах наших!” Болит моя душа, ноет сердце, я плачу и рыдаю. Заклинаю вас именем Господа Бога: пожалейте себя, пожалейте Отечество!”.

Скоро в пределы России вторгся сам польский король Сигизмунд и осадил Смоленск. А 17 июля в Москве вспыхнул мятеж против Царя Василия Иоанновича. С Красной площади толпы двинулись к Серпуховским воротам, куда насильно привели и Патриарха Гермогена. Здесь раздался только один голос за Царя Василия: то был голос Гермогена, который продолжал стоять за него, по присяге, как за законного государя, венчанного Церковью на царство. Он говорил народу, что там нет спасения, где нет благословения Божия, что измена Царю есть страшное злодейство, за которое грозно накажет Бог и что она не избавит России от бедствий, а еще глубже погрузит

ее в их бездну. Но увещания старца-святителя были безуспешны, и Царь Василий Иоаннович в тот же день был низвержен и удален из Кремля в свой дом на Арбате. На другой день Патриарх еще раз вышел на площадь к народу и уговаривал его возвратить Шуйского на царство, но враги Царя Василия успели уже насилино постричь его в монахи. Несмотря на то, что Царь наотрез отказался от пострижения, громко кричал: “Не хочу!” – князь Туренин произносил за него обеты, а Ляпунов с наглостью держал его за руки, чтобы он не отмахивался, когда на него надевали монашеские одежды. Царицу Марию насилино увезли в Вознесенский монастырь и там постригли. Она рвалась из рук, стенала, звала супруга своего, называла его милым государем, кричала, что будет называть его своим мужем и в монашеской рясе. Патриарх объявил незаконным это насильственное пострижение, молился за Василия Иоанновича в храмах, как за законного Царя, и не считал его иноком, а монахом признал князя Туренина, который вместо него произносил священные обеты. Все это произвело сильное впечатление на москвичей.

Между тем поляки делали свое дело. Они всюду рассыпали свои прокламации, возбуждая ненависть против Царя Василия, указывая на то, будто в царстве Московском все идет дурно в его правление, что из-за него и через него непрестанно льется кровь христианская. Умы волновались. Поляки подкупили податливых на измену русских людей, которые готовы были поймать Царя Василия и отправить пленником к королю Сигизмунду. А многие из тех, которые стояли во главе переворота, буквально исполняя план польский, думали искренно, что служат своему Отечеству. Тем выше проницательность первосвятителя Церкви Патриарха Гермогена, провидевшего в этом деле смуты величайшую опасность для России, ее веры, государственности и народности. И тот, кто держал в это трудное время в своих твердых руках посох Всероссийских Первосвятителей: Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, столько потрудившихся для создания единого и мощного Московского государства, головою был выше всех своих современников в государственном отношении. Он

больше, чем кто-либо из героев этого страшного времени, сделал для спасения России и запечатлел свои подвиги мученическою смертью в 1612 году.

Когда верховная власть перешла к боярской думе, когда бояре решили призвать на русский престол польского королевича Владислава, снова громко поднял свой голос против этого опасного для Отечества шага святейший Патриарх Гермоген. Он не смутился тем, что не достигнет цели, и прямо заявил, что он против призыва иноземца-поляка, указывая, что необходимо избрать на престол православного Царя из русских, причем первый указал на юного боярина Михаила Феодоровича Романова, как на лицо, достойное царского венца по его родству с угасшим родом святого Владимира. Он напоминал о том, что пришлось испытать Русскому народу от поляков при Гришке Отрепьеве.

Теперь же чего ждете? – спрашивал он изменников. – Разве только конечного разорения царству и православной вере?

Но польские приспешники осыпали Патриарха насмешками.

Твое дело, – говорили они, – святейший отче, смотреть за церковными делами, а в мирские дела тебе не следует вмешиваться.

Как это похоже на то, что и в наше смутное время говорят нам, пастырям Церкви, современные нам приспешники масонов и иудеев: не наше дело мешаться в политику! Как будто любовь к Отечеству – политика! Как будто охрана православной веры в России – политика! Святитель Гермоген не слушал тогдаших изменников: он дал нам пример и завет, как относиться к таким толкам. Он отстаивал правду Божью по архиерейской совести, а не по толкованию тех, кто и Бога потерял и врагу продался.

Бояре не послушали Патриарха, но все же сделали ему уступку: по его настоянию они потребовали, чтобы Владислав, прежде вступления на престол, принял православие, не сносился с папою, не строил на Руси костелов, не допускал к нам ксендзов и казнил смертью тех, кто перейдет из Православия в латинство, – женился бы на русской, не раздавал должностей полякам и, для обеспечения государства от внесения в него чего-либо нерусского, требовали, чтобы королевич ничего не

предпринимал в верховном управлении без согласия боярской думы, а в законодательстве и налогах – без одобрения Земского Собора. Это было сделано не ради присвоения народу власти, а ради защиты русских начал жизни от подавления их иноземцем. Тогдашние русские люди, несмотря на всю смуту в их умах, еще помнили, что они – русские, и тщательно старались оберегать свои народные заветы, свои основы русской жизни. Только на этих условиях и после тяжелой внутренней борьбы Патриарх дал свое согласие на приглашение Владислава. К Сигизмунду под Смоленск были отправлены послы (именно те лица, которые были особенно опасны для королевича Владислава: ясно, что выбор сделан под влиянием советов польского гетмана Жолкевского) для переговоров: Ростовский митрополит Филарет Никитич Романов и князь Василий Голицын, так же, как и сын Филарета, Михаил, намечавшийся в цари. Сами бояре предали в руки поляков низведенного с престола Царя Василия с его братом Димитрием. Патриарх не одобрял всего этого, но вынужден был выжидать, пока поляки яснее раскроют свои планы. Недолго пришлось ожидать. Король Сигизмунд стал требовать, чтобы вместо Владислава русские присягнули ему самому и уже начал издавать указы от своего имени касательно русских государственных дел. Это значило, что он считает Россию уже покоренною провинцией Польши. Нет нужды говорить, что это грозило гибелью и вере Православной, и русской народности. Момент был страшный. Бояре стояли за польского королевича, в своей слепоте не подозревая опасности; Москва была в руках поляков; смута и измена увеличивались; люди, верные Отечеству и Православной Церкви, были загнаны и забыты. В эту-то роковую пору “был един и уединен”, как выражается современный ему летописец, святейший Патриарх Гермоген. Мог ли он, казалось, в своем полном одиночестве поднять Россию против поляков и самозванца на смертную борьбу? Но что же будет, если и этот доселе твердый, как адамант, столп Церкви и всей Руси – теперь поколеблется? Что, если и он изнемог, и в своем тяжком одиночестве, под угрозою гонений омрачит себя мыслию, будто путем уступок и угодничества

Польше и католичеству можно спасти хоть часть исторических сокровищ России?..

Но благодарение Богу! Этот великий и несокрушимый столп не поколебался, этот светильник не угас и, по-прежнему, в сгущавшейся тьме, светил России своим немерцающим светом, который, по мере роста бедствий и опасностей, разгорался все ярче и ярче. Посох великих первосвятителей России, который верной и твердой рукою держал Патриарх Гермоген, указал для России пути и орудия спасения от смут и порабощения. Ему именно принадлежит первенство в этом великом и святом деле. За ним дружными рядами пошло все русское православное духовенство, доблестный старец знал, что “иному некому пособить ни в слове, ни в деле”, и геройски стал на великую стражу России. Он следил за каждым, даже скрытым, шагом врагов, готовый поднять против них всю силу Церкви и еще неугасший в народе дух русской государственности и русской народности. Сначала Патриарх, как говорит древнее сказание, “видя людей Божиих в Велицей России мятущихся и зело погибающих”, говорил им: “Чада паства моя, послушайте словес моих! Что еще мятется и вверяете души свои поганым полякам? Которое вам, словесным овцам, общение с злочищными волками? Весте сами, яко издавна православная вера наша христианская греческого закона от иноплеменных стран ненавидима. Киими же нравы примирихомся с иноплеменниками сими?”...

Как эти слова подходят и к нашему времени! И в наше время так же, как и тогда, наша вера православная “всеми иноплеменниками ненавидима есть”; и теперь, как и тогда, это “иноплеменники”, эти французы и англичане, немцы и итальянцы, и все народы Запада, в сущности с презрением относятся к нашей вере Православной, а те из них, которые потеряли всякую веру, всячески стремятся и у нас вырвать из народного сердца веру Православную, а среди нас, людей русских, немало изменников, которые готовы содействовать им в этом и чрез то загубить родную Русь.

В ноябре 1610 года в патриаршие палаты явился вождь поляющей партии, боярин Михайло Салтыков, и начал речь о

Сигизмунде, “все на то приводя, чтобы крест целовать самому королю”. Но напрасна была эта коварная попытка: непреклонный и всегда решительный Патриарх властью прекратил эти хитрые речи Салтыкова. Тогда, на другой день, изменник явился к первосвятителю уже с боярами правительствующей думы и стал прямо требовать разрешить народу целовать крест польскому королю, отдаваясь в его полную волю, и чтобы первосвятитель Церкви отписал об этом к королю под осажденный Смоленск в грамотах.

Стану писать к королю грамоты, – мужественно сказал Патриарх, – и духовным властям велю руки приложить, если король даст сына на Московское государство, если королевич крестится в Православную веру нашу, а литовские люди выйдут из Москвы. А что положиться на всю королевскую волю, то видимое дело, что нам крест целовать самому королю, а не королевичу, и я таких грамот не благословляю вам писать и проклинаю того, кто писать их будет; а русским людям напишу, что если королевич на Московское государство не будет, в Православную веру не крестится и “литвы” из Московского государства не выведет, то благословляю всех, кто королевичу крест целовал, идти под Москву и помереть всем за Православную веру.

Вот решительное и мощное слово о неустанной борьбе за то, что всего дороже для нашего народа, за веру Православную! Это слово привело в ярость изменника Салтыкова, который понял всю силу этого слова. С наглыми ругательствами наступал он на святейшего Патриарха и даже бросился на него с ножом. А Гермоген, подняв руку с крестным знамением, сказал: “Крестное знамение да будет против твоего окаянного ножа. Будь ты проклят в сем веке и в будущем!”

Это твое начало, господин, – обратился Патриарх к первому советнику боярской думы – князю Мстиславскому. – Ты больше всех честью, тебе следует больше других подвизаться за веру Православную: если ты прельстишься, то Бог скоро прекратит жизнь твою, и род твой возмет от земли живых и не останется никого из рода твоего в живых.

Такие потрясающие слова Патриарха привели в сильное волнение присутствующих: даже такой закоренелый изменник, как Салтыков, поспешил испросить у Патриарха прощение, извиняя себя тем, что “безумен был и без памяти говорил”. Патриарх отпустил бояр, но не успокоился на сих объяснениях. Несмотря на то, что поляки своими патрулями сторожили Кремль и весь город, святитель разослал своих дворовых людей собирать народ в Успенский собор. С церковного амвона он объяснил им всю грозную опасность настоящего положения для Церкви и Отечества и прямо запретил целовать крест польскому королю Сигизмунду, убеждая народ стоять за веру Православную. Вот где первое начало народной борьбы с поляками и русскими изменниками! Во главе ее стал сам первосвятитель Церкви, и его слова стали разноситься по всем концам России. Поляки не успели помешать этому важному и решающему собранию, вскоре после него окружили Патриарха своим надзором и стражею, но начало народной борьбе было уже положено. В следующем году жители Ярославля писали в своей грамоте по городам: “Если бы Патриарх Гермоген не учинил такого досточудного дела, то никто из боязни польских и литовских людей, не смел бы молвить ни одного слова”.

Между тем наши послы под Смоленском на все требования поляков отвечали отказом. Когда Салтыков, от имени бояр, прислал им грамоту с приказом, чтобы послы приказали смольнянам сдать город Сигизмунду, митрополит Филарет сказал: “Таким грамотам по совести повиноваться нельзя: писаны они без воли Патриарха, а нас отпускал сюда Патриарх”. А князь Голицын прибавил: “Когда мы стали без Государя, Патриарх у нас человек печальный, и без него в таком важном деле решать не подобает”. Что же касается требования, чтобы смольняне, изменив своей присяге, сдали город полякам, то послы отвечали: “Бог и русские люди никогда не простят нам этого, и земля нас не понесет”.

В половине декабря самозванец был убит в Калуге, и Патриарх властною рукою стал поднимать Русский народ и по областям уже на вооруженную борьбу с поляками. На Рождество он начал писать грамоты, которые были образцом всех

последующих грамот смутного времени. Эти грамоты поднимали мощные волны народного одушевления и самоотверженной готовности на великие жертвы для спасения веры и Отечества. Исходя от “первопрестольника Апостольской Церкви и поборателя по истинной христианской православной вере”, они придавали народному движению характер, прежде всего – борьбы за веру, войны священной. В этих грамотах Патриарх выставлял требование польского короля, как измену клятвенным обязательствам самих поляков. Поэтому он разрешил Русский народ от присяги, данной королевичу Владиславу. Это давало полнейшее право русским людям гнать клятвопреступных поляков из России. Царя на Руси не было; боярская дума изменила; Патриарх являлся “начальным человеком земли Русской”, и потому он счел себя вправе призвать народ к оружию. В своих грамотах он кликнул клич по областям: “Всем, не мешкая, по зимнему пути, собрався со всеми города, итти вооруженными ополчениями к Москве на польских и литовских людей”. Святитель Божий не останавливался перед мыслию: дело ли Патриарха, служителя Церкви, говоря по нынешнему – “мешаться в политику”, призывать к оружию: пошел по стопам своих великих предшественников, принимавших самое деятельное участие в делах народно-государственных и действовал по заветам Церкви, которая, в лице Преподобного Сергия, вооружила мечами и копьями своих схимонахов и послала их на битву, на Куликово поле. В начале 1611 года гонцы Патриарха скакали по всем областям. Грамоты Патриарха породили целый ряд подобных грамот; призывные послания городов подклеивались к патриаршим грамотам и вместе с ними пересыпались от города до города. Уже в том же 1611 году они вызвали сбор двух ополчений, во главе которых потом стал князь Пожарский вместе с Мининым. Эти грамоты пробудили народный дух, воскресили надежду на спасение Отечества, зажгли ревность к этому святому делу. Движение народное росло с каждым днем. И из-под Смоленска пришла в Москву от наших послов грамота, извещавшая, что не надеялись на то, что королевич будет царем в Москве: поляки выведут из России лучших людей,

опустошат ее и завладеют ею. “Ради Бога, – писали эти русские люди, – положите крепкий совет между собою, разошлите списки с нашей грамоты и в Новгород, и в Вологду, и в Нежин, и в другие города, чтобы всею землею сообща встать за Православную веру, пока мы свободны, а не в рабстве и не отведены в плен”.

Поляки не могли простить Патриарху такого дерзновения. Чтобы отнять у него возможность рассыпать грамоты, “у него дьяки, подьячие и всякие дворовые люди пойманы, а двор его весь разграблен”. С этого времени его стали держать, “как птицу в заклете”. Но это насилие еще больше возбуждало в народе уважение и любовь к Патриарху, еще больше придавало силы его грамотам. Сами москвичи стали писать в другие города: “Вслед за предателями христианства, Михаилом Салтыковым и Феодором Андроновым с товарищами, идут немногие. Святейший же Патриарх прям, как сам пастырь, душу свою полагает за веру христианскую несомненно, а за ним следуют все православные христиане. Будьте с нами обще заодно против врагов наших и ваших. Помяните одно, если коренью основание крепко, то и древо неподвижно. Если коренья не будет, к чему прилепиться? Здесь корень нашего царства, здесь – знамя Отечества – образ Божией Матери, Заступницы христианской, который евангелист Лука писал. Здесь великие светильники и хранители Петр, Алексий и Иона чудотворцы. Или вам, православным христианам, то ни во что поставить?”...

Чрезвычайно сильно и глубоко было действие призывов Патриарха. Чистые, неомраченные смутой и изменой души были всецело на его стороне. Но заговорила совесть и у тех, которые в это смутное время измалодушествовались, проживая в стане самозванцев и дружа с поляками. Особенно поразительный и глубокий переворот произвели грамоты Гермогена в душе Прокопия Ляпунова: из этого человека, дотоле колебавшегося семо и овамо, они сделали верного и твердого исполнителя наставлений Гермогена. В каких только лагерях не перебывал этот человек! Сначала он был в стане Болотникова, откуда явился с повинной к Царю Василию Иоанновичу; затем он перешел на сторону его врагов и, вопреки Патриарху,

участвовал в крамоле против Шуйского. Потом передался королевичу и его партии, но сильные слова патриарха сделали его, наконец, верным даже до смерти сыном Отечества. Он образовал в Рязани стройное ополчение, при вести о насилии над Патриархом он отправил в Москву грамоту в защиту его, и она подействовала на правивших бояр: “С тех мест, – говорит летопись, – Патриарху стало повольнее и дворовых людей ему немногих отдали”.

Наконец по призыву Патриарха, образовалось стотысячное войско из 25 городов и большие отряды казаков. Сидевшие в Москве поляки и их русские приспешники заволновались, а Салтыков в марте 1611 года опять явился к Патриарху Гермогену и угрожающим тоном сказал ему: “Это ты по городам посыпал грамоты; ты приказывал всем собираться да идти на Москву! Отпиши им, чтоб не ходили”. Патриарх мужественно ответил: “Если ты, все изменники и поляки выйдете из Москвы вон, я отпишу к своим, чтобы вернулись. Если же вы останетесь, то всех благословляю помереть за Православную веру. Вижу ее поругание, вижу разорение святых церквей, слышу в Кремле латынское пение и не могу терпеть”. Поляк Гонсевский сам заговорил: “Ты, Гермоген, главный заводчик всего возмущения. Тебе не пройдет это даром. Не думай, что тебя охранит твой сан”.

Но запугать готового на мученичество Первосвятителя было нельзя.

Теперь поляки уже ничем не прикрывали своей ненависти к русскому народу. Они стали держать под стражей Патриарха; стали жестоко поступать с московским населением. Поляки пытались обольстить народ, суля ему разные свободы, выхваляя свои порядки, свой сейм, ограничивающий власть государя, но преданные самодержавию русские люди им отвечали: “Вам дорога ваша вольность, а нам – наша неволя. Да, ведь, и у вас – собственно, не настоящая воля, а своеование: сильный грабит слабого, может отнять у него имение и жизнь. Искать правосудия по вашим законам долго, – ничего не возьмешь; а у нас самый знатный не властен обидеть последнего простолюдина: по первой жалобе Царь творит суд и

расправу. Как Бог, карает он и милует". А которые были посмелее, те говорили, чтоб поляки убрались из Москвы по добру-здраву. "Россия-де не такая невеста, чтобы ей не найти жениха получше Владислава".

Все предвещало приближение страшной грозы. Гроза разразилась на Страстной неделе. Во всех концах Москвы зазвучал набат. Поляки бросились на народ и стали рубить его. Москвичи, вооружившись чем попало, стали защищаться. Поляки, видя, что им не удается взять верх, отступили к Кремлю и подожгли город во всех концах. Летописцы рисуют нам страшную картину этих дней. Пожар длился всю неделю. Во вторник на Святой уже стали подходить главные силы русских ополчений. Они со всех сторон окружили Кремль и Китай-город, где засели поляки. Изменники и поляки снова приступили к Патриарху и заговорили: "Прикажи Ляпунову и товарищам, чтобы они ушли назад: иначе ты умрешь злую смертью".

Боюсь Единого Живущего на небесах, – ответил непреклонный первосвятитель. – Вы мне сулите злую смерть, а я надеюсь чрез нее получить венец небесный и давно желаю пострадать за правду.

Тогда они объявили его низвергнутым с патриаршества и передали его кафедру уже давно низложенному приверженцу Лжедимитрия I, греку Игнатию, а самого Гермогена бросили в подземелье Чудова монастыря, куда спускали ему в окно хлеб и воду. "В храмине пусте, яко во гробе, затвориша", – говорит летопись.

Прошло три месяца. Защитники Отечества, лишенные духовного вождя, ссорились между собою. Ляпунов был изменнически убит казаками. О Гермогене ничего не было слышно.

Но вот 5 августа 1611 года в Кремль пробрался некто Родион Мосеев к Патриарху Гермогену. А тот воспользовался этим, чтобы отправить в Нижний свою, уже последнюю, предсмертную грамоту. Она гласила следующее: "Благословение архимандритам и игуменам, и протопопам, и воеводам, и дьякам, и дворянам, и детям боярским, и всему

миру: от Патриарха Гермогена Московского и всея Руси – мир вам и прощение и разрешение. Да писати бы вам из Нижнего в Казань к митрополиту Ефрему, чтобы митрополит писал в полки боярам учительную грамоту, да и казацкому войску, чтобы они стояли крепко в вере, и боярам бы и атаманье говорили бесстрашно, чтобы они отнюдь на царство проклятого Маринкина сына... не брали. Я не благословляю! И на Вологду ко властям пишите ж; также бы писали в полки: да и к Рязанскому владыке пишите тож, чтобы в полки также писал к боярам учительную грамоту, чтоб уняли грабеж, корчму и разврат, и имели бы чистоту душевную и братство, и промышляли бы, как реклись, души свои положити за Пречистыя дом и за чудотворцев, и за веру, так бы и совершили; да и во все города пишите, чтобы из городов писали в полки к боярам и атаманье, что отнюдь Маринкин сын не надобен: проклят от святого собора и от нас. Да те бы вам грамоты городов собрати к себе в Нижний Новгород да пересылати в полки к боярам и атаманье; а прислати же прежних, коих есте прислали ко мне с советными челобитными, – свияженина Родиона Мосеева да Романа Пахомова, – а им бы в полках говорити бесстрашно что проклятый отнюдь не надобен; а хотя буде постраждете, и вас в том Бог простит и разрешит в сем веце и в будущем; а в города для грамот посылати их же, а велети им говорити моим словом. А вам всем от нас благословение и разрешение в сем веце и в будущем, что стоите за веру неподвижно: а я должен за вас Бога молити".

Поразительно это величие духа в святейшем Патриархе: одинокий, беспомощный, в глубине подземелья, под грозой мученической смерти, этот "Начальный человек Земли Русской" чувствует себя вождем народа и как бы великим государем и считает себя в праве передавать свои государственным полномочия лицам духовным и воеводам, даже городам и, наконец, – отдельным лицам, каковы Мосеев и Пахомов, и велит им говорить бесстрашно народу все от его имени.

Принесенное в Нижний Новгород это призывное послание нашло глубокий отклик в народе. Его клич – идти на спасение Родины поддерживали его присные ученики и послушники:

поставленный им и близкий к нему архимандрит Сергиевской Лавры преподобный Дионисий и ее келарь Авраамий Палицын, также повсюду рассылавшие свои грамоты с призывом ополчиться на спасение Отечества. Мы знаем, что в Нижнем во главе народного движения стали земский староста Козьма Минин, князь Дмитрий Михайлович Пожарский и местное духовенство.

Из глубины подземелья великий священномученик за Отечество не мог телесными очами видеть движение собранных, по его призыву, народных ополчений и девяти месяцев не дожил до совершенного освобождения Москвы и России. Но он имел утешение узнать, хотя от врагов своих, что эти ополчения идут.

Удивительна была слепота врагов святителя Божия и России! Изменники все еще думали, что под влиянием тяжкого заточения можно сломить мужество Гермогена. Они опять спускаются в подземелье его, опять требуют, чтобы он своим проклятием остановил Пожарского, Минина и их сподвижников и заставил их возвратиться назад. “Он же, великий государь-исповедник, – говорит летописец, – рече им: да будет над теми, кто идут на очищение Московского государства, милость от Господа Бога, а от нашего смирения благословение; а на окаянных изменников да излиется гнев от Бога, а от нашего смирения да будут прокляты они в сем веке и в будущем”.

Это – последние слова, которые дошли до нас от несокрушимого духом первосвятителя. Они должны отзываться в сердцах русских людей и через триста лет – в наше время: в сердцах верных сынов Отечества – отрадою благословения, а в сердцах изменников Родине – грозным проклятием.

Враги не могли быть спокойными, пока был жив святитель Божий. Они порешили освободиться от него насильственною смертью. Современники согласно между собою говорят, что он скончался мученически. Большинство из них утверждают, что его, “по многом страдании и тесноте, уморили голодною смертью”, а поляки говорят, что он был удавлен. Он преставился к Богу 17 февраля 1612 года.

Есть древнее предание, что поляки, вместо хлеба, стали Патриарху давать нечеловеческую пищу: “меташа в неделю сноп овса и мало воды”. Очевидно, это делалось с неслыханною жестокостью, не свойственною русским людям.

Понятно, что когда русские люди узнали о мученической кончине своего великого первосвятителя, то в глубокой скорби своей еще более вдохновились к исполнению его завета – в святом деле освобождения Руси от нашествия поляков и очищения ее от своих же изменников. 22-го октября того же года Москва была очищена, а 13 февраля следующего 1613 года на царский престол был избран тот благословенный родоначальник Дома Романовых, на которого указывал святейший Гермоген. Если Россия не была разделена между поляками и шведами, если не истреблено в ней Православие, если самый народ Русский не потерял своего духовного облика, не обратился в поляков и шведов, а частью и немцев, то всем этим мы обязаны великому подвигу Святителя Гермогена больше, чем кому-либо из защитников Руси того времени. Все они и руководимы были, и одушевляемы – ни кем другим, как Патриархом Гермогеном: он был их вождем, их душою. Вот почему его святое имя записывалось в святцы наряду с прославленными угодниками Божиими.

Святейший Патриарх был первоначально погребен в Чудове. Царь Алексей Михайлович повелел перенести гроб его в Успенский собор (в 1653 году), причем тело его оказалось нетленным. Поэтому оно и не было положено в землю, а поверх земли, в особой гробнице, обитой бархатом. В 1812 году французы, отыскивая сокровища и в гробах, кощунственно выбросили его мощи из гроба, но по уходе их они были найдены целыми и снова положены в ту же гробницу. Чрез 270 лет по кончине, в 1883 году, когда перед коронованием императора Александра III, производились работы в Успенском соборе, упавший со стены камень пробил каменное надгробие и самый гроб Патриарха, и при этом его святые останки оказались нетленными.

В наши дни эта святая гробница привлекает к себе множество народа со всех концов России, и здесь совершаются

непрерывною чредою панихиды по святителю. Его молитвами многие недужные получают исцеления, и близок, верится, день, когда святая Церковь, причислив его к лику святых, откроет его святые мощи для всеобщего поклонения и лобзания.

108. Час уже нам от сна востати!

Во всем году нет такого благоприятного времени для покаяния и исправления нашей жизни, как святой и Великий Пост. Душа человека – по природе христианка: она тоскует о небесном Отечестве даже тогда, когда о нем и не думает. Грех противен ее природе, как яд, принятый внутрь: душа чувствует потребность извергнуть его вон. Отсюда неутолимая тоска, тяжесть на сердце, томление духа, никакими так называемыми развлечениями не облегчаемое. И если это можно сказать о всякой душе человеческой, о душе во Христа верующей, бессознательно ко Христу влекомой самою природою духа, то тем паче должно сказать о душе православной, душе русской. Русская душа неспособна входить в какие-либо сделки с совестью, как это, к сожалению, бывает в других исповеданиях, коих учение построено на началах юридических: в католичестве – на учении об оправдании добрыми делами, а в лютеранстве и других, ему сродных ерсех – на оправдании верою без дел, – православная душа не позволяет себе и думать о каких-либо своих заслугах, вера ли то, или добрые дела: она просто каётся пред Богом, беспощадно себя осуждая, все добро, ею сделанное, Божией помощи и благодати усвояя, и самую веру свою стремлением к доброделанию оживляя. Она знает, что чем беспощаднее будет себя осуждать перед судом Божиим, тем скорее будет оправдана Божиим милосердием. И вот, настает Великий Пост; редкий, печальный звон колоколов, продолжительные службы, умилительные песнопения, земные поклоны с молитвою преподобного Ефрема Сирина и – строгое воздержание в пище – все это так посоветовано Церковью, что невольно душа приходит в себя, размягчается, согревается благодатью Божией и, так сказать, растопляет вокруг себя ледяную кору нечувствия, духовного омертвения, и оживает духом. Знают верующие эту благодатную силу Святого поста и ждать – не дождутся, когда он наступит.

Казалось бы, не все ли равно, в какое бы ни было время человеку каяться, говеть, исправлять свою жизнь? Но ведь и в

видимой природе растения оживают не во всякое время и не при всяких условиях: нужны свет и теплота весеннего солнца, чтобы они ожили. Так и в духовной жизни есть своя весна, весна благодатного веяния на грешные души – это Святой и Великий пост. Не напрасно же он так в книгах богослужебных и называется: пост – весна душам. Еще за четыре недели до наступления его уже как бы начинает веять его благодатным дыханием в службах церковных: сначала – неделя о Закхее, когда читается Евангелие об этом мытаре, с таким простосердечным усердием принявшим Господа Спасителя и услышавшим от Него: днесь спасение дому сему бысть, зане и сей сын Авраамль есть: Сын бо Человеческий прииде взыскати и спасти погибшаго. Затем – урок смирения в лице другого мытаря с его трогательною, на все века для всех грешников столь драгоценною молитвою: Боже, милостив буди ми грешному! Потом – еще неделя – о блудном сыне: эта чудная притча Христова, так наглядно изображающая бесконечное милосердие Божие к кающемуся грешнику. Потом – неделя о Страшном Суде Божием, напоминающая конец мира и неотвратимую судьбу людей в вечности. С сего воскресного дня начинается сырная неделя – приготовление к посту, причем в среду и пяток уже полагаются по уставу великие поклоны. Наконец – Прощеное воскресенье – перед самым постом, с воспоминанием грехопадения Адама и Евы, с трогательным обрядом всеобщего прощения на вечерне.

Грешно нам, пастырям, не пользоваться этим святым временем, чтобы призывать людей Божиих к покаянию. Вот почему каждый раз я долгом почитаю, если бываю в Вологде, то лично, а если отсутствую, то через пастырское послание обращаться к моей пастве, ближайшим образом к жителям Вологды, с призывом к покаянию. Ныне я писал следующее послание:

“Возлюбленным о Господе чадам Церкви Вологодской мир и Божие благословение!

Сегодня день всепрощения и преддверие святого и Великого Поста. Не имея возможности по немощам моим лично преподать вам благословение Божие на грядущие великие дни

поста и покаяния, мыслию и сердцем переношусь к вам, братие, и долгом почитаю повторить то, что сегодня вы слышали, если были у Божественной литургии, в чтении из послания святого Апостола Павла к Римлянам:

Час убо нам от сна востати! Пора проснуться нам от греховного сна, пора стряхнуть с себя суету житейскую, пора взглянуть в светлое зерцало заповедей Божиих, опомниться, познать свое опасное состояние и прибегнуть к Богу в покаянии!

Ныне бо, говорит Апостол, ближайшее нам спасение, нежели егда веровахом – ныне время благоприятное для спасения, чем когда-либо, – настает святой Великий Пост, время покаяния; Церковь зовет и печальным звоном своих колоколов, и скорбными песнопениями, и земными поклонами с умилительной молитвой преподобного Ефрема Сирина, и заповедью строгого воздержания во смижение нашей бунтующей плоти. Нощь убо прейде, ночь греховного самозабвения, ночь блуждания по распутиям греха прошла, а день приближися, день духовного прозрения, день благодати нас осиявающей, очищающей, просвещдающей – уже наступает: только поспешим воспользоваться им! Отложим убо дела темная, дела грешныя, и облечемся во оружия света – украсим себя добрыми делами, как светлою одеждю! Яко во дни благообразно да ходим: будем вести себя так, как подобает добрым христианам: не козлогласовани и пиянсты, не предаваясь ни пированием, ни пьянству, ни сладострастию и распутству, ни ссорам и зависти, но облецытеся Господем нашим Иисусом Христом, во всем смотрите на Господа нашего Иисуса Христа, во всем с Него берите пример, и плоти угодия не творите в похоти: не угождайте своим плотским страстям. Пора вступить в непримиримую борьбу с грехом в своем сердце, довольно рабствовать ему. Жизнь течет, как быстрый поток: и не увидим, как придет конец, позовет Господь на суд Свой праведный и – что тогда ответим Ему? С чем предстанем пред сим Судилю правосуднейшим? Бог дает нам время для того, чтобы мы приготовились к вечности; Церковь Божия дает все средства, чтобы мы очистились от грехов, чтобы потом наше сердце полюбило животворящие заповеди Господни и в их

исполнении находило свое счастье, еще на земле предвкушая вечное блаженство. И вот, святой пост есть наилучшее и благоприятнейшее время для такого переворота в нашей духовной жизни. Поверьте, возлюбленные, что заповеди Господни тяжки не суть! Только начните исполнять их, только имейте мужество стать против греха, оторвать от него свое сердце, соединиться с Господом в Таинстве Причащения и – сердце почувствует ту свободу, какую дает только Господь, и опыт духовной жизни покажет, как близок Он ко всем призывающим Его во истине! Господь дал Своим заповедям животворящую силу, и кто во смирении тщится исполнять их, тот знает, что это за благодатная сила! Да иначе и быть не может: ведь не мы делаем добро, а Сам Господь, яко Глава Церкви, в нас, яко ее членах, живет и действует, и проявляет Свою жизнедеятельность в тех добрых делах, какие мы творим Его благодатною силою во смирении сердца по реченному Им: без Мене не можете творитиничесоже.

Итак, ныне время благоприятное, ныне день спасения! Ныне день всеобщего прощения и примирения. Приидите, возлюбленные чада мои о Господе, простим друг другу всякую обиду, всякое прегрешение, да и от Господа примем всепрощение грехов наших! Аще отпускаете, глаголет Он, человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш Небесный согрешения ваша; аще ли не отпускаете человеком согрешений их, ни Отец ваш отпустит вам согрешений ваших (Мф. 7:14–15). Без примирения с согрешившим против тебя и не приступай ко Господу. Это первое и непременное условие, под которым Господь обещает нам прощение грехов наших. Если тот, у кого ты должен испросить прощение, с которым ты должен примириться, находится далеко от тебя, то теперь пока примирись с ним мысленно, но искренно: помолись за него Господу, как за твоего благодетеля, как за любимого брата, попроси и ему у Господа прощения его грехов, а когда откроется возможность, не замедли исполнить обет своего сердца – непременно примириться с ним и лично. Напиши ему смиренное послание, возьми всю вину размолвки вашей на себя – лишь бы он умиротворился, лишь бы не на словах, а на деле мир между

вами водворился. И лишь только это ты сделаешь, нeliцемерно, от всего сердца, себя во всем обвиняя, молясь Богу за брата твоего, – сам увидишь, опытом сердца узнаешь, как коснется благодать Божия твоего грешного сердца, и станет у тебя на душе так легко-легко.

О если бы мы, братие, знали всю благодатную силу Господних заповедей! Мы только бы и думали о том, как угодить Господу, как исполнить волю Его святую. Заела нас суeta земная; все думаем, что своими заботами да хлопотами можем устроить свое земное благополучие, а то и забыли, что сказал Господь: ищите прежде царствия Божия и правды его, и тогда – сия вся, все что потребно для сей жизни – приложатся – в придачу дано будет вам! Ведь, это не человек сказал – это сказал Господь Бог всемогущий! Ужели Ему-то не верим мы?.. Тогда смеем ли мы и называть себя христианами?..

А ведь надо твердо помнить: нас ждет вечность, подумать только: вечность!.. Вечность или светло-радостная, блаженная, в раю Божием, во славе со святыми. Вечно – с Господом нашим, с Пречистою Его Материю, с Ангелами и Архангелами и всеми святыми Божиими, в нескончаемом наслаждении лицезрением Божиим, – или же – в отвержении от Бога, в сообществе с сатаною, в вечной муке адской, в нескончаемой тоске, беспросветной тьме с богохульниками и еретиками, с предателем Иудою и всеми изменниками святой вере и Христу Спасителю. И это – вечно-вечно – без конца! И это теперь в наших руках, в нашей воле: покайся, исправься, начни жить по Христовым заповедям, в послушании Церкви Божией, в доброделании, в общении с Господом в Таинствах Церкви и – наследуешь жизнь вечную, получишь райское блаженство. А забудешь Господа, не станешь Его святых заповедей исполнять, удалившись от матери-Церкви – жди гибели вечной, муки бесконечной. И это – истина непреложная: аще хощеши винти в живот – соблюди заповеди, глаголет Сам Господь. Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, внидет в царствие небесное, но творяй волю Отца Моего, Иже есть на небесех. И идут сии в муку вечную, говорит Господь о грешниках-козлищах, а праведницы в живот вечный.

И еще раз повторю, се ныне время благоприятное. Час уже нам от сна востати! Пора о душах своих подумать. Пора сказать себе: Душе моя, душе моя, востани, что спиши! Конец приближается. Поспеши покаяться, поспеши взяться за исполнение заповедей Христовых. Что первое тебе подскажет совесть твоя – с того и начинай. Только не откладывай. Вот, например, дела милосердия. В нескольких губерниях люди страждут от голода. На сих днях мне говорил один святитель, прибывший из тех губерний: “Поверите ли, как тяжело приходится нашему бедному духовенству? Один священник сознавался мне, что посыпает своих детишек просить милостыню под окнами – по ночам, чтоб не узнали, чьи это детки: хоть корочку хлебца принесут!” Вот до чего доходит нищета! Вот и соберите, братие моя, кто что может, и пошлите туда. Или – пришлите мне, и я передам сему святителю на голодающих. Да мало ли добра можно делать! Только пожелай. Только не сжимай руки твоей скропостью. Широка заповедь милосердия и различен милования образ, говорит святитель Златоуст. Хотите, чтобы Бог был к вам милостив? Сами окажите милость ближнему. Хотите, чтобы Он простил вам грехи ваши? Сами простите всякому, кто чем-либо обидел вас. Блажени милостивии, яко тии помилованы будут. Прощайте своим врагам, и сами получите прощение от Господа.

Призываю на всех вас Божие благословение и молитвенно желаю, да будет грядущий пост душам вашим во обновление, да положите начало благое доброй истинно христианской жизни: этого ждет от вас Церковь, любящая мать ваша, этого ждет и наша Русь, толико страдающая за наши грехи.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любы Бога и Отца, и причастие Святого Духа буди со всеми вами. Аминь”.

Это послание было прочитано в Вологодском кафедральном соборе после вечерни в Прощеное воскресенье. После чтения собрано было в пользу голодающих тут же, на блюдо, 41 рубль 8 копеек.

И за то слава Богу и спасибо добрым людям!

109. Язычествующий националист о святителе Николае Японском

Трогательное, доходящее по местам до художественного воодушевления слово посвятил отец протоиерей Восторгов памяти в Бозе почившего святителя Николая, воистину – апостола Японской страны. Немногими, но сильными чертами он сумел изобразить во весь рост этого великого человека нашего времени, при воспоминании о котором считаешь себя счастливым, что ты – ему современник, что ты имел счастье знать его и переписываться с ним, ибо в этом Божием человеке так ясно проявила себя сила Божией благодати.

Тем больнее было прочитать отзыв о великом святителе известного публициста г. Меньшикова. “Новое время” – самая распространенная газета, а Меньшиков стяжал себе славу человека, который смеет о всем свое суждение иметь и к голосу которого многие прислушиваются.

Г. Меньшиков подкупает своего читателя своим беспристрастием: он, по-видимому, воздает должное личным качествам апостола Японии. “Может быть, – говорит он, – Николай, действительно, и был святым, насколько позволяет об этом судить наше грешное сознание”. Но тут же говорит: “Жизнь и деятельность столь замечательного человека заслуживают серьезного обсуждения”. И он принимается за это “обсуждение” и начинает... с чего бы вы думали? С упрека святителю: “Зачем он бросил свою бедную родину? Зачем отдал себя чужой стране? Неужели в громадном отечестве нашем нет своих язычников – и в буквальном, и в переносном смысле? Неужели чудному сердцу архиепископа Николая не нашлось бы подвига в коренной России, хотя бы в той же Смоленщине? Не составляет ли нравственной измены Отечеству, когда сильные духом и одаренные русские люди отдают себя служению чужим народам?” и т. д. От обвинения святителя Божия, который всего себя отдал служению апостольскому, в “нравственной измене Отечеству”, наш публицист готов был бы перейти в обвинение его в “карьеризме”: “Люди влагают всю силу духа своего, чтобы

прославиться первыми апостолами в еще нетронутых странах". Это, — видите ли, — "сродни честолюбию первых мореплавателей и путешественников". Да спохватился: чистота, высота и сила истинного подвига заставила и этого беспощадного судью оговориться. "Если бы речь шла не об архиепископе Николае, благородство души которого вне сомнения", — говорит г. Меньшиков. Зато со всею силою какою-то ненависти к делу Божию обрушивается он на самое дело, которому отдал всю свою жизнь святитель Божий: "Смерть, — говорит он, — святителя, дает хороший повод прекратить его святое, но в общем безнадежное предприятие. Никогда Япония не сделается православной, — подчеркивает он, — а небольшой горсти любителей православия в этой стране следует предоставить их религиозные потребности их собственному попечению. При обширности, разноплеменности России, при ее разноверии, вся так называемая внешняя миссия есть хуже, чем роскошь, она вредная ошибка Церкви". Вот до каких нелепостей дошел наш публицист! Невольно спрашиваешь себя: да кто он, этот публицист? Язычник или христианин? Верует ли он в Бога — не говорю уже по-нашему, по-православному, а хотя бы просто по-христиански? Или это один из тех, которых Церковь сегодня (пишу в неделю Православия) предавала анафеме, яко глаголющих или даже хотя бы только помышляющих не быти Богу и Его промыслу не управляти миром? Кто читал прежние писания этого неистощимого газетного говоруна, тот знает, что для него христианство уже отжило свой век, а православие и подавно — исторический пережиток, что на смену христианству идет какой-нибудь буддизм или иной модный культ. Но когда этот писатель надеется на себя личину патриота, то приходится с ним считаться. Разберемся кратко с нашей, православной, церковной точки зрения в тех "серьезных", будто бы, суждениях, какие он высказывает.

Юный, двадцатичетырехлетний юноша, прямо со скамьи, не задумываясь, как он сам говорил, о том, как устроить свою судьбу, вдруг, под впечатлением простого приглашения, прочитанного им на листе бумаги, решается принять

монашество и ехать туда, куда приглашали – в Японию. И вот, г. Меньшиков теперь кричит: “Нравственная измена Отечеству!” Да разве этот юноша знает, предвидит успех своего будущего служения в Японии? Правда, как юноша, он мечтает, но ведь известно, какую цену придают юноши своим мечтам. Он едет просто – к посольской церкви, а не в миссию в собственном смысле. И если бы кто тогда сказал ему: “Что ты делаешь? Ты изменяешь Отечеству!” – он, вероятно, только улыбнулся бы на такие речи. “Я и еду служить Отечеству, – мог бы сказать он, – служение при посольстве русском разве не есть служение Отечеству?” – “Но ты лишаешь Отечество такой силы, таких талантов.” – “Много и без меня и более меня способных людей остается в среде сынов моего Отечества, – ответил бы скромный в мнении о себе юноша. – Я иду туда, куда меня зовут, и в этом зове вижу волю Божию, а в остальном – буди та же воля Божия, благая, премудрая немощная и врачающая”. Вот и все, г. Меньшиков! Ужели, по-вашему, каждый юноша должен считать себя будущим великим человеком и расценивать себя сам: куда и на что он годен? Не лучше ли предоставить это воле Божией: ведь Господь-то лучше нас знает, на что мы пригодны и способны. Вот и я, грешный, в юности моей мечтал уйти в дебри Алтайские и быть там проповедником Христа нашим язычникам, но Богу угодно было послать меня в монастырь, и слава Его премудрому изволению! В 1880 году, когда святитель Николай, по хиротонии во епископа, провел три или четыре дня в лавре Преподобного Сергия, я близко сошелся с ним, и являлась у меня мысль поехать с ним в Японию, но я не позволил себе высказать ему этой мысли, опасаясь напроситься на крест, который будет мне не по силам. А если бы он пригласил, вероятно, решился бы. В том-то и дело, что искренно верующий христианин во всем ищет единой воли Божией и не позволяет себе мудрствовать паче, еже подобает, отнюдь не смея ценить себя, ибо знает и крепко верует, что все, что мы делаем доброго – не мы делаем, а Сам Бог в нас и чрез нас. Это первое.

Второе. Как думает г. Меньшиков: ведь и Апостол Павел, и все, кроме Петра и Иакова, Апостолы Христовы покинули

Палестину, свой родной народ, пошли в чужие страны, чтобы проповедовать христианство во исполнение завета Христова: что ж, стало быть, и они явились нравственными “изменниками Отечеству”? Как-то странно и опровергать такие “националистические” суждения! Ведь тут, очевидно, нет ни веры в промысел Божий, ни истинно христианского понимания дела! На небе, у Ангелов Божиих, радость бывает и об одном грешнике кающемся, какой бы национальности он ни был, а в Японии обращено ко Христу до 40 000 душ: это ли не великое дело Божие? Это ли не радость – не только для небожителей, но и для нас грешных, которые не могут не радоваться спасению братьев наших во Христе? Ведь во Христе Иисусе несть еллин и иудей: в деле веры все мы родные братья, и японцы, ученики святителя Николая, на деле показали свою братскую любовь к нашим пленным, которые не могут и теперь, спустя несколько лет, без чувства глубокой благодарности вспомнить то, как японцы-христиане относились к ним в горькие дни позорного плена. Пусть публицист-националист назовет меня космополитом: я с радостью приму это название, если понимать его в христианском смысле. В том-то и дело, что православная вера роднит все народы. Пусть японцев пока горсточка: довольно и того, что семя святое в них брошено, довольно того, что христианство уже явило чудеса и знамения в среде этих язычников. Не говорю уже о чудесах в собственном смысле, о коих мне писал почивший святитель, – разве не чудо, что языческий жрец Савабе, пришедший убить святителя, стал его ревностным учеником и проповедником Христа? Разве не чудо, что пред нашим равноапостолом почтительно склоняли головы и язычники, да не простой только народ, а и люди ученые, люди, высоко стоявшие на службе, – даже сам император Японии прислал на его гроб венок: разве все это не чудо, совершенное благодатью Божией чрез нашего достославного Архиерея Божия?

Япония, говорит Меньшиков, никогда не будет православной. Он даже подчеркивает эти слова. Не слишком ли много верит он в свою мудрость, свое предвидение? Ведь, Божих дел никто не знает. Силен Бог и мертвых воскрешать.

Святитель верил в возможность обращения японского народа ко Христу. В этом народе есть естественные добродетели, которые могут привлечь спасительную благодать Божию к сему народу, подобно Корнилию-сотнику, о котором повествует книга Деяний Апостольских. И кто знает? Со страхом помышляю я, грешный, как бы не сбылось слово Господне на нас самих: отнимется у вас царствие Божие и дастся языку, творящему плоды его – вот, может быть, этим японцам. Об этом я писал еще 40 лет назад в журнале “Миссионер”. И тем страшнее эта мысль, что тогда, когда я писал это, не было тех ужасных признаков богоотступничества, какие всюду наблюдаются у нас теперь, именно в наши дни. Да сохранит Господь Россию от такой беды, но такие вот рассуждения, как высказываемые Меньшиковым, могут нас привести к этому.

И какое пренебрежение слышится в этом выражении Меньшикова: “горсточка любителей Православия”? Будто Православие есть какое-то ненужное в сущности занятие, ну вроде “научных опытов” каких-нибудь что ли, а не сама жизнь! Любители Православия! Что-то вроде любителей фотографии, цветоводства или тому подобное. Горсточка! Конечно, это немного, это – лишь один человек на тысячу населения Японии: но ведь истинное христианство есть “зерно горчичное”, и есть закваска, по притчам Христовым. И из горчичного зерна вырастает почти дерево, и малая закваска способна заквасить все тесто. Почивший святитель, как известно, почти не имел сотрудников из русских, а все же обратил ко Христу до 40 000, а может быть, и больше. Разве сам он не был тем зерном, из которого выросло древо велие? Разве не он вложил ту закваску, которая как воздействовала на души, способные воспринять Божию благодать? Да не мы ли виноваты и в том, что он не сделал вдвое, втрое, в десять раз больше? По-видимому, ему не было препятствий в его деле со стороны языческого правительства, а средств не доставало! Ведь как ни скучно, по нашему просто ничтожно было содержание катихизаторов (что-то рублей 30 в год!), а все же нужны были средства. А местная церковь, все эти бедняки, льнувшие ко Христу, не могли дать средств, и вот святитель вынужден был, к великой скорби

своей, сокращать число веропроповедников. Вместо того чтобы увеличивать ассигнования, наше миссионерское общество вынуждено было сокращать их. Мы, мы виноваты, что в течение полустолетия так холодно, так безучастно относились к святому подвигу святителя Божия.

А г. Меньшиков советует и совсем предоставить юную Японскую церковь своим силам и средствам! Да это будет преступлением! Это будет величайшим оскорблением памяти великого святителя! Это будет изменою тем заветам Христовым, тем верованиям, какими жила Русь тысячу лет: быть не только хранительницею чистейшей спасительной веры, но и распространительницею света Христова среди народов. Наше горе в том, что в нас самих гаснет светоч Православной веры и православной жизни. Но не должно ли это самое побуждать нас возжигать этот светоч в других народах, дабы их молитвами Господь не попустил погаснуть и в нас сему благодатному огню? Прочтите в толкованиях Апостольского послания к Римлянам у епископа Феофана о том, как призванием язычников Бог влечет к вере самих иудеев.

Но с такими писателями, как г. Меньшиков, толковать об этом не приходится. Ведь сам он, не замечая того, стоит на точке зрения японцев, узких националистов. И когда вспомнишь, что этот талантливый писатель-публицист стоит едва ли не во главе так называемых у нас националистов, когда представишь себе: а что если и все они так думают? – то страшно становится за Россию, за ее будущее. Мне почему-то всегда казалось, что эти люди ставят национальность впереди Православия, считая последнее лишь служебным орудием для главной национальной идеи, и этой глубокой ошибкой, если не сознают ее, они погубят себя. Для русского православного народа прежде и выше всего – вера православная, а затем Царь – Божий Помазанник и наконец уже – народность или, если угодно, национализм. И в самой основе народности русской лежит ничто иное, как Православие. Не будет этого фундамента – не будет и народности русской. И не Церковь ошибается, исполняя, по мере сил, заповедь Христову, а вы, господа националисты, мнящие построить свое здание на песке. И веч-

ная память с похвалами да будет и пребудет святителю Николаю, Японскому просветителю, нашему родному молитвеннику, нашей духовной красе и похвале нашей родной Церкви!

110. Нам ли молиться за него?

Три дня чествовала Русская Православная Церковь великого священномученика за отечество святейшего Патриарха Гермогена; три дня молилась о упокоении его души в Царстве Небесном и возглашала ему вечную память.

Бог привел мне быть участником этого светлого торжества Православия – души народной, и я вынес самые отрадные впечатления с этого праздника православного русского патриотизма. Хочу поделиться ими со своими читателями.

Торжество началось вечером 17-го февраля парастасом в Успенском соборе – этом доме Пресвятой Богородицы, за который душу свою положил святейший первосвятитель России. Здесь, с этого священного амвона, на котором стояли мы, недостойнейшие иерархи – преемники его святительского служения в Церкви Русской, раздавалось его грозное слово, обличавшее изменников Православной вере и Отечеству; с сего амвона он призывал Божие благословение защитникам и верным сынам Отечества; отсюда гремело его проклятие тогдашним эсэрам, эс-декам и кадетам. Эти священные своды оглашались его пламенными речами о любви и верности к несчастной Родине, к престарелому, безвольному царю Василию Иоанновичу, горячим призывом к защите святой веры Православной. Здесь и почивает он ныне своими нетленными мощами, в укромном уголке собора, о бок с шатром над ризою Господней, почивает не в могиле, а вот под этим надгробием, в гробу фиолетового бархата.

Богу, дивному во святых Своих, благоугодно было возбудить в сердцах Русского народа особенную веру в его молитвенное заступление именно в наши многоскорбные дни, когда современные Салтыковы – Милюковы, Масальские – Долгоруковы и вся их компания готовы распродать нашу матушку – святую Русь оптом и в розницу не только полякам, финляндцам, но и презренным иудеям по самым дешевым ценам. В такое то время и восстает из своего гроба трехсотлетний великий покойник, восстает живым чудотворцем,

напоминая русским православным людям их долг пред Родиной, пред святою своей верой, пред Церковью-матерью и Царем-Самодержцем, встает и вещает гласом знамений и чудесных исцелений:

Опомнитесь, православные русские люди! Довольно блуждать вам по распутьям измены родным заветам, пора перестать быть перелетами – от этих заветов – к современным тушинцам, всякого рода изменникам родной вере родному Царю и Отечеству, пора грудью стать за эти заветные святыни нашего русского сердца! Не я один – вся святая Русь, в лице своих избранников на небесах Престолу Божию предстоящая, все сии древнерусские святители и преподобные, все святые князья-мученики и великие печальники ваши пред Богом – все мы призываем вас к покаянию, все взываем к вам: пожалейте Родину, пощадите землю Русскую, над которойю, как и в мои дни, простерлась грозная туча гнева Божия! Обратитесь к матери-Церкви, слушайте гласа ее, яко гласа Божия, вспомните великое призвание Руси – нести и возвещать святую истину Православной веры всем народам земным! Гоните от себя этот ложный стыд, навеваемый врагами Церкви и святой Руси, стыд, будто мы, русские, отстали от других народов и в делах веры, и в жизни государственной, будто посему надо во всем подражать народам чужим, а для сего отрекаться от всего родного... Все это – вражье наваждение, все это – ядовитый туман, которым отравляют вас, наипаче же молодежь вашу враги Божьи – иудеи и масоны с их прислужниками. Будьте чисто русскими, православными людьми, покайтесь по-русски – так, как умели каяться ваши предки – целым сердцем, с детской простотой и искренностью, и Господь смируется над вами, и туча Божия пронесется мимо вас, и паки засияет над Русью солнце милостей Божиих, как во времена оны древние, как было после моей кончины!..

И внемлет гласу святейшего Русь православная, внемлет с благовением тот простой, верующий народ, который составляет целое тело народное, настоящую Русь! И пошли волны народные к священной гробнице великого Патриархопатриота, и с каждым днем сии волны увеличиваются. Не во

дни только торжеств в память его, но и каждый день вереницами тянутся русские люди к дому Пресвятой Богородицы, и несут сюда, под эти священные своды, свои скорби и вздохи болящего за Родину сердца, и изливают свою скорбящую душу у подножия гробницы новоявляемого и Богом прославляемого заступника своего, триста лет безмолвно и смиренно почивавшего в своей гробнице – даже до наших скорбных дней. И неумолчно слышится здесь вечная ему память, и с благоуханием кадильным несется к Богу молитва о упокоении его праведной души со святыми, а в глубине сердечной уже звучит молитвенное слово: “И его молитвами нас грешных, Господи, помилуй!”.

Чинно и неспешно совершалось всенощное бдение – парастас в древнем соборе. Могучими волнами неслись к его сводам звуки священных песнопений на литии, исполненных клиром собора – пение, какого нигде в мире нельзя больше услышать. Неспешно, отчетливо, отчеканивая каждое слово, читали, или, лучше сказать, выпевали два сакеллария непорочны и канон; мы, архиереи, выходили на литию, а потом, начиная с непорочны, стояли среди храма до конца всенощной и ушли в алтарь лишь по возглашении, после отпуста, вечной памяти святителю Божию у его гробницы. Служба длилась четыре с половиной часа и, несмотря на усталость, не хотелось уходить из этого святилища Божия, где, чувствовалось, с нами молились здесь почивающие святители – печальники родной земли, где, казалось, предстоял с нами великий страдалец за веру и Отечество, святейший Патриарх Гермоген.

На другой день богослужение началось крестным ходом из Казанского собора в Успенский с чудотворною иконою Богоматери Казанской, которую некогда изъял из земных недр святитель Гермоген в Казани. Она и поставлена была над его гробницей. Тут же стоял и стяг князя Пожарского, который, молитвенною помощью святителя, освободил Москву от поляков. В богослужении, как накануне, так и 18-го числа, принимали участие: Митрополит Московский Владимир, архиепископы – Новгородский Арсений и Ярославский Тихон, я и епископ Серпуховский Анастасий. На панихиду вышли еще

святители: архиепископ Алексий, бывший Тверской, Димитрий, епископ Рязанский, Гавриил, бывший Омский и другие епископы, живущие в Москве. Пел хор синодальных, бывших патриарших, певчих. Певцы были одеты в красивые, наподобие древних боярских, кафтаны с золотым шитьем по оплечью и наподольнику. В конце литургии Митрополит произнес слово о значении подвига святителя для России. После панихиды все святители отправились крестным ходом в Чудов монастырь, в то подземелье, где священномученик за веру и Отечество испустил свой дух в заключении. Здесь совершена была краткая лития, закончившаяся вечною памятью приснопамятному святителю.

Было уже два часа дня, когда все, участвовавшие в богослужении, и почетные гости собрались в покоях Митрополита в том же Чудовом монастыре на скромную трапезу. Все блюда были грибные, никаких спиртных напитков не было. Пред последним блюдом была провозглашена вечная память Патриарху, а после обеда провозглашено многолетие Царствующему Дому и послана телеграмма Государю. Преосвященный председатель юбилейной комиссии Анастасий, епископ Серпуховский, огласил приветственную телеграмму председателя и сорока членов Государственного Совета на имя Московского Митрополита.

В 6 часов вечера совершены всенощные бдения во всех церквях столицы, а на другой день – архиерейские службы в Успенском соборе Ярославским архиепископом, а в Чудовом монастыре – Митрополитом Владимиром. Кроме того, оба дня были архиерейские службы в храме Спасителя и Епархиальном доме.

В 7 часов вечера в Епархиальном доме открылось торжественное собрание в память великого Патриарха. Первым говорил преосвященный Анастасий, за ним В. В. Назаревский, И. Соболевский, Е. В. Барсов и протопресвитер Успенского собора П. А. Любимов. В этих речах во всем величии восстал пред слушателями великий печальник Русской земли – и как подвижник-святитель, и как государственный муж, и как первоиерарх Русской Церкви, и, наконец, как бытописатель

своего времени и песнотворец – автор тропаря Богоматери: “Заступнице усердная”.

После перерыва синодальный хор исполнил в высшей степени художественно несколько песнопений. Особенno сильное впечатление произвело чтение грамоты патриарха Гермогена тушинцам-изменникам и гимн святителю-страдальцу. Очень жаль, что эти новинки художественного творчества в нашей вокальной музыке и поэзии не воспроизведены в нотных знаках: тогда можно было бы и в духовно-учебных заведениях, и в торжественных собраниях в память святителя в разных городах России воспроизвести их при посредстве хоров.

Так завершилось чествование памяти святителя Гермогена на месте его великого подвига. Русь XX века оглянулась на свое далекое прошлое XVII века, увидела там, в ряду героев веры и патриотизма, великого мужа, явившегося вождем этих героев, возбранным воеводою в святом деле спасения Руси в тяжкую годину смуты и междуцарствия. Увидела современная нам Русь этого исполнина духа и – поклонилась ему. Верные сыны Отечества, благоговейно созерцая его подвиг, вознесли горячие мольбы о упокоении его праведной души: упокой, Господи, душу раба Твоего! И сею молитвою за почившего иерарха они вошли уже с ним в молитвенное общение, но совесть, но сердце, но какое-то внутреннее чувство говорит: этого мало, этого недостаточно! Кто мы, дряблые духом, обремененные грехами, чтобы нам молиться о прощении и оставлении грехов этого великого праведника, несомненно предстоящего пред Богом и представительствующего за родную землю у Престола Божия? Нам ли молиться за него? Дайте нам возможность призывать его самого в слабых молитвах наших: приспело время вместо вечной памяти возглашать ему: святителю отче Гермогене, моли Бога о нас!

Дивен Бог во святых Своих! Дивны пути Божии в исполнении словес Его непреложных: прославляющие Мя прославлю! В то время, когда по законам истории великие деятели на поприщах государственного строения, науки, литературы и искусства, уходя в даль веков, начинают окутываться туманом забвения в памяти потомства, святые

герои веры и высокого нравственного подвига вырастают в сознании верующих в исполинов духа, приближаются к народному сердцу; входят в благодатное общение с живущими в сей юдоли земной, помогают им в их нуждах, утешают в скорбях, исцеляют их болезни и руководят на пути к Царствуию Божию. И растет в народе любовь к ним, растет благоговение к благодати Божией, в них обитающей, чрез них действующей, и в сознании церковном созревает убеждение в их святости. Дух Божий, в Церкви присноживущий и действующий, пробуждая веру, являет силу Свою чрез сих святых Божиих, и тогда Церковь признает благовременным, причислив их к лику святых, прославлять их яко Богом прославленных.

Празднование 300-летней годовщины преставления патриарха Гермогена показало, что настал час и церковного его прославления.

111. Свет и тепло истинного доброделания

Так часто, так много приходится говорить об уродливых явлениях в нашей общественной, государственной и даже церковной жизни, что с радостью хочется остановиться на самых, по-видимому, малых проявлениях добра, во имя Христово творимого, отдохнуть душой на этих малых искорках Божиих и указать на них моим добрым читателям, как на добрый пример. Добро, творимое по заповеди Господней, ради Бога, ради сей заповеди, есть истинный свет, истинное тепло, животворно проливающее свои благодатные лучи не только на того, кто творит его, но и на того, кто имеет счастье быть только простым посредником в его творении. И когда вдумаешься, почему так, становится ясно: Тот, кто сказал: се Аз с вами есмь во вся дни до скончания века, – Он, по непреложному Своему обещанию, присно пребывая в Церкви с верующими во имя Его, в них и чрез них проявляет Свою жизнедеятельность в Своем теле, которое и есть сия Церковь, коей членами мы имеем счастье быть. А когда чрез нас проходит Его животворящая, чудотворящая сила то можно ли нам не ощущать своим сердцем ее действие, не только благодеющее чрез нас, но и благотворно оживляющее нас самих? Слава благости Твоей, Господи наш, тако благоволившей, слава силе Твоей, слава неизреченному милосердию Твоему, Спасителю наш и Творче! Об одном мы должны умолять Тебя, не попусти нам себе приписать, у Тебя предвосхитить то добро, какое Ты чрез нас делаешь!

С радостью и благодарением ко Господу отмечаю я такое отрадное явление: на мой призыв в дневниках моих откликаются мои добрые читатели, откликаются не словом только: почти каждый день я получаю от них письма, столь для меня утешительные, – но и делом; получаю лепты на те Божьи дела, к которым я призываю их. И сугубо радуюсь, что сии отклики получаю я от собратий моих о Господе, от иереев Божиих, и не из моей только епархии, но и из других, иногда самых отдаленных. Читатели мои помнят в прошлом году

пожертвования на походные церкви: они были получены мною от иереев Божиих: один прислал 300 рублей, другой 200 рублей, затем еще двое по 300 рублей – и все священнослужители. И все почти просили меня не печатать поименно: от кого получена жертва, все предоставляли мне самому направить ее туда, куда я найду более благопотребным. Воистину – так, как заповедал Господь: да не увесь шуйца, что творит десница твоя!

Мне, говорю, особенно отрадно отметить эти проявления жизни Христа Спасителя именно в Его служителях; ведь в наше время так часто обвиняют духовенство наше в том, что оно будто бы умеет брать, но не любит давать, а вот, подите же: наши миряне, имеющие возможность жертвовать тысячами, не так охотно отзываются на призыв архиерея: увы, было время во дни оны еще не так отдаленные, когда и они охотно делились с Богом своими избытками, – а теперь – вот эти смиренные батюшки сельские опережают их своими лептами воистину не от избытка – какой уж избыток у сих рабов Божиих! – а от лишений своих и несут эти лепты на дело Божие! Благослови их, Господи! Воздай им благодатными утешениями в их добрых, в простоте сердца верующих сердцах!

Отрадно отметить и то, что наши добрые пастыри в сем случае являются носителями истинно христианского духа благотворительности. Мы живем в такое печальное время, когда в недрах самого христианства подменяются уже не только идеалы, но и самые символы благотворительности: самый крест Христов стараются испразднить, как будто он стал ненавистен духу века сего лукавого и прелюбодейного, будто сей век стыдится креста Христова, будто боится его (а известно, кто больше всего боится и “трепещет и трясется”, по выражению песни церковной, креста Христова). Уже не во имя Христа, нашего Спасителя, а во имя какой-то “гуманности” (неопределенной туманности, как читают это слово простецы-грамотеи), уже не под сенью креста – знамения нашего спасения, а под знаком – то “белого цветка”, то – “колоса ржи”, то – “vasилька”, призывают нас к делам благотворения. И имеют дерзость рассыпать даже нам, архиереям, приглашения стать во главе сборов под такими эмблемами! Вероятно, не за горами

время, когда станут собирать на дела “благотворения” и под масонскими треугольниками. Понемногу, понемногу стараются подменить крест Христов, удалить его из сознания верующих, покрыть туманом забвения, а с ним затушевать в христианском миросозерцании и самую идею искупления Христом рода человеческого, постепенно вытравить самую суть христианства из сознания современного человечества. Хитрый искусный план семитысячелетнего человекоубийцы – сатаны! В сущности это – продолжение того же подкопа под христианство, какому положили начало еще еретики первых веков христианства, а позднее – Лютер, этот несчастный слуга масонов – верных слуг сатаны: ведь еще тогда объявлено, будто крест Христов, как орудие казни, – прости нам Господи сие слово – виселица, достоин поругания, а не поклонения, хотя Апостол Павел и хвалился им, как лучшею своею похвалою. Прошло почти четыреста лет после Лютера и вот, как-то без шума, незаметно, под предлогом добра, под влиянием моды на всякую новинку, знамение креста упраздняется, и даже архиереи приглашаются стать под эмблему “ромашки”, “колоса ржи”, “vasилька” и подобных ничтожных предметов. Не думаю, чтоб кого-либо из архиереев удалось обмануть сим ненавистникам креста Христова, а мирян много пошло за ними, пошло, думается, скорее из моды, бессознательно, хотя, конечно, затейники сего знали, что делали, и смеялись в душе над простотою тех, кто шел на их приманку, забывая о кресте Господнем, под сенью которого собирает пожертвования святая Церковь на те же добрые дела. Я остановился на сем потому, что мои читатели спрашивают меня: как относиться к подобным сборам? Их совести, очевидно, претит такой способ сбора, избегающий всякого благословения Церкви, действующий помимо креста Господня. Вот я и отвечаю: избегайте всякого участия в таких якобы добрых делах, которые сторонятся Церкви, идут мимо ее благословения, не могут быть допущены в храмах Божиих с теми эмблемами, под которыми ходят по улице и врываются в частные дома и в разные учреждения. Для христианина есть путь к благотворению – в церкви, чрез служителей Церкви, чрез

учреждения, стоящие под ее благодатным крылом. Так будет надежнее, Богу приятнее и нравственно чище.

Есть и другая сторона в этих попытках подменить христианскую благотворительность новыми модами сбора пожертвования. Обратите внимание на то, что праздники православной Церкви хотят постепенно сократить, а взамен их вводят новые праздники: “праздник белого цветка”, “праздник колоса”, “праздник древонасаждения” и т. п. Разве мы не видим тут целый план постепенной подмены христианства? Кто читал “Протоколы сионских мудрецов”, для того ясен весь план постепенного уничтожения христианства, врагами Церкви давно задуманный и незаметно для нас, но последовательно проводимый в жизнь христианских народов.

Истинно христианское добро скромно, так сказать – стыдливо: оно тщательно укрывается от очей людских. Вот почему оно и не так приметно: люди творят добро и молчат о нем, и стараются забыть то, что сделали, и на мысль им не приходит не только показывать его людям, но и самим в душе любоваться им: так надо, так Бог велел, Бог помог и слава Ему, что благословил через мое недостоинство, через мое ничтожество сделать это добро. Так думают они о своем добре. А если уж нельзя укрыть его, то просят не называть их имен: творят добро от имени неизвестных благодетелей, через третью лица. Но свет, но теплота этого добра, помимо их воли, льется вокруг их, и чувствуют это не только те, кому оказывается добро, но и те, через чьи руки проходит оно. Вот почему паки и паки приношу им мою сердечную благодарность и призываю на них Божие благословение!

Эта статья была уже набрана, когда я получил от секретаря управления подворий Палестинского Общества в Иерусалиме С. Г. Щербачева письмо, из которого привожу выдержки: “Едуши на пароходе с паломниками, я читал им ваш дневник о переселенцах, и бедные паломницы совали мне в руки деньги – всего собрали 1 рубль, немного по количеству, но дорого по чувству. Посылаю вам эту святую жертву на храмы в Сибири. Трогательны рассказы некоторых паломников! Нет, не погибла, не погибнет Россия, имея таких глубоко верующих сынов и

дочерей, каких я встретил в лице паломников. Ни расходы, ни неудобства, ни качка, ни холод, ни голод – ничто не останавливает их могучим потоком стремиться в Святую Землю. Спасибо славному Палестинскому Обществу, приходящему на помощь этим подвижникам. Одна старушка 12 лет жила мыслью ехать в Иерусалим и вот, по копеечке, набирала по 5 рублей в год, набрала 60 рублей, и теперь она с нами на пароходе “Королева Ольга” плывет туда, где жил, учил, страдал и умер Сам Господь. Другой молодой парень, на шутку соседа, что капитан корабля может отправить его назад, и деньги пропадут, ответил с христианским добродушием и твердым решением попасть во что бы то ни стало в Иерусалим: “Ну что ж, буду опять собирать деньги”. Это – не пасынки России, это – ее законные дети, чистые, верующие и простые души”. Душою отдохаешь, когда читаешь такие письма.

112. Распятие Господа и наше Ему сораспятие. (Слово над святой плащаницею)

Когда стоишь пред сим священным гробом, когда созерцаешь эти зияющие раны, этот кроткий Божественный лик, омраченный смертною бледностью, это Божественное чело, увенчанное колючим тернием, то сердце вопрошаєт: Господи! Кто же так изранил, измучил Тебя? Какие злодеи так истерзали Твое пречистое Тело?..

И слышится в глубинах грешной совести страшный ответ: ты и подобные тебе грешники! Это – дело ваших рук: Той язвен бысть за грехи ваши и мучен бысть за беззакония ваши!..

Да братия мои! Все нераскаянные грешники, все отпадающие от веры православной, от единой спасающей Церкви Христовой, все еретики, раскольники, суемудрые лжеучители, смущающие души простецов, глумящиеся над истинами веры, все, отдавшие душу и сердце тяжким смертным грехам и не помышляющие о покаянии – все они вновь распинают Сына Божия, вновь прободают Его пречистое ребро копием, Его пречистые руки – острыми железными гвоздями! Так говорит слово Божие, так учат святые Апостолы, так учит святая мать наша Церковь – невеста Христова возлюбленная!

Но не одни нераскаянные грешники распинают Господа своими грехами. Господь пролил Свою пречистую кровь и за наши грехи. Каждый новый грех, нами совершаемый, есть новый гвоздь в Его святейшие дланы, есть новый удар копия в Его пречистое ребро. Когда ты осуждаешь своего ближнего, когда издеваешься над ним, – ты осуждаешь Христа вместе с книжниками и фарисеями, ты издеваешься над своим Спасителем вместе с их злыми прислужниками! Когда ты оскорбляешь собрата, поносишь его имя, ты ударяешь в ланиту своего Господа вместе с единственным от слуг первосвященника Анны, ты даешь заушение Ему вместе с грубыми римскими воинами! Когда злорадствуешь при несчастии ближнего, ты издеваешься над своим распятым Господом, вместе с

разбойником, распятым ошуюю Его! Когда обижаешь неповинного, притесняешь беспомощных сирот или вдовиц, отнимаешь у них достояние, – ты срываешь одежды с Христа вместе с его распинателями! Когда гордишься, превозносишься пред другими своими мнимыми достоинствами, способностями, талантами – ты венчаешь острым, колючим тернием смиренную главу твоего Спасителя, для Которого нет ничего достолюбезнее кротости и смирения и нет ничего оскорбительнее гордости и превозношения. Помни, именующий себя христианином, то есть, учеником Христовым, что речет Он тебе на страшном суде Своем пред лицом всех Ангелов Своих и всех святых: все, что ты сделал или не сделал одному из сих братий Моих меньших – сделал или не сделал Мне!

Как бы ни казался тебе малым и потому якобы извинительным грех, он есть уже оскорбление величества Божия, нарушение святейшей Божией заповеди, темное пятно на твоей совести, и ничем не можешь ты загладить его сам. Каждая минута нашей жизни есть дар Божий, а посему каждая минута, праздно проведенная, каждое слово, праздно сказанное, есть уже новый и новый грех, новое и новое оскорбление Господа Жизнодавца. Не думай, брат, что можно утраченное на грех, потерянное для добра время чем-либо восполнить, вознаградить: раз оно потеряно – оно стало уже неоплатным долгом перед судом правды Божией, и только крестные заслуги Господа нашего Иисуса Христа могут изгладить грех и покрыть неправду нашу перед судом вечной правды Бога правосудной.

Вот почему здесь, у этого гроба Христова, ныне, в этот великий день нашего искупления и спасения, мы наипаче должны каяться, оплакивать свои грехи, умолять Божественного Страдальца, чтоб не помянул Он сих грехов и беззаконий наших в день праведного Суда Своего Страшного, чтобы покрыл, омыл их Свою Кровью бесценною, чтобы дал нам силы подвизаться в борьбе со грехом даже до пролития, если сие будет потребно, крови, чтобы дал крепость пострадать Ему, сораспяться с Ним, быть причастниками Его спасительных страданий.

Возможно ли это? – скажете вы. – Мы так слабы, так немощны.

Не только возможно, братие, но и должно. Для того и возлагается на нас крест при святом крещении, чтобы помнили мы об обете сораспятия со Христом, или, как выражается Апостол Христов, участия нашего в Его страданиях, восполнения Его страданий в плоти нашей. Все мы – Тело Его, плоть от плоти Его, кость от костей Его, ибо все мы причащаемся Тела и Крови Его в Божественном таинстве; а посему – если страждет Глава, с нею должны страдать и все члены, все тело. Наша Глава – Христос распят на кресте: сораспнемся и мы с ним борьбою со грехом, смиренным перенесением всего скорбного, благодушным несением каждый своего креста, Христом же на нас и возложенного. Будет ли то крест болезней телесных или страданий душевных, будет ли то крест внешний, от людской неправды, крест обид, поношений, всяких несправедливостей, лишений и болезней, как было с древним великим страдальцем Иовом, как было со всеми страдальцами за имя Христово – мучениками. Или же – крест внутренний, крест тоски безотрадной, крест тяжкой борьбы со своими внутренними врагами – страстями, постоянно воюющими на душу – все примем как от руки Божией, с благодарною смиренною преданностью святой воле нашего Господа, сознавая, что Он лучше нас ведает, на кого какой крест возложить, и никогда не возложит на нас креста, для нас непосильного. В этом самая сущность жизни христианина на земле; в этом – подвиг спасения, Христом нам завещанный. Христианин есть всегдашний крестоносец: аще кто хощет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет, – глаголет Сам Он, Началовождь нашего спасения! Да отвержется себе: да отсечет свою волю, да предаст себя в волю Божию, да исполняет во всем только сию волю святую. Да возмет крест свой: пусть будет всегда готов на все скорби, какие попустит Господь ради его спасения! Да грядет по Мне: пусть идет по Моим стопам, пусть живет по Моим святым заповедям! Аще кто любит Мя – заповеди Моя соблюдет! Прискорбен путь, тесны врата, но зато сладок рай и вечная жизнь со Христом!

Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех! И не только на небесех – в жизни вечной, но и еще здесь, на земле, Христос Спаситель наш несказанною радостно веселит сердца идущих за Ним путем крестным и сораспинающихся Ему, утешает их такими утешениями, каких мир не знает и не может знать, утешениями, ради коих истинные последователи Христа готовы на всякие скорби, на всякие муки за своего возлюбленного Господа, ибо они знают закон, по коему по мере умножения скорбей умножаются и сии таинственные утешения Духа Божия в их внутренней духовной жизни. Такое утешение пережил благоразумный разбойник, сораспятый Господу, когда услышал от Него: днесь со Мною будеши в раи!

Вы спросите: как достигнуть сего? Как удержаться на пути крестном и чем укреплять себя в минуты внутренней борьбы и малодушия?

Отвечаю: укрепляйте себя воспоминанием страстей Христовых. Когда придет искушение, огради себя крестным знамением, христианин, и вспомни, чего стоит твой грех Христу Спасителю. Вспомни, что если согрешишь, если не устоишь против искушения, то нанесешь новую рану Ему, твоему Искупителю. Устыдись, ужаснись такого деяния. Пожалуйся Ему, твоему милосердому Господу, на себя самого, на немощь свою, призови Его в день и час скорби твоей, и Он услышит – непременно услышит тебя и измет тебя от беды греха, и поможет тебе Свою всесильной благодатью. Чаще прибегай к Таинству покаяния, чаще соединяйся с Господом в Таинстве причащения Тела и Крови Его. Стой на страже своего сердца и не допускай в него помыслов, Бога оскорбляющих. Гони прочь от себя первую мысль о грехе, не останавливайся на ней, не вступай в беседу с сим врагом твоего спасения. Если подкрадется к тебе искусительный помысел, не позволяй ему осквернять твоё сердце, гони его молитвою Иисусовою, жалуйся на него твоему Спасителю. Не смущайся и тогда, если грешный помысел будет настойчиво приступать к тебе: Христос видит, что ты не соглашаешься с ним, что ты гонишь его, и, видя любовь твою к Себе, Сам прогонит его от тебя, яко лающего пса. Верь, брат возлюбленный, что чем больше будешь бороться и при

помощи Божией побеждать сих духовных амаликитян,¹ тем больше будешь укрепляться в заповедях Христовых и тем скорее обретешь мир душевный в совести твоей. Крест постепенно будет обращаться для тебя в лестницу, на небо возводящую, в крылья, коими наконец воспаришь ты к обителям Отца Небесного, – туда, идеже есть Христос, одесную Бога сидящий!

Блаженны вы, которые несете свой крест за Христом! Ныне ваш праздник, ныне Христос таинственно изрекает душам вашим: днесъ со Мною будете в раи!

Господи Спасителю наш! Ты восприял еси на Свои святые рамена все кресты наши и знаешь всю тяготу их! Ты взял на Себя все грехи наши и вознес их на древо крестное! Ты лучше нас самих ведаешь немощи наши! Помоги и нам нести кресты наши до конца, как помог Ты разбойнику благоразумному. Не воспомяни беззаконий наших, но помяни и нас во Царствии Твоем! Аминь.

113. Христос Воскресе! Смерти празднуем умерщвление. (Слово на Пасху)

Скажите, братие, где, в какой вере не только благовествуется, но уже и празднуется как совершившееся событие умерщвление смерти – “сей царицы ужасов”, по прекрасному выражению праведного Иова? Мечтал ли древний мир о победе над смертью? Есть ли, найдете ли хотя бы в мифах древних народов Индии, Египта, Греции, – не говорю уже о других – что-либо подобное тому, что празднуем сегодня мы? Даже богооткровенный Ветхий Завет знает только воскрешение, но не воскресение, вставали мертвцы силою Божией, по молитве великих пророков Илии и Елисея, но никто, никогда не восставал из мертвых своею силою, своим произволением: самая мысль о таком чуде была невместима для ума человеческого! А мы видим это во Христе Иисусе Господе нашем, видим, и празднуем Его воскресение и ликуем Его победу над смертью. Он – первенец из мертвых, первенец и – яко Свою божественною силою, а не молитвой праведников воскресший, и – яко единый и единственный победитель смерти в собственном смысле, и яко дарующий воскресение в жизнь вечную всем, в Него верующим. Его победа над смертью есть наша победа; Его воскресение есть наше воскрешение. Он – наша глава; мы – Его тело; воскресла глава – воскресает и тело; глава умертила смерть и – все члены тела участвуют в сем победном торжестве. Вот почему мы празднуем сегодня не просто победу над смертью, но и полное ее умерщвление. Смерть умерщвлена: где ти, смерте, жало? Лежишь ты, по слову песни церковной, бездыханная!..

И вот радуются ныне смертные, ибо с умерщвлением смерти получили бессмертие. Радуются Ангелы Божии и поют на небесах воскресение Христово, ибо наша радость есть их радость, яко братий наших по творению. Радуется вся тварь, ибо, подчинившись тлению вместе со своим владыкою – человеком, она доселе совоздыхала и соболезновала ему: как

же ей не сорадоваться ему, когда и она, вместе с ним, освобождается и будет свободною от рабства тлению?

Вот почему ныне вся исполнишася света: небо же и земля и преисподня и празднует вся тварь востание Христово!

А как же смерть?.. Ведь она и ныне, как во дни праотца Адама, косит и косит свою жатву в юдоли земной. Где же празднуемая ныне победа над нею?..

Ныне, братие, для верующих во Христа осталась только одна тень смерти. И эта тень есть благодетельница смертных, служанка истинной жизни. Подумайте, возлюбленные: что было бы, если бы люди вовсе не умирали, не уходили из сей юдоли печали и слез? Ибо что такое здешняя жизнь с ее гнетущею дух суетою, с ее многоразличными скорбями, с ее тяжкими крестами? Можно ли такую жизнь назвать истинною жизнью? Ныне скорби, завтра болезни, неудачи, разочарования и лишения, а на совести все новые и новые язвы греховные, – позади бурная юность с ее увлечениями и – часто – падениями, впереди дряхлая старость или преждевременная смерть: это ли та жизнь, к которой Создатель предназначил венец Своих творений – человека? Не говорю уже о тех, у которых и чрез золото слезы льются: о, как много на свете таких! Не говорю и о тех, которые живут в почете, утопают в роскоши, а в душе носят отраву неверия, змию зависти, муки совести! Их жизнь – одно адское мучение! В таких условиях жизни и в древнем мире, когда еще не было благовестия о победе Христа над смертью, люди нередко ждали смерти, как желанного гостя, и взывали: “О, смерть! Отраден твой приговор для человека, нуждающегося и изнемогающего в силах, для престарелого и обремененного заботами, для потерявшего надежду и терпение!” (Сир. 41:3–4). Но как безотраден был этот вопль измученной души, когда не было луча света в область по ту сторону гроба и не ведали люди: что их там ожидает?!

Но допустим, что были и есть такие счастливцы, коих ничто не тревожит, которые не знают болезней, не испытали никаких скорбей и неудач в жизни: а кто им поручится, что завтра же их не постигнут эти скорби, болезни, неудачи? Кто поручится, что сии счастливцы сегодня – не станут завтра же самыми

несчастными людьми на земле? Пока люди живут на сей земле, никто не свободен от греха: “если говорим, что греха не имеем – обманываем самих себя”, говорит возлюбленный ученик Христов, а где грех, там и последствия его – скорби и болезни, там должна быть и смерть! И что за жизнь была бы при постоянной опасности согрешить, а следовательно, и подвергнуться горьким последствиям всякого греха? Что за радость и для праведника – жить вечно в этой юдоли плача и слез, видеть эти слезы людские, жить вдали от Бога, к Которому стремится его душа, вечно тосковать о небесном Отечестве, вечно, до самого Второго пришествия Христова на землю, жаловаться с Апостолом: “бедный я человек! кто меня избавит от сего тела смерти? Желание имею разрешиться и со Христом быть, потому что это несравненно лучше” (Рим. 7:24; Фил. 1:23).

Не то, не то теперь! Ныне Христос воскрес, и смерть стала служанкою, отворяющею двери в блаженную вечность. Ныне всякий, идущий за Христом со своим крестом, счастлив ли он или несчастен в земном своем странствовании, знает – не верит только, но твердо знает, что когда его земное странствование окончится, когда сия тленная храмина тела разорится, его ждет Отчество небесное, храмина вечная на небесах, куда уже отверсты для него двери Христовым крестом. Держись крепче, брат-христианин, за этот крест, и пред тобою отворятся сии желанные двери! Неси благодушно возложенный на тебя крест, и ты войдешь в рай вслед за благоразумным разбойником.

Смерти нет больше для истинного ученика Христова; она умерщвлена Христом. Есть сон, после которого последует радостное пробуждение в другой – лучшей, вечноблаженной жизни. Мы веруем, что аще со Христом страждем, с Ним и воцаримся. А посему можем со Апостолом повторить: не боимся смерти, желание имеем разрешиться от уз плоти и со Христом быти. Тому слава и держава во веки веков. Аминь.

114–118. Берегите сокровища церковных преданий

1

Мы живем в печальное время. Идеалы призываются, постоянно уходя из сознания нашего куда-то далеко, в область тумана и забвения, чистые понятия и воззрения, веками воспитанные Церковью, тускнеют, самая способность распознавать, в чем чистая истина, чистое, Богу угодное добро и богоподобная духовная красота, – слабеет в современном христианине, даже и православном. Когда размышляешь об этом, как-то невольно проносятся в мысли слова незабвенного святителя Филарета Московского: “Когда наступает тьма на дворе, то усиливают свет в доме”. А тьма усилилась настолько, что люди возлюбили тьму больше, чем свет, и свет нередко называют тьмою, а тьму светом. Я не говорю уже о тех, кто сознательно лукавит в своей совести, кто бежит от света Христова, просвещавшего всякого человека в недрах Церкви – воспитанием в заветах Церкви – Христовой невесты, кто, возлюбив грех, спешит укрыться от обличений совести судии неподкупного во мраке лукавых софизмов. Такие люди, сами погружаясь во тьму, влекут за собою и других, распространяя эту тьму вокруг себя. И вот этих-то других, стоящих на распутии, колеблемых ветрами всяких современных мудрований и как будто потерявших руководящее начало в жизни, – мне искренно жаль! Мне хочется крикнуть им: поближе к Церкви, братия мои, подальше от современных шатаний в области мыслей, в области жизни! Церковь с материнской любовью дает сама это руководящее начало в жизни, эту спасительную нить, за которую держась вы не заблудитесь в бесконечном лабиринте человеческих смыслов и всегда верно будете распознавать истинный путь жизни и православного мировоззрения. Это начало, эта нить есть общецерковное предание, всегда верное учению слова Божия – Священного Писания, всегда являющееся выражением и отображением жизни Церкви времен минувших, от Апостолов и Самого Господа Иисуса

Христа даже до наших позднейших дней. Дух Божий, присно живущий в Церкви Христовой и ее оживляющий, в ней присно дышущий, охраняет верных чад ее от всякого самочиния в области мысли, ибо всякое свое мнение, всякую нововозникшую мысль свою они проверяют мнением Церкви и ее пастырей и учителей всех веков и времен, дабы таким образом быть в неизменном ей послушании и единении со всею историческою Церковью и с ее вечною Главою Господом Иисусом. Таким образом, в основе отношений православно верующего сына к матери-Церкви лежат смиренная, сыновне-беззаветная любовь к ней, яко невесте Христовой непорочной, яко матери нашей благодатной.

И этою любовью должны быть всецело проникнуты все чада Церкви – и пастыри, и пасомые: все должны благоговейно чтить ее, слушать ее, любоваться ее духовною красотой. Эта беззаветная любовь к матери-Церкви и будет ключом, открывающим пред духовными очами чад все те ее свойства, ее духовные сокровища, которые остаются прикровенными для людей, вне Церкви живущих и потому неспособных ни умом, ни сердцем воспринять их. Истинные носители духа церковности, с детства воспитанные на церковной, скажу больше, на церковно-славянской литературе, или, как выражаются люди простые, на божественных книгах, являются и лучшими истолкователями самого духа церковности, живыми продолжателями церковного предания, учителями Церкви. Все то, якобы новое, что ими вносится в жизнь соответственно новым потребностям церковной жизни, в то же время и есть созидание того же непрерывного от времен апостольских предания. В этой новизне веет тот же дух, она есть новый листок на той же ветви древа церковного предания. Стоит просмотреть, например, чинопоследования и молитвы на разные случаи, составленным Московским святителем Филаретом, который был типичнейшим носителем и хранителем церковных преданий, их истинным истолкователем и в истории Церкви созидателем.

Я уверен, что меня поймут люди церковные, не утратившие способности – не столько умом, сколько сердцем – распознавать свое родное православное от чужого инославного.

Слава Богу, таких еще немало на Руси. Но я боюсь, что и среди них есть уже такие, которые под влиянием веяний духа времени, веяний, постоянно отравляемых масонскими идеями, безмолвно, без протеста, уступают этим веяниям, стараясь умиротворить свою православную совесть соображением, что это – мелочь, несущественна, что ценою таких уступок, в сущности якобы ничтожных, покупается мир во взаимных отношениях с людьми нестрого церковных воззрений. И бывает так: сначала терпят, затем привыкают, а наконец – в следующем поколении – дети уже считают нормою то, что только терпели отцы. Так и отпадает от жизни предание. А между тем в этом забытом предании сколько было глубокого смысла и воспитывающей поэзии! Приведу пример. В 60-х годах минувшего столетия, в те дни, когда на свещнице Всероссийской Церкви (не говорю – Московской – понятно почему) ярко горел св. великий святитель Божий Филарет, во всех церквях первопрестольной накануне воскресных и праздничных дней зимою всенощное совершалось с редким звоном, по особому разрешению, а красный звон, уставной, полагался только для вечерни и утрени. И в этом соблюдении устава, не дозволяющего после праздника Воздвижения Креста Господня “бдений”, была своего рода поэзия. Кто немощен, стар и мал могли идти ко всенощной, но священнослужители в силу необходимости, а прочие верующие должны были, понуждаемы совестью, идти к утрени. В этом был некоторого рода подвиг, а в подвиге – духовное освежение и утешение. Теперь эти утрени остались, кажется, только в некоторых обителях. Не хочу осуждать этой замены утрени всенощною службою – хочу только отметить, как отошли в область предания эти праздничные утрени с поэзией раннего вставания, хождения во тьме ночной в храм Божий при звоне колокола, который как-то особенно торжественно и властно звучал в этой тишине зимней морозной ночи. Да и в храме-то Божием в часы глубокого утра легче изливалась из сердца молитва молящихся. Теперь – почти всюду всенощное с красным звоном, и эта поэзия утреннего Богослужения отошла для нас, ее переживавших, в область отрадных воспоминаний, а для следующего поколения

станет уже отдаленным забытым преданием, отмеченных разве в книгах, а не записанных личным переживанием на скрижалях детского сердца, как у нас.

Я взял такой пример, в котором проявилась уступка только немощи человеческой в ущерб требованиям строгого церковного устава. Правда, эти требования – вставать зело заутра в день Господень, чтобы с обновленными силами посвятить начатки святого дня молитве пред Господом – имеют свой глубокий смысл, однако же, в виду немощей современного нам поколения, приходится этим немощам сделать уступку, чтобы не дать повода считающим себя немощными вовсе не посещать праздничных богослужений. Но такого рода уступки в области церковного предания можно допустить лишь под условием строгого предварительного обсуждения. К сожалению, вот этого условия и не выполняется у нас, и притом даже в отношении таких предметов, которые уже теряют внутренний смысл свой, когда происходит замена, или лучше сказать – подмена, древнего предания новизною последнего времени. На нашей памяти, например, в храмы Божии ворвалось электричество – этот мертвый свет машинного производства. Сначала он появился как иллюминация храмов Божиих снаружи: это было даже хорошо и в смысле чистоты, и в смысле безопасности. Но этим не удовольствовались. Теперь электричество горит уже в храмах – в паникадилах. Здесь уже “обкрадывается” смысл церковного предания. Что такое паникадило в его символическом значении? Оно изображает собою духовное небо, украшенное духовными звездами – ликами святых Божиих, яко же звезда от звезды разнствующих во славе у Господа. Оно же, паникадило, представляет собою и общую лампаду перед всеми многочисленными иконами в иконостасе. А елей лампады, как известно, означает и милость Божию к нам грешным, исцеляющую наши недуги душевые и телесные, и дела милосердия, творимые нами во славу Божию, а если в паникадиле горят свечи, то сколько благодатных уроков преподают нам эти плоды трудов Божьей мушки-пчелки, работницы! Тут и благоухание цветов, напоминающее благоухание добрых дел, творимых благодатью Духа Божия, тут

и бескорыстие напряженного труда во исполнение воли Творца, тут и мудрость ничтожного созданьица, прославляющего своим искусством Создателя; тут и тихое горение, напоминающее нам тихое приближение к смерти; тут и чистая, благоуханная жертва Богу, поучающая нас самих себя уготовлять яко чистую жертву всесожжения Господу в отсечении своей воли, в умерщвлении греховного ветхого человека. И все эти уроки, веками скопленные, умирают, отходят в книжное предание с заменой восковой свечи – электричеством. Мне скажут: и электричество – Божие творение. Да, не спорю, но мне жаль церковного предания, почти две тысячи лет (а для елея – почти 4000 лет) жившего в Церкви и вдруг – умирающего, жаль этих трогательных уроков, этой умиляющей сердце поэзии.

II

Есть еще две области церковного предания, соприкасающиеся с поэзией: эта церковная иконопись и церковное пение. В этих областях мы так далеко ушли от предания, живого предания церковного, что во многом потеряли, кажется, и руководящее начало. Помню, лет 20 назад в Москве был археологический съезд. Зашла речь о том: кто изображался на древних иконах Рождества Христова внизу, в уголке, против праведного Иосифа Обручника, сидящего с закрытыми глазами! Ученые археологи высказывали разные догадки: предполагали, например, что это пастух, расспрашивающий Иосифа о месте рождения Спасителя. Но простой иконописец из Палехи объяснил, что эта фигура изображает искусителя, во сне влагающего Иосифу помыслы подозрения против Пресвятой Девы. “Видите, – сказал этот иконописец, – у него и голова закрыта, чтобы рога спрятать, и ноги не видны, а на старых иконах ноги кончаются копытцами”. Вот наглядный пример того, как с перенесением к нам идеалов западной живописи, оборвались нити родного предания в искусстве иконографии.

Об увлечении западной живописью в XVIII веке и говорить больно! Вместо традиционных ликов святых Божиих живописцы писали портреты с помещиков, особенно с их жен и дочерей, вместо ангелов-юношей писали обнаженных со вздутыми

щеками детей, на иконостасах рассаживали резные фигуры этих детей, а около престола в святом алтаре ставили резных ангелов в виде полуобнаженных женщин. Так подменены были идеалы одухотворения изображений святых – плотяностью европейского натурализма. Надо еще удивляться, как уцелело на Руси искусство иконописания в древнем стиле. Надо с благодарностью называть те села Владимирской епархии, в коих кустари-иконописцы сохранили до нашего времени поэзию иконографии и ее предания. Наши художники последних двух столетий в своем увлечении западным натурализмом вовсе не обращали внимания на иконописные традиции и отбросили их как ветошь. Только в последнюю четверть XIX века обратился к этим традициям и стал из них черпать свое художественное вдохновение наш великий поэт иконографии и церковной живописи В. М. Васнецов. Воспитанный под крылом матери-Церкви, он понял чуткою душою, что православной иконописи совершенно несвойственен натурализм, что в нашей иконографии идеалом служит одухотворение, идея внутренней духовной красоты, а не телесной, что последняя допускается постольку, поскольку она служит первой. Икона святого не есть точный его портрет, хотя портреты угодников, Богом прославленных святителей последних веков (Димитрия, Тихона, Митрофана, Феодосия, Иосафа) и преподобного Серафима и стали, со времени их прославления, иконами, но портретное сходство и тут является на втором месте. Икона скорее есть символ или средство переносить нашу мысль и сердце в горний мир для беседы с тем, кого она изображает. Одухотворение изображенного на иконе, подчеркивание, если можно так сказать, того, что изображаемый – не от мира сего, что он – обитатель духовного мира, небесный человек и земной ангел – вот отличительная черта иконографии православной в сравнении с западной, латинянской или итальянской. Иконы – не портреты, не фотографии мира земного, земной красоты: это скорее – символы, условные изображения, как бы иероглифы, переносящие нашу мысль и чувство в иной мир, духовный. Вот почему недопустимое в живописи на картине совмещение разных моментов одного и того же события – так обычно в

иконографии. На картине, например, Вознесения Господня изображение ангелов неуместно, пока виден еще возносящийся Господь, ибо ангелы явились апостолам уже тогда, когда Господь сокрылся от очей их, а на иконе Вознесения они вполне уместны в видах полноты и целости изображения великого события. А иконы Воскресения Христова в композиции царского изографа Симона Ушакова – да это целая поэма, воплощающая все моменты таинственной ночи Воскресения!

Вот почему такой глубокий знаток иконографии, как В. М. Васнецов, всегда с восторгом отзыается о старинных композициях в церковной иконописи: “Нам нечего придумывать в этой области: предки наши все исчерпали, нам остается только учиться у них!” Отличительной чертою этих композиций является их наивная простота и глубина, богатство мысли, обнимающей все стороны идеи того или другого события, изображаемого на иконе. Икона – книга для безграмотных. Ничего в ней нет бьющего на эффект, никакой лжи, обмана чувства, фокуса. Икона – священный предмет, в котором нет места ничему подобному. Если мне укажут на нимбы, на золотой фон иконы, на позолоту в одеждах, я скажу: это не ради эффекта, это – символика славы Божией, окружающей святого, блестящей на его одеянии, на всей обстановке, в какой он изображен. Если мне скажут, что, тем не менее, в наших храмах много допущено такого, что заимствовано с Запада, что не отвечает идеалам Православия в области церковного искусства, я скажу: да, к сожалению, после Петровых реформ мир властно ворвался в наши святые храмы, самые храмы стали строить по образцам римских костелов, украшать их статуями, мирскою живописью, вносить в них чуждые духу православия начала, да, мы ко многому привыкли за двести лет, пригляделись, так что эти чуждые начала не бросаются в глаза. Ведь многое такое стало уже “елизаветинской стариной”, которую нередко, в своей ревности не по разуму церковному, стараются слишком усердно уберегать наши археологи нового поколения. Но все это не дает нам права признавать эти чуждые духу нашей Церкви начала – своими, родными, православными. Все это только “терпится”, но не благословляется Церковью, – резные или скульптурные

изображения Христа Спасителя, сидящего в темнице, распятого на кресте, лежащего во гробе (и такие есть), такие же изображения ангелов, держащих рипиды, свечи, лампады, поддерживающих аналой с Евангелием или иконой, фигуры крылатых, обнаженных детей, рассаженных с трубами или свирелями по карнизам иконостаса и в разных местах храма – все это не наше родное, православное, все это принесено к нам с латинского Запада и веет не духом, а плотяностью, доходящею, например, в раскрашенных изваяниях, до грубого реализма, нарушающего даже законы искусства. Все это – плоды того бесправия и приниженности Церкви, какое появилось на Руси после уничтожения патриаршества. Помещики – строители храмов Божиих, преклонявшиеся перед Западом и на Западе только видевшие научный и художественный прогресс, не знавшие своих родных церковных идеалов, переносили в свои сельские храмы все, что им нравилось в Европе, не справляясь, отвечает это нашим идеалам или нет. А духовенство молчало, ибо нередко видело, что и епископы не могли устоять в борьбе с самочинием в делах церковных этих властелинов-помещиков. Интеллигенции правящих сфер не было никакого дела до того, что творилось в области церковного благолепия и искусства. Мало того: нередко сама она вносила в родные храмы произведения чужого искусства. Так постепенно вытравлялся из сознания русской души православный идеал иконописи, а на его место прививался и усваивался чуждый западный идеал плотяности в живописи и ваянии. А на Западе все более и более утрачивался идеал духовной красоты в живописи и ваянии, и на смену великим мастерам в этой области выступают реалисты, которые не гнушаются вносить профанацию в эти искусства, лишь бы достичь желаемого эффекта, не останавливаются и перед фокусом, как это ни унизительно, казалось бы, для священного искусства. Примером такого фокусничества служит Макс с его картиной, изображающей голову Спасителя на полотне. Смотрите вы на этот лик вблизи – глаза закрыты, отойдете – глаза смотрят прямо на нас. Художник подметил у мертвцев явление, называемое некробиозом, когда сквозь покровы век,

сделавшихся у мертвеца прозрачными, проступают темные зрачки: на некотором расстоянии глаза и кажутся открытыми. Любуются на это изображение Христово, пока не слышали о некробиозе, и отворачиваются от картины Макса, когда узнают, в чем его секрет. На что художнику понадобилось изобразить лик Христов с глазами мертвеца? А, между тем, есть и у нас на Руси увлекающиеся этой картиной. Один из моих читателей, например, пишет мне (по поводу статьи Ушакова, помещенной в № 96 “Троицкого Слова”), что “условная тень на известной картине Макса не есть фокус, но высокохудожественное воспроизведение великой христианской идеи – плод долгих настойчивых трудов по изучению анатомии человеческого лица. Макс, изображая лик Христа в терновом венце с выражением физического страдания, ярко выражает ту глубокую мысль, что Спаситель и при таких тяжелых обстоятельствах был любвеобильный Бог, Который смотрит на греховное человечество и с любовью зовет его к покаянию и исправлению. За такое тонкое, продуманное выполнение глубокой христианской идеи, нам кажется, художник далеко не заслуживает презрения и порицания. Напротив, подобные картины светских (?) художников должны быть всячески одобряемы и поощряемы. Их творцы служат великой идее христианства всем талантом своих душ”.

С недоумением читаешь эти строки.

Во-первых, ни я, ни автор рассказа не выражали “презрения и порицания” Максу, как художнику: ведь, г. Макс – не православный художник; он писал свою картину, выходя из миросозерцания западного, не нашего православного. По-своему он, может быть, и прав, да нам-то, православным, позволительно не увлекаться его художеством и видеть в нем только фокус, с нашей точки зрения, профанирующий искусство. Во-вторых, каким образом лик Спасителя с мертвыми глазами, вблизи закрытыми, а вдали открытыми, может ярко выражать глубокую мысль, что “и страждущий Спаситель есть любвеобильный Бог, Который смотрит (закрытыми глазами мертвеца) на греховное человечество и зовет его к покаянию”? Решительно для нас, православных, это непонятно. Если автор

письма хочет видеть наше православное выражение этой действительно великой идеи, то пусть посмотрит на лик Христа-Страдальца на иконе В. М. Васнецова, на могиле г. Мина, или на его же картине Распятия. Глаз не оторвешь от этих дивных ликов Господа нашего! Столько в них Божественной любви к грешному человечеству! Видишь в них и страдания пречистой плоти Его, но в тоже время и Божественное величие спокойствия в самых страданиях. А взор – что за чудный, ясный, пламенеющий любовью взор! Когда я, любуясь с чувством благоговения лицом распятого Господа, сказал художнику: “А если бы тут, на ланитах Страдальца, капнуть единою слезинкой”, он ответил мне: “нет, это было бы слишком по-человечески. Он страждёт за грехи мира, и слеза собственных личных Его страданий наводила бы мысль о некоем малодушии”...

И тем сильнее возгоралось к душе желание повергнуться в прах к подножию Креста Господня!

Кстати, автор письма обращает мое внимание на то, что над входом в Чудов монастырь висит икона – картина, изображающая Святую Троицу в виде отдельных Ипостасей так, что если смотреть на нее с одной стороны, то виден Бог Отец, если с другой – Бог Сын, а прямо – Дух Святой. “Здесь больше, – говорит автор, – чем на картине Макса, проявлено деланности, выдуманности (какие странные слова!), однако никто не считал эту картину фокусом художника”.

Соглашаюсь, что такие иконы в Православной Церкви неуместны. Это остаток от увлечения западным искусством XVIII века. Следует снять эту икону – и только. Но заслонять ею изображение Макса с его некробиозом, с глазами мертвеца у Спасителя уж никак не подобает. Ошибки прошлого должно исправлять, но вводить новшества, противные не только духу Церкви Православной, но и – думается мне – идее чистого, не театрального искусства, не допускающего обмана чувств и иллюзии, – не следует.

III

Не без чувства скорби приходится говорить и об отступлении от преданий церковных в области другого

церковного искусства – пения. В прошлом XIX столетии было время, когда было почти забыто чтение крюковых нот. Итальянщина завладела церковным клиросом. Сначала наши композиторы ограничивались переложением и гармонизацией для многоголосных хоров напевов старых, обиходных. В этом еще не было большого отступления от церковных традиций; это была попытка внести западное искусство в область техники церковного пения. Но потом стали вносить свое смышление, свои вкусы в это святое искусство, и уже получалась такая отсебятина, особенно в исполнении неумелыми хорами разных любителей, что хоть из Церкви Божией беги вон. Но и этого было мало. Когда сочиняли музыку знатоки музыкальных законов, а исполняли хорошо выдержаные хоры, можно было еще терпеть это вторжение мирского искусства во святая святых, а когда каждый самозванец-регент считал себя вправе заниматься композицией, то дело дошло уже до профанации церковного пения. Раз стою всенощное в столичном храме. Поет часть одного из лучших хоров Свете тихий. Прислушиваюсь, мотив будто где-то когда-то слышал, но не в церкви. Обращаюсь к рядом стоящему святителю: “Что-то знакомое, но не церковное, – говорю. – Ужели не узнаете? – отвечает он. – Слыхали песенку: “Ах, подруженьки, как грустно”

Так, так, припоминаю. Но что же это, наконец? Ведь, это профанация, это – кощунство! Говорят, и немало уже переложений в таком роде. Народные, видите ли, напевы! А народ возмущается, когда слышит, что священные песнопения исполняются грешными, по его мнению, напевами его песней.

Говорить ли о так называемых “концертах”, в которых одно и то же слово, одна и та же фраза, повторяется, перекидывается от одного голоса к другому. То ревет бас: услыши, услыши молитву мою, то ему вторит дискант или альт, то подхватывает и неистово вопиет весь хор. Пусть простят мне гг. композиторы: когда я слушаю этот рев, это гудение и пискание, мне кажется, что они... ну как бы это помягче выразиться, хотят досадить Господу Богу этими бесчинными воплями в святом храме Его! Когда-то, полсотни лет назад, писал в своих дневниках покойный В. И. Аскоченский: “Достоин

еси петь быти гласы преподобными. Так преподобными же, Господи, а не звероподобными, неистовыми!..” Прошло с тех пор 50 лет, а певчие по-прежнему, да и еще хуже оскорбляют святыню Божьего храма: стоят задом к иконостасу, ревут, пищат, неистовствуют, а косматый (эта мода пошла по Руси от Рубинштейна: я видел косматого регента в Новороссийске, – такие же есть и в Петербурге) регент выделяет и руками, и головой, и всем тулowiщем такие выкрутасы, что дети-школьники, стоящие в передних рядах богомольцев, смотрят на этого “комедианта” и не могут удержаться от смеха. Страшно писать об этом, пение – дело Божие, а о Божьем деле говорит слово Божие: проклят всяк творяй дело Божие с небрежением!.. Пение есть голос сердца: чем же занято сердце этих певцов? В молитвенном пении никакие тонкие знаки нотные не заменят живой души, а ее-то и нет у этих певцов, превращающих себя в мертвый инструмент для вокальной музыки. Слушаешь такое пение, и хочется бежать из этого храма куда-нибудь в монастырь, где поют простым или столбовым напевом простецы монахи, а не то – в убогий сельский храм, где старичок-дьячок один исполняет все песнопения, как ему Бог на сердце положит. Помню, лет 20 назад пришлось мне стоять литургию в глухом уголке Костромской епархии, в убогой сельской церкви. Пел заупокойную обедню один старый причетник, церковь была пуста, ибо был будний день. И я заслушался этого особого заупокойного напева, который был выполнен – видимо – от души этим старым певцом. Не хоры театрально подготовленных голосов нам нужны, нужно, чтобы душа пела. В старых напевах вылилась святорусская душа наших предков, и вот, когда слышишь эти напевы, то в душе твоей начинают звучать те же струны сердца, Бога любящего, к Богу обращенного, какие звучали в сердцах наших предков. И если одинаково настроенный музыкальный инструмент, когда играют рядом на другом таком же инструменте, сам собою начинает издавать торжественные звуки: то дивно ли, что этот закон созвучий сердечных проявляется в живых душах. Я – не противник хоров церковных, я – принципиальный противник итальянщины. Не говорю уже о чуждых слуху православному напевах. Даже в

некоторых переложениях из наших старых “Обиходов” новые композиторы вносят так много всяких тонкостей, что внимание поющих всецело расходуется на то, чтобы не погрешить в каком-нибудь ничтожнейшем нотном значке: могут ли эти певцы молиться? Да и слушатели, увлекаемые музыкой слов, уже не в состоянии бывают сосредоточить внимание на словах молитвы. А ведь храм Божий, по слову Самого Господа, есть дом молитвы, а не концертный зал.

После этого невольно ставишь вопрос: для чего установлено церковное пение? Как смотрела на него Церковь Божия в веках минувших? Согласно ли с этим традиционным воззрением на пение нынешнее о нем понятие? Не утратилось ли истинное понятие о его назначении?

Пение есть потребность сердца. Слова недостаточно для выражения всех чувств. Пение и есть голос чувства. Отсюда естественный вывод: где нет религиозного чувства, там пение, как бы оно искусно ни было в исполнении всех нотных знаков, не может быть голосом сердца; это будет не живой голос чувства, голос верующей души, а мертвая музыка. В первенствующей Церкви пение нередко являлось импровизацией, как дар Святого Духа. Иоанн Дамаскин записал напевы, в его время существовавшие, эти напевы, как проявление религиозного чувства, возгреваемого Духом Божиим, при их повторении, должны были будить в сердцах верующих это чувство, сокровенное в тайниках верующей души. Напевы являлись как пособие к возбуждению сего чувства. Но если сам поющий оставался хладным, если он не старался возбудить в себе соответствующее церковному песнопению настроение; то и его пение было безжизненно, неспособно возгреть душу молящегося с ним в церкви Божией. Вот почему иногда пение старого дьячка с несильным голосом глубже западает в душу и трогает сердце, чем пение артистического хора по всем правилам искусства. Напрасно думают, будто центр тяжести в идеальном церковном пении лежит в красоте и силе голосов и в искусном выполнении всех нотных знаков: в пении мирском, светском это, может быть, и так, но не в пении церковном. Вот почему пение монастырское, простое, всегда нам,

православным русским людям, нравится больше, чем пение мирских хоров. Та м больше поет живая душа, чем в этих хорах.

Там бывает, что иной певец позволяет себе, под влиянием непосредственного чувства, импровизировать одну-две нотки, и это изменение не только не портит целого, но и придает ему своеобразную красоту. Мне пришлось слышать от благочестивых мирян: “Слыхали мы не раз ваше Троицкое Преславная днесь в исполнении разных хоров на концертах, но нигде оно не производило на нас такого сильного впечатления, как в Троицком соборе в Сергиевой Лавре”. Я тоже скажу, что монастырское пение на подобны меня всегда глубоко трогает, а когда слышу эти подобны в концертном выполнении, то и половины впечатления от них не получаю против того, что в монастыре. Я не враг художественного исполнения церковных песнопений, но мне думается, что концертному пению не место в богослужении, – ему место, если угодно, в концертном зале. Ведь если поступиться принципом и признать, что самое идеальное церковное пение – это концертное, итальянское, то останется один шаг до того, чтобы храм Божий превратился в филармонический зал, а Богослужение – в концерт. Когда я был викарием в Москве, меня пригласили в одну церковь на служение в храмовой праздник. Вся всенощная представляла собою концерт: стихири пропели только одну, зато в Свете тихий выкрикивали гласы неподобными, стиховну опустили, зато Ныне отпуша- еши² исполнили по-театральному, канон не читали, зато Хвалите имя Господне и Отверзу уста распели по каким-то вычурным нотам. А Величит душа Моя, эту чудную песнь, составленную Самою Владычицею мира, пели только начало и конец. Совесть потребовала по возвращении домой вычитать пропущенное. Пытался протестовать – староста ответил, что таково желание прихожан, что если запретить певчим выполнять условленные заранее песнопения, то они покинут клирос и выйдет скандал.

Как видите, и архиерей не в силах один бороться против деспотизма моды. Прибавьте к этому безобразный рев специально приглашенного протодиакона. А в Петербурге нынешней осенью пришлось лаврскому начальству отказать

театральному хору в пении литургии Чайковского, потому что в прошлом году храм Божий был осквернен жидами, собравшимися слушать концерт-литургию. Вот до чего доводит извращение в области церковного пения! Что сказали бы наши благочестивые предки, строгие блюстители отеческих преданий, если бы услышали что-либо подобное? Да прислушайтесь и теперь, что говорят простецы-иноки, если спросить их, как они смотрят на концертное пение в храме Божиим?

Обращать пение церковное в услаждение только слуха – не подобает. Даже и на спевках следует помнить заповеди Божии: не приемли имени Господа Бога твоего всуе, – скажут: ригоризм едва ли уместный! А я думаю, благоговейное отношение к словесам молитвенным, достойное всякого уважения, подражания и похвалы!

IV

Святая Церковь есть живой, бессмертный организм любви, она – тело Христово, Христос ее вечный Глава, каждый из нас, верующих и веру свою делами являющих, есть член сего тела, или, говоря по-ученому, живая клеточка сего организма. И живы мы постольку, поскольку живем в Церкви, живем жизнью Церкви, в неразрывном, живом единении с нею. И каждый верующий и по вере живущий, споспешествуемый благодатью Духа Божия, оживотворяемый общением со Христом в святейшем Таинстве причащения Тела и Крови Его, проявляет в себе жизнедеятельность Главы своей, Господа Иисуса Христа, по реченному Им – яко без Мене не можете творитиничесоже. Живя во Христе, в таинственном общении с Ним, он привносит в сокровищницу Церкви все то, что через него и в нем творит Христос. И сия сокровищница, через достойных членов Церкви Духом Божиим водимых, постоянно обогащается, а Господь – Глава Церкви во времена благопотребные являет в Церкви Своей избранников Своей благодати, через которых и дарует Церкви то, что ей потребно в свое время. Явится ли ересь, лжеучение, Он воздвигает поборников истины православия, которые с силою и властию, от Бога им данною, обличают лжеучения и раскрывают святую истину, и сие становится достоянием сокровищницы церковного предания в назидание

грядущим поколениям. Искажается ли само смыслением человеческим слово Божие или апостольское предание, – промыслом Божиим являются в Церкви истолкователи истинного смысла искажаемых мест Писания, самого духа предания. Ослабевает ли вера, оскудевает ли любовь среди христиан, является ли – соответственно тем или другим обстоятельствам времени, состояния общего развития человечества, – потребность облечь истины веры и нравственные правила в одежду внешних действий (обрядить – отсюда – обряд), дабы глубже запечатлеть в душе, нагляднее представить эти истины уму верующих, – посыпает Господь мужей мудрых и святых: Василия Великого, Иоанна Златоустого, Григория Богослова, Тихона Задонского, Димитрия Ростовского, а в наше время – Филарета Московского, Феофана Затворника, Иоанна Кронштадтского, и целый сонм подвижников благочестия, которые влагают в сокровищницу Церкви новые и новые дарования Духа Божия во славу Христа – Главы Церкви и в наше спасение. Особенно богаты эти духовные “вклады” в церковную сокровищницу в области церковного богослужения в виде обрядов богослужебных и разных песнопений. Подумать только: ведь древнейшие песнопения имеют свое начало в Церкви небесной; ведь эти песни: Свят, Свят, Свят Господь Саваоф; аллилуйя; Слава в вышних Богу – ангельские песни; ведь, первою песнотворицей Нового Завета была Сама Пресвятая Матерь Божия: ведь, это Ея песнь: Величит душа Моя Господа. А в церковных песнопениях, в дивно-поэтических формах изображены и все доктрины нашей святой веры, и все основы христианской жизнедеятельности с такою художественною полнотою, с такою глубокою проникновенностью, что ни в каких ученых сочинениях этого нельзя сделать. Впрочем, в сокровищнице церковного предания имеется достаточно и научных трудов всех веков и времен: это – писания отцов и учителей Церкви, начиная от мужей апостольских до нашего времени.

Так собирается в Церкви неоскудеваемое сокровище предания, которое не есть мертвый запас книжного знания, а живой голос присно живущей Церкви Христовой. Все сии

созидатели, учителя Церкви, и по отшествии своем к Богу, не умерли для Церкви, а живут в ней, мы входим в живое с ними общение через молитву и святейшее Таинство Евхаристии, и они всегда готовы откликнуться на нашу молитву, явлением Божией силы и молитвою за нас пред Богом; они беседуют с нами чрез оставленные нам в наследие свои писания. И как мы счастливы, что именно в наши скучные времена святые Божии как бы живые восстают среди нас в знамениях и чудесах многих, защищая сим истину Православия нашей матери-Церкви, ободряя нашу немощную веру, являя к нам любовь свою и призывая нас к единению с Церковью, на небесах торжествующею, в любви неумирающей. О, если бы мы знали, что значит жить в Церкви, быть в живом непрестающем общении с небесною Церковью, – если бы знали, какое это счастье, какое блаженство еще здесь на земле! Ведь, это – предвкушение вечного райского блаженства, это, по выражению Иоанна Дамаскина, величайшего поэта церковного – иного жития вечного начало!

Увы, погрузившись в суету сует, мы совсем забыли об этом счастье, сердце наше тоскует по нем, жаждет его, а мы думаем утолить эту жажду-тоску из кладенцев сокрушенных, гоняясь за призраками земного счастья, которое всякий понимает по-своему, но достигнув которого все одинаково и непременно разочаровываются и снова начинают страдать муками Тантала. А ведь истинное-то счастье так близко: приди и виждь! Вкусите и видите, яко благ Господь!

Как бы я был счастлив, если бы мой читатель спросил меня: с чего же начать, чтобы найти верный путь к этому счастью – блаженству? С радостью ответил бы я ему: начни с очищения своей совести Таинством покаяния, соединись с Господом в Таинстве Причащения и начни жить в Церкви, во смирении исполняя заповеди Господни под руководством матери-Церкви. Если доселе ты питался рожцами современной литературы, то теперь понудь себя читать духовные книги. Если привык каждый день отравлять себя чтением газет не христианского направления, то совсем брось их: это, действительно, отрава, медленно, но верно убивающая

духовную жизнь в православной душе. Оттого и чувствует себя человек духовно разбитым, оттого и падает в нем энергия духовной жизни, нарушается мир души, наступает расслабление, что яд холодного, бессердечного, пропитанного адскою гордынею и презорством отношения ко всем и ко всему, что дорого верующей душе, – этот яд каждый день незаметно, капля по капле, вливается иудействующими газетами в сердце читателя и разрушает жизнь духа. Вот – одна из причин такого множества самоубийств в наше безотрадное время! Душа голодает, а ее питают отравленными рожцами – пищею свиней! (Лк. 15:16). Как не прийти в отчаяние! А между тем – противоядие под руками: это – духовная литература. Возьмите, понудьте себя прочитать хотя одну маленькую книжечку святителя-затворника Феофана: “Что нужно покаявшемуся”, и пред вами раскроется другой мир, тот мир, к которому бессознательно, инстинктивно стремится ваша богоподобная душа. Вот признание одной верующей души, из среды образованного общества, касательно чтения духовных книг: “Еще в гимназии приобретя привычку к чтению мы глотаем русские и иностранные романы, следим за периодической печатью читаем “толстые” журналы и т. д. Всецело поглощенные этим светским чтением мы даже и не подозреваем, мимо каких сокровищ мы проходим, не замечаем их. Спросите образованного человека, кто такой был Феофан-затворник. Конечно, скажут: не знаю, да и не интересуюсь этим – вероятно монах какой-нибудь. И очень может быть, что я первая именно так ответила бы лет 7 тому назад. А спросите – кто были Ренан, Вольтер или Ницше, Бебель… другой иностранный писатель – вам без запинки ответят, кто они такие и чем знамениты.

Я нарочно выбрала имя епископа Феофана, 28 лет проведшего в затворе, как пример нежелания образованного общества узнать что-нибудь об ученейшем человеке, нежелания знать о нем потому, что его жизнь была всецело посвящена не земному, а небесному, потому что весь свой труд и себя самого посвятил он на служение Богу. Будь это человек светский, принеси он такую жертву для светской науки или искусства, или для общественного дела, про него прокричали бы на весь мир,

но раз ученый (а он был, действительно, ученый) посвятил свой труд, свое время безраздельно Господу Богу, то мы про него не знаем, да и знать не хотим. И еще он наш, русский – и не известен нам, а иностранцев, заслуживающих и меньшего внимания, знать мы обязаны всенепременно, своих же, столь замечательных, и знать не знаем. И если не случайность какая-нибудь натолкнет на чтение сочинений подобных писателей – так и умрешь, не подозревая, мимо каких великих людей ты прошел, не обратив на них ни малейшего внимания. Говорю это по опыту.

Добрые люди натолкнули меня на чтение духовных книг, когда я была в сильном горе, когда душа отказывалась от всякого утешения, и этим открыли мне целый неведомый мир.

Какое богатство неисчерпаемое открылось предо мною! Какая глубина содержания, сколько утешительных истин! Я с рвением принялась за эти книги”.

Назвав несколько имен духовных писателей, автор продолжает: “Какое у них знание сердца человеческого! Какой дар проникать в глубину вашей души!..

Они читают ваши мысли, – вопросы, на которые вы нигде не находили ответа – они разрешают легко и понятно, у них все так ясно и просто, вся душа человека для них как бы открыта, это истинные знатоки души человеческой, истинные мудрецы. Но – мир их не позна.

Чем больше я знакомилась с этим чтением, чем больше находила в нем отрады и чем большим проникалась уважением к нему, тем чаще в душе моей возникало обидное, досадное чувство: зачем же я не знала всего этого раньше? Зачем нас не познакомили с духовной литературой в гимназии? Столько в ней чудных истин, так много глубоких мыслей, столько интересного вообще; это истинно духовная пища. Зачем же лишают нас этого истинного света?” (см. “Отклики на жизнь”, № 2, стр. 30–31).

Что сказать на этот скорбный вопль русской православной души? Попытайтесь войти в наши законосочинительные палаты, попытайтесь обратиться к нашим министрам с проектом: ввести церковную литературу, чтение отцов и учителей Церкви в наши

средние учебные заведения. Да вас сочтут ненормальным человеком. Вот мифологию греков и римлян, похождения прелюбодея Зевса и разных богинь – это надо знать нашим “образованным” (по чьему только образу и подобию?) людям, а жития святых, а их духовные писания – да на что им? Они ведь не в монахи готовятся! Можно бы сказать: но, ведь, они и не язычники древней Эллады? Там – поэзия. Но могут ли греко-римские мифы сравниться с той чудной поэзией не измышленных, а живых образов, какую мы находим в житиях святых? Могут ли лучшие произведения поэтов не только древних, но и всех веков превзойти наши церковные песнопения, особенно на великие праздники, наипаче же на святую Пасху? Увы, всего этого сокровища лишено наше юношество, не знает его наше по-язычески образованное общество, с пренебрежением относятся к нему так называемые передовые люди! А еще называют себя христианами. Невольно вспоминается грозное слово Имеющего семь духов Божиих и семь звезд: ты носишь имя будто жив, но ты мертв. (Откр. 3:1).

Говорить ли о том, что чины, обряды и уставы богослужебные в православной Церкви являются наилучшую школою в деле воспитания чувства идеально-прекрасного? Напоминать ли меткое слово почившего Херсонского святителя Никанора, что наше Богослужение в его обрядовой стороне заменяет для нас благороднейший театр, притом возвышающий не только ум и сердце к Богу, но и дающий полное удовлетворение чувству красоты!

И все эти сокровища в нашей православной Церкви, в ее живом предании, и мимо всего этого проходят наши якобы православные интеллигенты, мало сказать: проходят, иные позволяют себе кощунствовать над этою святыней, поступая в сем случае непростительнее язычников.

А ведь если бы смирились, если бы захотели познать все это, то какую небесную, неотъемлемую радость, какое счастье нашли бы в этом познании! Я знаю одного англичанина, знатока России, раз десять посещавшего ее, изучившего наше Богослужение так, как не многие из иереев его изучают: это известный Бирбек – друг России. Он всегда восхищается

красотою наших обрядов и говорит, что ничего подобного он не видел ни у себя в англиканской церкви, ни у католиков. Если так могущественно действует наша обрядность на иностранца, на неправославного человека: то как же она должна действовать на душу православного? Не напрасно же один учитель Церкви сказал: прекраснее нашей литургии мы что-нибудь увидим только на небе.

И все это, конечно, потому, что наше сокровище, в продолжении многих веков бережно хранимое и мудро преумножаемое, не есть какой-либо музей древностей, а сама жизнь Церкви, воздействующая на души верующих непрестанным благодатным общением с теми, кто уходя на небо, оставил нам крепкое завещание:

Тем же убо, братие, стойте и держите предания, имже научистесь словом или посланием нашим.

V

Мои дневники о церковных преданиях вызвали один отклик, на который в свою очередь полезным считаю тоже отзоваться. Читатель (или читательница: отклик не подписан) пишет, что насколько порадовался он заглавию статьи, настолько разочаровался в ее содержании. Он ожидал, что я буду говорить о том, что сохранилось как священное предание Церкви, как то, что приемлется Церковью как восполнение Священного Писания, но что отвергается сектантами и еретиками. Может быть, он, мой читатель, ожидал от меня целого исследования о церковном священном предании, о его важности, его истории, его, так сказать, – составе, внутреннем содержании. Откровенно сознаюсь: такой труд был бы мне не по силам. Да едва ли он был бы по силам и вообще – одному лицу, разве при одном условии, если он отдаст целую жизнь свою, будет вооружен всеми историческими и научными знаниями. Но и при этом условии он мог бы дать не исследование, а разве только краткий, сжатый очерк сего предмета, наметить пути, поставить вехи и программы для других исследований. Мои статьи названы дневниками и в самом деле суть только наброски дневника, размышления, притом же и писанные мною в постели, во время болезни, как и эти строки пишу в вагоне, на

пути в мою Вологду. Посему и прошу моих читателей быть ко мне снисходительнее. Мне думается, что всякая добрая мысль, всякое правдивое и от души сказанное слово во славу и на пользу Церкви Божией в наше время, когда больших ученых сочинений, если они и есть, не имеют терпения читать, а довольствуются летучей печатью (газетами и журналами), а эти издания могут ли заронить в доброй душе доброе семечко и принести некий плод? Вот я и пишу, что Бог мне положит на душу. Пришло мне на мысль изложить на примерах – так сказать психологию церковных преданий, как я ее понимаю, я и набросал свои дневники. А читателям моим спасибо за то, что читают и откликаются. И если иной раз побранят не беда: лишь бы это была ревность о Бозе, а не от немирного приражения, как и я иных обличаю, не по злобе, а по любви к матери-Церкви, глубоко скорбя ее скорбями, болея сердцем о немощных моих собратьях. Вот и теперь хочу набросать дневничок в дополнение к тому, что уже писал раньше.

Наши предки любили Богу молиться. Лет двести назад даже бояре, тогдашняя наша интеллигенция считала зазорным делом ходить на зрелица, которые на тогдашнем языке и назывались “позорищем”; за то и в будни долгом почитали посещать службы Божии, а не быть в церкви в праздники почитали великим грехом.

Подолгу молились и дома, для чего имели не только в каждой комнате благолепно украшенные иконы, но и особые моленные, где горели неугасимые лампады. Входя в дом, прежде чем приветствовать хозяина, обращались к иконам, творили крестное знамение и воздавали им поклонение, а потом уже обращались к хозяину. Выходя утром, в первый раз, из дома, молились на все четыре стороны, молились, садясь за стол, выходя из-за стола; ограждали себя крестным знамением перед началом и по окончании всякого житейского занятия. Чувствовалось, что православный русский человек, по библейскому выражению, ходит перед Богом. То ли теперь? Много ли найдете “бояр”, у коих был бы в доме особый уголок для молитвы? Зазирает ли их совесть, когда они даже под праздники, даже во дни Великого Поста просиживают в театрах?

Многих ли мы видим из них – не говорю уже об утрени, а хотя бы у всенощной? А если и бывают, то ищут какую-нибудь домовую церковь, где служба Божия идет, как можно – покороче-покороче! Входите вы в их роскошные палаты – дворцы, ищете глазами святую икону, видите художественные картины, ландшафты, портреты в роскошных рамках, даже обнаженные статуи, но святых икон нет. Только после долгих поисков увидите, наконец, иногда уже по указанию сконфуженной (и за то слава Богу: сознание вины не погасло!) хозяйки, в уголке, где-нибудь под карнизом двухвершковый образок – как будто жалующийся вам: “Смотри, как меня стыдятся обитатели сего дома, именующие себя православными христианами”. Так гаснут церковные традиции в домашней жизни современной русской интеллигенции. Да и одной ли интеллигенции? От души призовешь Божие благословение на того крестьянина-извозчика, который, проезжая мимо храма Божия, осеняет себя крестным знамением. Увы! Что таить грех? Ныне и священники уже далеко не все свято блюдут этот благочестивый обычай. Да и этот ли только? Так, давно ли на Руси свято исполнялся трогательный поэтический обычай на Пасху дарить друг другу красные яйца? Сколько радости доставляло это яичко детям! Да и сердцу взрослого оно так много говорило! Это – символ нашего воскресения, нашего искупления кровью Христовою, нашей радости, ожидающей нас в жизни будущего века. Напоминало оно и о том восторге, с каким Магдалина и вообще первые христиане несли миру весть о спасении мира воскресением Христовым. А ныне – увы – и этот святой обычай свято блюдается разве в деревенской глупши, а в городах о нем забывают! Забывают даже сами пастыри Церкви, считая как бы за ничто, за мелочь, не заслуживающую заботливого их внимания, и являются на поздравление к нам, архипастырям, без этого символа пасхальной радости. Добре ли сице творят? То не важно, другое – мелочь, а предание, а поэзия церковной жизни улетает. А на место ее тоже незаметно врывается что-то чуждое церковного духа, что-то мирское, я сказал бы – мещански-пошлое.

С болью сердца видишь в столицах батюшек, даже украшенных золотыми крестами, подстриженных в скобу, с подстриженною же бородою, в накрахмаленных воротничках и манжетах, с раздушенными белыми платочками. А за столицами тянется и провинция. И так хочется спросить их: отцы и братия, к чему это? Зачем? Или вы тайком от паствы своей театры посещаете? Или думаете кому-то понравиться? Но прочитайте вот в "Новом Времени", что пишет – не строгий церковник, а известный либерал писатель В. В. Розанов о подобных вам модниках-батюшках: как он стыдит их! Видно, и на этого, еще не со всем утратившего в этом отношении духа русских церковных традиций мыслителя, ваши воротнички и манжеты, ваши подстриженные волосы и бороды производят отталкивающее впечатление. Что же думает о вас простой русский человек? Какое гнетущее впечатление ложится на его душу, на его совесть, которая воспрещает ему судить вас, а вы сами соблазняете его, вызываете его на это осуждение! Ведь не может же он безразлично относиться к тому, что так претит его православной душе. Как он, в таком настроении скорби за нарушение вами церковных традиций, в смущении совести за осуждение вас, пойдет к вам же на исповедь? Помню, как однажды бойкая светская барыня, в вагоне железной дороги, пыталась убедить одного доброго иерея Божия в том, что ходить в театры и священникам не грех. Слушал батюшка ее либеральные глаголы, а когда она закончила свои излияния словес, вздохнул и кротко сказал ей: "А скажите мне, милостивая государыня, – извините, не знаю, как звать вас, – скажите мне по совести, по чистой совести (он подчеркнул эти слова): к какому батюшке вы скорее пойдете на исповедь: к тому ли, который, как вам известно, ходит иногда – украдкой, конечно, – в театр, или к тому, который считает это неприличным для себя?" Подумала барыня полминуты, опустила голову и как-то сконфуженно сказала: "Сказать правду: я предпочла бы последнего". – "Вот то-то же и есть, милостивая государыня: сами по совести, значит, согласны со мною, а, стало быть, напрасно и слова терять нам не стоит в споре. По совести, по совести будем рассуждать, и хорошо

будет!” – То же и о воротничках, то же и о манжетах, и о подстриженных волосах и бороде: в глазах тех, кто еще не совершенно утратил традиционно православных взглядов на все это, вы, честные отцы, только теряете, – ох, как теряете! И на исповедь к вам пойдут разве из-за нужды, когда не будет близко вот такого батюшки-простеца, который блюдет свою совесть и в отношении к таким “пустякам”, к которым вы относитесь так пренебрежительно. А те господа, которые трунят над нашими “космами”, которые одобрительно улыбаются вам, как “передовым батюшкам”, на исповедь к вам – поверте – не пойдут уже потому, что считают ее старым пережитком, предрассудком, да и вас-то в душе не только не уважают, а смотрят на вас иногда, как... на жалких авгуротов! В наше время вы им нужны только как рясоносцы, как орудие соблазна для народа, как своего рода “авторитет”, при посредстве коего можно скорее увлечь в их политику верующих людей. А снимите вы рясы и вас выбросят за борт, как ненужную вещь, как выжатый лимон, как выбросили, отвернулись и забыли этих – Петрова, Семенова, Огнева и прочих. Вот куда зрят те пути, на кои вы так неосторожно, незаметно для себя отклоняетесь, отцы, изменяя традициям церковности нашего православного Русского народа!

Я сказал, что истинно православный человек ходит пред Богом. Это прекрасное выражение, примененное в Библии, между прочим, в отношении к праведному Еноху, взятому живым на небо, самую идею сего выражения православный гений русского народного духа потщился воплотить в своем бытовом укладе, в мелочах своей жизни, в церковной обрядности, в домашних благочестивых обычаях, и все это благословила мать-Церковь, или – привнесением молитвенных чинопоследований своих (см. книгу “Требник”), или безмолвным усвоением добрых обычаяев своими пастырями Церкви. Нигде не писано, никакими древними правилами не указано, чтобы, например, входя в дом молиться пред иконами, проходя мимо храма осенять себя крестным знамением, начиная постройку, ставить крест у здания и т. п.; но добрые пастыри сами выполняют эти благочестивые обычай и учат им

православных. И добре делают. Чем чаще вспоминает человек о Боге, тем меньше грешит. И не потому ли наши интеллигенты прячут в своих жилищах святые иконы под карнизы потолков, заставляют их растениями, чтобы эти иконы не пробуждали в их совести мысли о Боге вездесущем и всеведущем, и не стесняли их в грешных беседах и делах? Ведь, бывает же, что в присутствии духовного лица миряне как-то невольно сдерживают себя и чувствуют себя, наоборот, свободнее, когда батюшка уйдет? Бедные, несчастные люди! Они похожи на тех шалунов школьников, которые ждут – не дождутся, когда уйдет от них “начальство”, их воспитатели и наставники, чтобы предаться своим шалостям, которые обычно до добра не доводят. А ведь как ни прячь святые иконы – от Бога-то всевидящего и всеведущего никуда не укроешься. Так не лучше ли, не разумнее ли было бы вместе с царем Давидом говорить себе: буду зреть Господа предо мною всегда, чтобы твердо стать на Божьем пути!

Знаю, мне скажут, что уклоняться от обычая предков их побуждает вовсе не желание как бы укрыться от Бога-Сердцеведа. Так что же побуждает вас к сему, братья мои, добрые чада Церкви-матери? Вы молчите? Так “принято?” Но я не понимаю этого слова. От кого принято? Кто передал вам это? Чье это предание? Во всяком случае – не ваши предки благочестивые, не мать ваша – Церковь. Я скажу вам, от кого пошло это предание. Первые стали стыдиться святых икон люди, в вере православной поколебавшиеся, поддавшиеся под влияние неправославных иностранцев-лютеран и баптистов. Сии сектанты, отделившись от своей латинской церкви, косо смотрели на наши святые иконы, которые они считают идолами; заметили это наши интеллигенты и стали подальше ставить иконы, как бы оберегая святыню от оскорблений, а на самом деле, угождая своим гостям, – инославцам. А эти последние или лучше – их духовные предки, их учителя вроде Лютера и Меланхтона, находились в свое время, как это теперь документально доказано, под влиянием злейших врагов Христа – масонов. Вот и подумайте, откуда пошло это новое “предание”, это – “так принято” у наших интеллигентов. Можно

ли, позволительно ли православному человеку следовать такому “преданию?” А ведь это, как видите, самое настоящее предание, имеющее и у нас уже и двухвековую давность и настолько же твердо укрепившееся в среде многих, именующих себя православными, что я почел бы себя счастливцем, если бы узнал, что хоть один из моих читателей, следующих этому антицерковному обычаю, имел мужество, да, мужество – не в сокровенной части своего дома, не в спальне, а в парадных комнатах поставить достаточно видные киоты со святыми иконами и возжечь перед ними неугасимые лампады – вот хоть бы так, как мы видим это еще во многих благочестивых семьях купеческих и простонародных. Увы, боюсь, что не найду такого мужества!..

Так вот, о чем хотелось мне и на сей раз поговорить. И я надеюсь, что читатели не будут слишком ко мне строги, не будут порицать меня, что я говорю о “мелочах”. Думаю, что и в будущем, если Бог поможет мне продолжить свои беседы – дневники, не раз еще придется писать на ту же тему. Эта тема неисчерпаема. Любить предания, создавшиеся на почве церковности, значит любить мать-Церковь, их благословляющую, значит быть в живом общении с благочестивыми нашими предками, значит жить их жизнью, продолжать их жизнь, а следовательно, и созидать жизнь своего народа, своей Святой Руси.

119. Трудовые щепочки

Современное человечество хвалится прогрессом, культурой, цивилизацией, а между тем постоянно слышатся жалобы, что тяжело жить в центрах этой культуры, этой цивилизации: в нравственном отношении едва ли человечество идет вперед, по крайней мере душою отдохнешь не тогда, когда бываешь в среде этих культурных, просвещенных в высшей степени корректных и деликатных, но холодных сердцем людей, а когда перенесешься мыслию к своим простецам-зырянам или алеутам и колошам отдаленной Аляски. Среди этих некультурных детей природы скорее можно встретить людей, которые, восприняв простым детским сердцем Христово учение, становятся истинными детьми Божиими. Мне припоминается рассказ одного московского купца из жизни покойного Митрополита Московского Иннокентия. Святитель обедал у этого купца, церковного старосты, после освящения церкви. В числе гостей было немало и почетного духовенства. Святитель вспоминал свое давнее прошлое, свою жизнь на Алеутских островах. Все с большим вниманием слушали его рассказы о далекой, неведомой стране, об обитающих там народностях. Один протоиерей спросил владыку: “А каковы были ваши колоши, Владыко?” “Да получше меня и получше тебя”, – ответил простец Митрополит. Ученому протоиерою не понравился такой ответ, и он замолчал. Это не скрылось от старца святителя, и он сказал ему: “Может быть, тебе не понравилось такое сравнение? Так послушай, что я тебе расскажу. Раз, когда я был еще попом, приходит ко мне поздно вечером издалека один колош исповедоваться. Ночь была темная, когда я отпустил его, и на дворе были уже спущены собаки. Чтобы оборониться от них, колош взял у меня в сенях метельник (насадку от метлы). Прошло часа два – слышу: кто-то стучится. Окликаю – это мой колош! Спрашиваю: “что тебе? “ – “Да вот, бачка: я взял у тебя палку отмахнуться от собак, возьми ее назад!” – “Да Бог с тобой, – говорю, – иди с Богом, давно бы уже был дома”. – “Нельзя, бачка: я взял – тебя не спросил,

велишь – так возьму. – “Возьми, возьми, она тебе пригодится, видишь, говорю: глухая полночь”. Колос мой успокоился и пошел домой с моим метельником. – “Ну, вот”, заключил полуслыша покойный архипастырь – согласись, брат: мы с тобой так ведь не сделали бы?”

Я вспомнил этот рассказ о простеце-колоше потому, что недавно получил из далекой Аляски следующее письмо:

“Ваше преосвященство, милостивый архипастырь! Благоволите и принять и прочесть сие письмо.

Всякому мила своя сторона, любит и нищий свое хламовище. Не чужд и я своей родной стороны.

Мои прихожане по просьбе моей собрали, при великой нищете и скудости своей, на построение храма в Бар-граде святителю Христову Николаю, на приют Царицы Небесной в Петербурге и на голодающих в те губернии, где голод заставил пастыря послать своих детей вечером просить хлеба. Посылаем на имя ваше для передачи: на построение храма в Бар-граде 15 долларов, на приют – 5 долларов и на нуждающихся в пропитании 5 долларов, а всего 25 долларов. Благоволите напечатать о сей жертве хотя в “Приходском Чтении”, не упоминая моего имени, душевно не желаю быть означенным, а нужно отпечатать потому, что на Аляске есть священнослужители с более состоятельными приходами, чем наш приход, это – первое, а второе – мои алеуты православные, но еще яко младенцы, сосущие молоко: попадет это чтение в руки алеутов – кто знает? – может быть, и еще соберут, а главное, алеуты очень дорожат святительским, хотя и заочным, благословением. Они часто спрашивают: поступает ли наша жертва на дело, на которое мы даем? Я им говорю: вашу посильную жертву Господь милостиво принимает. Но они возражают: не остается ли она в руках нашего пастыря?.. В течение трех лет я замечаю, что посылаем мы собранные на какое-либо богоугодное дело жертвы, а о получении их на месте ответа не получаем.

Вам, может быть, покажется странным, что деньги эти собраны – щепками, которыми просвещенные американские, а иногда, по их примеру, и русские купцы платят алеутам и

эскимосам за их труды. Напилит, например, алеут или эскимос сажень дров для купца, купец берет щепку, пишет на ней стоимость работ и платит этой щепкой работнику. Теми же щепками платят и за дорогие бобровые, и другие меха. Редко поблагороднее – пишут чек на толстой сахарной оберточной бумаге. С этой щепкой или лоскутком бумаги идет алеут (а нередко случалось ходить и мне) к тому же купцу в лавку брать провизию в семь раз дороже других лавок: волей-неволей берешь мешок муки в 50 ф. за 9 или 10 долларов (18–20 р.). Вот такими-то щепками и собраны прилагаемые 25 долларов, причем, конечно, я влагаю американские кредитки, выменяв их на щепки.

Наш архипастырь как-то выразился, что алеуты вымирают. Еще бы не вымирать, когда они по полгода и более хлеба не видят, пытаются сушеной рыбой, морскими червями и разного рода чудовищами. Стоит посмотреть на их пищу, как и у тебя станет на желудке боль. Казалось бы: улучшить быт этих полудиких народцев – прямой долг американцев, но они смотрят на них, как на рабов. Много вымирает алеутов и эскимосов от спаивания водкой (виской), чем также усердно занимаются культурные американцы и японцы без зазрения совести”.

Согласно желанию автора, не привожу его подписи и адреса. Я уведомил его о получении 25 долларов письмом, в коем писал, между прочим: “Глубоко тронуло меня усердие в простоте верующих душ тех алеутов, которых некогда так любил в Бозе почивший благодетель мой, московский митрополит Иннокентий. Храни и благослови Господи, яко сокровище бесценнное, эти Богу преданные души! Их щепочки в очах Божиих дороже крупных пожертвований, приносимых добрыми богатыми людьми от избытков их, как лепта евангельской вдовицы была дороже всех сокровищ храма Иерусалимского. А для меня получение такой жертвы на Божьи дела – сущий праздник: душа моя возрадовалась, что слышат меня добрые души и в далеких странах Великого океана!

Пишете, о. Н о тяжелой доле пасомых ваших: верьте, что если их сердца способны откликаться вот так на добрые дела,

то они много счастливее тех сътых и богатых интеллигентов, которые мнят себя людьми просвещенными и себя считают господами, а их – рабами. Ведь царствие-то Божие – в добрых верующих сердцах!

Скажите им, что я, грешный архиерей, призываю на всех их Божие благословение. Верую, что святитель Христов Николай чудотворец, на храм коему они принесли свои трудовые щепочки, благословит их с высоты небесной и сторицею воздаст им за их любовь к нему и во имя его – к тем странникам, которые приходят на поклонение его святым мощам. Верую, что и Господь, рекший пречистыми устами Своими: что сделали вы единому из сих братий Моих меньших – Мне сделали, – Он милосердый и утешит их утешением райским, и благословит их благами земными. Еп. Никон”.

Может быть, кто-либо, прочитав эти строки, подумает, а может быть, и другим скажет: “Стоит ли писать в журнале о таких мелочах? В наше гуманное время жертвуют сотнями тысяч на дела просвещения, на помошь голодающим, на больницы, богадельни. Прочитайте в газетах, сколько собрано на “белый цветок”, на “колос ржи”. А то – собрали алеуты каких-то 25 долларов на добрые дела и кричат о них на весь свет!”..

Жертвуют... жертвуют и на театры, на народные дома, народные университеты. Мало ли еще на что жертвуют! Увы, лучше бы не жертвовали! И язычники-идолопоклонники делали добро и притом такое, которое привлекало к ним спасающую Божию благодать: вспомните Корнилия-сотника и других, ему подобных. И это их добро, как видите из книги Деяний Апостольских, имело свою цену в очах Божиих, но цену лишь относительную, и для спасения им необходимо было войти в лоно Церкви Христовой и стать ее живыми членами – так, чтобы в них и через них действовал Христос. А тому, кто именует себя христианином, да еще православным, как будто и стыдно стоять в оценке добра ниже Корнилия-сотника, который, творя добро по мере сил и умения, не забывал и Бога призывать в молитвах своих. Оттого и сказано ему: молитвы твоя и милостыни твоя взыдоша на память пред Бога (Деян. 10:4). Судите сами: можно ли сказать это о тех “жертвах”, какие собираются нашими

интеллигентами не во имя Христа, а во имя туманного гуманизма, не под сенью животворящего креста, а под сенью “белого или синего цветка, колоса ржи” и подобных сему эмблем? Привлекут ли эти жертвы благодать спасающую к жертвователям, стыдящимся знамения нашего спасения – креста Христова? Можно ли сказать и о тех “пожертвованиях”, которые приносятся с целью, недостойной христианина; не грешно ли верующему во Христа строить дома зрелиц, дома увеселений, развлечений?.. Не позволяет моя совесть назвать и “народные университеты” добрым христианским делом, ибо кто же не знает, для чего они устроются и что там народу читается? Нельзя истинному христианину измерять ценность доброделания и мерою утилитарною: с этою мерою Римская церковь дошла до иезуитизма, до индульгенций. Богу нужно наше сердце: сыне, глаголет Он: даждь Ми твое сердце! Нужно, чтобы добро шло от сердца, чтобы мысль о нем лежала у сердца (отсюда – усердие), чтоб оно исходило от любящего, милующего сердца (отсюда – милосердие), было совершено бескорыстно, чисто от всякого себялюбивого побуждения. – Так Христос велел, так Он заповедал! – вот единственное непогрешимое побуждение, единственно верная мера ценности благотворения. А как Христос заповедал? Да не увесь шуйца, что творит десница твоя. Делай добро и тотчас же забывай, что его сделал: делай и говори: я тут не причем – это Бог так устроил. Бог послал случай, средства, силы, добрую мысль, доброго человека, который мне подсказал это: делай и благодари Бога, что тебе поручил это дело, тебе помог, тебя осчастливили быть Его рукою в доброделании.

И благо тому, у кого этот закон доброделания лежит у его сердца, в самом сердце, как дыхание жизни, как биение этого сердца!

Но ужели так и не имеет никакой цены то добро, которое творится по другим побуждениям, помимо этого закона?

У Бога ничто не останется без награды. Кто чего ищет, тот и получает. Делают люди добро из тщеславия: и их прославляют за то. Делают из корысти: они и достигают цели своей. Земное добро на земле же и вознаграждается. Восприял еси благая в

животе твоем, сказано в притче богатому Авраамом. Восприял: получил в уплату, значит, было кое-какое добро, за которое и уплачено ему в земной жизни. Но на небе уже не жди он вечной награды. Но имеет ли для христианина какое-либо значение, какую-нибудь ценность земное благо, если оно не открывает пути к вечному небесному блаженству?..

Не велики крупицы добра, соделанного во имя Христово младенцами веры – алеутами, но они – бесценные жемчужины в очах Божиих. Может быть, и значительным суммы, собранные на голодавших или жертвуемые на дела просвещения нашими интеллигентами, но без Христа и креста, это – грошевые бусы, коими играют и потешаются дети.

И с утешением можно отметить, что такие крупицы добра еще есть в нашей церковно-народной жизни, еще блестят – то тут, то там, как дорогие бриллианты, сверкая в мусоре житейской суеты, и как бываешь рад, когда заметишь хоть одну такую искорку благодати Божией, светящуюся в русской православной душе!..

120. Оскудение духовной жизни

Еще царственный пророк Давид жаловался в свое время, что оскудел преподобный. Но после пришествия в мир Христа Спасителя, когда расцвела полным цветом Церковь Божия, пустыни наполнились преподобными, а из пустынь духовная жизнь проникла и в города, и были такие благословенные грады, в которых насчитывали тысячи монашествующих, добрым подвигом подвизавшихся и своею жизнью прославлявших Господа. Таков был некогда в Верхнем Египте город Оксиринхос, развалины коего открыты в недавнее время. В наше грешное время приходится опять повторять жалобу царя Давида: оскуде преподобный!.. Монастырей еще много на святой Руси, немало и черноризцев, но – оскуде преподобный, ослабела жизнь монашествующих. Настоятели жалуются: некого постричь, посвятить во диакона, во иеромонаха; архиереи жалуются: некого поставить в настоятели – хоть закрывай монастыри!..

Удивляться нечему. Монахи ведь приходят в монастыри из того же мира, а каков ныне мир – всем нам хорошо известно. В последние годы будто пронесся по Русской земле какой-то ураган неверия, безбожия, всякого отрицания; люди перестают уважать всякий авторитет: будут ли они признавать авторитет Церкви, да еще православной, которая и всегда-то была, по сравнению святителя Димитрия Ростовского – яко крин в тернии: всегда в скорбях, в принижении, если не в полном пренебрежении в глазах мира сего лукавого и прелюбодейного. Над нею сбывалось и всегда слово Господа: в мире скорбни будете, – якоже Мене изгнаша, и вас ижденут... Сказал Господь о последних временах: будет пред Его пришествием проповедано Евангелие царствия по всей вселенной, но Он же сказал, что когда придет Он на землю судить живых и мертвых, то едва обрящет веру на земли. Значит: много будет христиан по имени, но мало – очень мало на деле. На наших глазах оскудевает вера в среде верующих, гаснет духовная жизнь, утрачивается самое понятие о сей жизни, и притом, что

особенно горько отметить: не только у мирян, живущих почти исключительно жизнью плотскою и душевною, но и у духовных лиц, у нашего пастырства, и не только у белого духовенства, но и у самих монашествующих, этих – так сказать по идее присяжных носителей идеала духовной жизни. Конечно, и всегда среди монашествующих были немощи – пороки пьянства, рабства плоти, сребролюбия; конечно, и ныне в святых обителях наших есть истинные подвижники – семя свято, но, к сожалению, ныне к прежним немощам присоединился еще какой-то дух противления, дух самости, безграничного честолюбия, своеволия, который обуял обитающих в монастырях. Даже самое подвижничество получило какой-то своеобразный характер: есть носящие вериги, но зараженные духом гордыни; есть постники, но одержимые нестерпимым самомнением; есть строгие к себе, но и беспощадные к другим. В последнее время появляются в обителях личности, кои дают повод подозревать их в сектантстве, в хлыстовщине, одной из самых гибельных, антихристианских сект. Отвергнув смирение, как основное начало духовной жизни, увлекшись внешним подвигом, такие неразумные “делатели” монашеской жизни попадают в сети вражьи, в духовную прелесть, начинают надмеваться высоким о себе мнением, самозвано выступают на поприще учительства и гибнут сами, увлекают в погибель с собою и других, особенно же доверяющих им себя мирян. И среди мирян являются самочинные подвижники: все чаще слышишь о разных “братцах”, о “юродивых”, о “блаженных”, которые или бродят по градам и весям и лето и зиму босые, косматые, без шапок, или же вьют себе гнездо у “благодетелей”: благо немало еще на Руси людей в Бога верующих. И одни из таких подвижников-самочинцев, покинув путь самоотвержения и смиренного богоугождения, льстят и обманывают добрых людей сознательно, наживая деньги, другие, сами находясь в прелести, влекут за собою и мирян в пропасть погибельную, в хлыстовщину и сродные с нею секты. В жизни духа есть закон, в силу коего “Божие”, то есть благодатное состояние, “о себе”, само собою “приидет, тебе не ощащающему, но аще будет место чисто, а не скверно”, а такие самочинные подвижники не хотят

знать этого закона и, не заботясь об очищении “места”, то есть сердца от страстей, дерзновенно стремятся вторгнуться в ту область духа, которая для них еще не может быть, без вреда для них, открыта, и за такое дерзновение взойти в чертог брачный без одежды брачной, бывают оставляемы благодатью Христовою и становятся посмешищем врага Божия – диавола. Овладев их воображением, враг внушает им все, что ведет к их погибели: делает их якобы прозорливыми, обольщает видениями и ложными мечтаниями, они читают мысли людей, с ними беседующих, отвечают на вопросы, какие им еще только хотят предложить, поднимаются даже на воздух во время молитв, испытывают якобы благодатные, на самом же деле психофизиологические состояния и пр. Я знал таких несчастных: вразумить их чрезвычайно трудно и без особенной благодатной помощи Божией невозможно. Это – одержимые злым духом, духом пытливости (Деян. 15:16), помешанные на своей святости, и вот что замечательно: Божиим попущением враг, издаваясь над таковыми, нередко ввергает их в страсти бесчестия: они сочиняют для себя и своих последователей особую теорию, оправдывающую даже неестественный разврат. Вот почему такие святоши крайне опасны. Вот почему надо предостерегать от их влияния народ, который они увлекают еще и проповедью трезвости, воздержания от мяса, табака, зрелиц, даже от законного супружеского сожития. Измученный невзгодами жизни, пьянством и другими грубыми пороками простой народ охотно идет к ним в сети: ведь они толкуют о святом слове Божием, о добре трезвой жизни, они якобы помогают пьяницам избавиться от погибельной страсти. Несчастные люди не могут разобраться в том, с кем имеют дело. Тысячами идут к этим прельщенным.

Так на наших глазах зарождаются самые опасные секты – мистические. С течением времени они, объединяясь около одного-двух имен своих вождей, начинают сорганизовываться, выяснять основные положения своего упования, и, не встречая должных обличений со стороны Православия, крепнут в своем лжеучении. Так на наших глазах появилась и секта киселевцев. Ее основатели воспользовались досточтимым именем отца

Иоанна Кронштадтского, благоговейною любовью к нему народа, и теперь раскинули свои сети по всей России: одних книгонош имеют они до 5000 человек, которые распространяют их литературу, а с нею и лжеучение. Дело, по-видимому, началось с того, что простые люди, искренно чтившие отца Иоанна, читая его дневники, преисполненные духовной мудрости, во многих местах описывавшие высокие духовные переживания благодатствованного состояния (на что указывает самое заглавие сих дневников: "Моя жизнь во Христе"), неправильно поняли эти места, стали по-своему их перетолковывать, неправильно прилагать к своей личной жизни, и вот, в их понимании явилось ложное представление об отце Иоанне, как человеке, в котором обитает Божество, как о Христе Спасителе. Отсюда один шаг до хлыстовщины, до обожения человека. А в таких случаях является потребность приспособить к их теории и толкование текста Священного Писания, и всю историю первобытной Церкви. Отсюда и лжебогородицы, и лжеапостолы, и лжепророки. Увлечь темную массу не трудно: ведь наш простой народ – младенец в делах веры: иная баба не умеет отличить Пресвятую Троицу от Пресвятой Богородицы. А имя отца Иоанна, как известного молитвенника и чудотворца, слишком авторитетно в глазах русских верующих людей. Раз лжеучение прикрыто им – дается полная вера лжеучителю.

И вот нашлись люди с сожженою совестью, которые решили использовать это явление в религиозной жизни нашего народа с корыстной целью. И корысть тут была двоякая: ревнителем веры, чуть не пророком прослыть, а затем уж и капитал легко нажить. Благо во главу стали люди коммерческие. Они сумели найти себе помощников из людей того же нравственного ценза, но более или менее интеллигентных, владеющих пером в достаточной степени, чтобы и брошюры писать, и в газетах вести пропаганду своего дела, и, если понадобится, бумаги сочинять по адресу разных учреждений. Ведь стоило приискать в писаниях отца Иоанна несколько мест, где он говорит о благодатном общении с Господом в Таинстве Причащения, чтобы люди, фанатически преданные отцу Иоанну, сделали из них свои выводы, а затем

уже, как по наклонной плоскости, дошли и до богохульных ересей в духе хлыстовщины. Само собою разумеется, интеллигентные руководители новой секты лично сами готовы откращиваться от конечных выводов этих ересей. А невежды продолжали в сердце безграмотной и полуграмотной массы искажать даже и то, что неправильно было понято в сочинениях отца Иоанна и – должно сказать истину – не без участия самого отца лжи – сатаны – дошли до учений самых нетерпимых: например, что дети, рожденные от законного брака, – бесенята, и их следует растаптывать до смерти и т. п. Это удостоверено в моей епархии официальными документами относительно известного лжеучителя, уже умершего Курепина. Не может быть, чтобы руководители ереси ничего об этом не знали, но им было выгодно молчать об этом, и они молчали. А когда говорили им о том, чему учат их единомышленники, они самым решительным образом все отрицали. И теперь отрицают.

Пока таким образом шло брожение, в котором как бы намечалась организация секты, это явление было замечено теми, кто стремится всю мировую историю направить по своему пути. Я говорю о врагах человечества, о врагах Церкви – масонах и их руководителях – иудеях. Они решили использовать новое сектантское брожение для своих целей. На первый раз решено не раскрывать в печати всего того вреда, который грозит Церкви от так называемого “иоаннитства”. И вся печать, находящаяся под командой иудеев, молчит. А когда признает нужным, то говорит о киселевцах покровительственно. Не молчат только немногие органы правой печати, вроде “Колокола”, который и без того подвергается оплеванию всей левою печатью за свою ревность о пользах Церкви. А киселевцы успели обзавестись своим печатным органом, который стал в непримиримое отношение к высшей церковной власти и ее представителям. Номера не выходит без того, чтобы этот киселевский орган не издевался над Святым Синодом и обер-прокурором его В. К. Саблером, над теми миссионерами, которые смело принялись за разоблачение новой секты и ее тайн. Понятно, как все это радует злейших врагов Церкви – масонов и иудеев. Иногда приходит мысль: уже

не эти ли закулисные друзья киселевцев подсказали им так усердно распространять мысль о близкой кончине мира? Ведь, сектанты понимают Второе пришествие Господа не в том смысле, как понимаем его мы, православные: у них дается всему свое толкование, подобное тому, какое существует у адвентистов-еретиков. А это так выгодно для иудеев.

К сожалению, мы, православные, все еще не решаемся поверить в несомненный факт, что эта новая явно хлыстовская секта руководится иезуитским правилом: цель оправдывает средства. Для ее последователей ложь, обман, клевета, клятвопреступление, всякое притворство – все не только позволительно, но и в некоторых случаях прямо обязательно. “Никому не смей открывать наших тайн: ни отцу, ни матери, ни даже своему духовному отцу”, – вот, между прочим, одно из правил их жизни и деятельности. И как широко они им пользуются! Страшно становится, когда подумаешь, что их уличный листок читают простые люди, которые верят всякой печатной строке! Отвратительно читать их явно злостные беспощадные, бессовестные клеветы на обер-прокурора, на миссионеров и всех, кто становится им поперек дороги в обмане простого народа. Ведь они прикрывают себя одеждою ревностных защитников веры православной, родной Русскому народу Церкви; они стараются убедить народ, будто на их стороне даже некоторые святители; они особенно подчеркивают свое мнимое благочестие, не жалеют денег даже на построение храма в Воронцовской женской обители, где свили себе гнездо. Последователи секты киселевцев, как и другие хлысты, часто ходят в церковь, говеют, причащаются Христовых Таин, соблюдают посты и, что особенно характерно для всякой хлыстовщины – учат воздерживаться от мяса, хотя пока не ставят это еще непременным требованием, а лишь в качестве их идеала. Они осуждают курение табака, посещение зрелиц – словом, во всем стараются показать свое благочестие. И тут же рядом – крайне пренебрежительное отношение к церковной власти, прямое над нею издевательство. Сейчас, например, подали мне последний номер их “Грозы”, в котором Святейший Синод называется “увядшим розаном, который совсем-де

выдохся", и газета ехидно изволит шутить: "Не собирается ли старичок умирать?" И это о высшей церковной власти! Дозволит ли себе это верный сын Церкви, православный человек?

Я уже сказал, что в мистических сектах, а в том числе и в киселевщине, проявляется какая-то страстная наклонность к разврату. Явление это с точки зрения аскетизма совершенно естественное. Зараженные гордынею, такие люди сами лишают себя Божией благодати, охраняющей человека, и впадают в страсти плотские. И чем более они стремятся к настроениям якобы духовным, тем ближе к ним эта опасность. Этому прямо содействует то возбужденное, экзальтированное состояние, в какое приводят себя искусственно хлысты так называемыми радениями, и которое они считают якобы благодатным. Есть признаки, что и киселевцы уже начинают прибегать к чему-то в роде радений. Если, помилуй Бог, эта прелесть распространится в массе народной, то можно ожидать чего-либо в роде "подгорновщины", "иннокентиевщины" и подобного безумия. Вот почему весьма желательно не останавливаться на полпути, а разоблачить нарождающуюся ересь во всей ее наготе, дабы предостеречь простой народ от увлечения ею.

Все, что я здесь сказал, невольно побуждает нас, пастырей Церкви, задуматься и спросить себя: кто больше виновен в самой возможности таких уродливых явлений, как иоаннитство, киселевщина, да и вообще все эти секты, не только мистические, но и рационалистические? Народ, нами пасомый, или мы, их пастыри? Не говорит ли нам совесть наша, что если волки врываются в стадо и расхищают его, то значит, пастыри спят, или плохо стерегут вверенное им стадо? Ведь, если наши пасомые неравнодушно относятся к разным лжеучениям, то значит, в них еще жива душа, созданная по образу Божию, она ощущает духовную жажду, ищет, чем ее утолить, а мы, хранители вод благодатных, мы идем ли навстречу сим душам жаждущим? Готовы ли утолять их жажду? Да и сами-то – утоляем ли свою собственную жажду? Или уж наши души так и не ощущают ее? Ужели мы так погрузились в суету сует, что забываем о едином на потребу – не только для нас самих, но и для пасомых наших?..

И грозно раздается в совести нашей слово древнего пророка Божия Иезекииля: “Так говорит Господь Бог: горе пастырям Израилевым, которые пасли самих себя! Вы ели тук и волною одевались, а стада не пасли, слабых не укрепляли, больной овцы не врачевали, и пораненной не перевязывали, и угнанной не возвращали, и потерянной не искали. И рассеялись они без пастыря, и рассеявшись, сделались пищею всякому зверю полевому. Блуждают овцы Мои по всем горам, и никто не разведывает о них, и никто не ищет их. Посему, пастыри, выслушайте слово Господне. “Живу Я! говорит Господь Бог: вот Я – на пастырей, и взыщу овец Моих от руки их!..” (Иез. 34:1–10). Господи! Не вниди в суд с нами, грешными! Аще бо беззакония назриши – кто постоит?

121–122. Страница из современного патерика

1

Хотите ли, добрые читатели мои, отдохнуть душой, перенестись в иной мир, грешному миру неведомый?.. Или думаете, что это уже стало на Руси невозможно, что этот мир уже отлетел в область преданий и легенд, в которых ныне больше видят поэзии, чем действительной жизни, больше назидательных примыслов, чем действительных фактов?.. Было бы великим несчастием для нас, для нашего народа, если бы было это так. Это значило бы, что история нашего Отечества кончилась, что приговор Божественной правды над нами уже произнесен, что мы исключены из той книги жизни, в которой пишется перстом Божиим история домостроительства спасения рода человеческого, и записаны в ту книгу смерти, в которой едва заметными штрихами видны имена когда-то великих народов Азии, Африки и Европы: имена египтян, ассириян, финикиян, вавилонян, имена древних эллинов и римлян, все те имена, носители которых давно исчезли с лица земли или же их потомки едва влачат свое жалкое в сравнении с великим их прошлым существование.

Слава Богу: это – не так! Еще жива наша русская православная душа. Еще искрятся кое-где искорки Божии, есть кое-где неведомые смиренные рабы Божии, молитвами которых и мир стоит! Кто читал мою книжку “Чем жива наша русская православная душа”, тот знает, что как ни узок кругозор моих наблюдений, но и мне Бог привел на своем веку видеть воочию таких Божиих рабов, видеть дивные явления Божия Промысла и живой веры русских людей, живущих в недрах родной Церкви Православной, смиленно текущих путем Божиим и паче всех добродетелей украшающих себя красотою ангельского смирения. То правда, что ныне не то, что было во дни оны древние, на старой Руси; ныне не составишь большого патерика из сказаний о современных подвижниках, но и то должно сказать: ведь, о наших-то временах и есть пророчество у святых

отцов, что последние монахи будут спасаться больше всего смирением, и те из них, которые спасутся, превзойдут великих чудотворцев древних времен. Оттого-то и не видны они, эти современные нам рабы Божии, что вся жизнь их сокровенна со Христом в Боге, что почитая себя отребием мира, последними грешниками, они тщательно прячутся от взоров людских, и только разве святая дружба, взаимность молитвы да любовь к собратьям иногда в конце их жизни приоткрывают завесу смирения, покрывающую их внутреннего человека.

И удивительное дело: как вот в житиях святых повествуется, что таких рабов Божиих считали как бы отбросами общества, не обращали на них никакого внимания иногда относились к ним даже презрительно, поносили и обижали их неповинно, так и на сих рабов Божиих, смиренно Богу работающих в наши дни, никто не обращает внимания, считают их как бы едва терпимыми: “Ну – что! Даром хлеб ест! Напрасно келью занимает!” А что он первый является в храм Божий к утрене, становится в отдаленном уголке, выстаивает, никем не замечаемый, все службы Божии, внимая церковному чтению и пению – этого никто не замечает: ведь, на то и монах, чтобы в церковь ходить да Богу молиться! Еще бы он этого не делал!..

Почти тридцать лет прожил я в обители преподобного Сергия и видел таких, и знал их, и любовался именно их смирением. О них даже и сказать много-то нечего: их внешняя жизнь слишком однообразна: все дни, как один, молитва, труд послушания – вот и все. Изредка заметишь, как иной с такою любовью отнесется к скорбящему собрату, с такою нежностью скажет слово вразумления юноше-послушнику, а затем будто и опять уйдет в самого себя, и снова труд и молитва, молитва и труд. А для иного и в церковь-то пойти при его глубокой старости и недугах ее, уже великий труд. Помню стариичка, дедушку Гордия: ползет, бывало, в храм Божий во всякую непогоду в два часа утра и весь день проводит в храме Божием. Отстоит утреню – стоит раннюю литургию у преподобного Никона; затем там же и пригреется на чугунных плитах пола, согреваемых духовою печью, – и отдохнет, а затем стоит – молится за поздней литургией, бредет в трапезу, но там не

обедает, а берет с собою хлебца да кувшинчик квасу и идет под монастырскую ограду, к своей коечке (там была для таких старичков богадельня). Отдохнет, а к вечерне уже опять в церкви, от вечерни пройдет к Зосиме и Савватию – ко всенощной, а там спешит к великомученице Варваре на правило. И снова к своей коечке на покой. Так текла его труженическая жизнь в последние лет десять-пятнадцать в нашей обители. Стала шести лет отошел он ко Господу, только за три-четыре дня прекратив хождение к службам Божиим. Помнил он и 1812-й год, но не любил пускаться в воспоминания: все молитвою Иисусовой занимался. И она так действовала в его чистом детском сердце, что даже во сне он двигал устами, повторяя ее. Об его умиленном состоянии свидетельствовали его детские, светлые очи, всегда орошенные слезами.

Вот еще старец-простец, отец Маркелл страннопитатель.

Вся его жизнь была воплощением заповеди о труде и смирении, о любви и молитве в простоте сердца. Грамоты он не знал, а между тем был один из тех рабов Божиих, которые часто представляют истинную закваску евангельской притчи в той среде, в какой живут: незаметно, но неотразимо они своим личным примером воздействуют на окружающих и, сами того не подозревая, делают великое дело; они воспитывают этих, постоянно с ними соприкасающихся людей для Царствия Божия. Много лет трудился он в обители преподобного Сергия и все на одном послушании – в странноприимной палате. Каждый день можно было видеть его в Троицком соборе Лавры у заутрени, а еще раньше за тихим братским молебном, который ежедневно совершается о здравии братии и благотворителей у гроба чудотворца Сергия: около шестопсалмия он зажигает свой фонарик из лампады от мощей Преподобного и идет в монастырскую кухню, чтобы от этого огня затопить печь для приготовления пищи, и целый день с утра до ночи проводит в труде, всеми силами стараясь успокоить странников, которых он так ласково-приветливо величал “рабами Божиими”, “дорогими гостями преподобного Сергия”. Начальство монастырское было спокойно за это столь важное послушание: отец Маркелл

всякого сумеет приласкать, всякого накормит и успокоит. И так изо дня в день, в продолжение лет тридцати, в молитве и трудах, в трудах и молитве прошла вся жизнь отца Маркелла. Беззаветный послушник, безответный труженик по мере сил, он на своем немаловажном послушании делал свое дело так, как дай Бог делать всякому, кто к чему приставлен. В страннюю посылают обычно новоначальных для послушания: для таких отец Маркелл был добрым старцем-руководителем, хотя никто его в этом смысле старцем и не называл. Кто проходил послушание в странней, тот с любовью вспоминает его доброе, благодушное обхождение, но вспоминает и то, что он много воли не давал своим послушникам: умел и смирить, и вразумить. Отца Маркелла знали многие, и странники и шли к нему, как к родному. В продолжение нескольких лет я каждый праздник сам раздавал свои "Троицкие листки" в странней и всегда любовался этим простецом – радушным гостеприимцем, истинным учеником преподобного Сергия. Смотря на него, невольно думалось: вот бы побольше таких иноков в наших обителях: как бы хорошо жилось в монастыре! Что до того, что отец Маркелл был неграмотный мужичок? Он послужил преподобному Сергию побольше многих-многих из нас, грамотеев. На таких иноках воочию мы видим ту истину, что не ученье, не так называемое образование воспитывают в человеке образ Божий, а простота и незлобие, смирение и чистота сердца делают истинным мудрецом. И такие-то мудрецы не от мира сего сколько света и добра разливают вокруг себя! Такие иноки живо напоминают нам тех простецов, что собирались когда-то к преподобному Сергию в его смиренную пустыню и подвизались с ним в посте и молитве, в трудах и смирении. Отрадно бывает и помолиться за такого покойника: сердце верует, что преподобный Сергий упокоит в небесной своей обители того, кто в простоте сердца смиленно потрудился в его земной обители, потрудился особенно в исполнении его святого завета, начертанного в хартии на древних его иконах: страннолюбия не забывайте. И как отрадно было бы, если бы о таких рабах Божиих по смерти их не молчали: авось их пример заставит задуматься иного и многоученого грамотея над истинным

смыслом жизни христианской, над тем, для чего мы живем на этом свете и что нужно нам припасти на тот свет?.. Кто знает? Может быть, иному читателю и придет благая мысль: ведь вот такие-то простецы и войдут впереди меня в Царство Небесное. Им дано немного, но они сумели малое приумножить при помощи благодати Божией, а мне дано больше – с меня больше и взыщется. И смирятся гордая мысль, и легче вздохнет грешная душа.

Отец Маркелл скончался 2 февраля 1898 года.

Не забуду я и монаха Григория, который несколько лет лежал без ног в старой богадельне, которая была под оградой Лавры. Когда-то проходил он послушание в Троицком соборе при записи в синодик и продавал книги. Когда его ноги отказались ему служить, ему пришлось лежать все время в постели; не часто перевязывали ему раны на ногах, и он терпел свою болезнь так благодушно, что, бывало, идешь к нему не для того, чтобы его утешить, а чтобы себе от него получить утешение: такой он был всегда жизнерадостный! Часто посещал его покойный отец Варнава, гефсиманский старец.

Встает предо мною милый “старчик” отец Иоиль, заштатный игумен. В его молодости повторилась, говорят, история Павла Препростого: застав свою молодую жену в грехе с приятелем, он, недолго думая, сбежал на Афон, постригся там, а впоследствии, по приглашению знаменитого Иннокентия Херсонского, был настоятелем в одном из восстановленных им монастырей в Крыму. Помню, как он пришел в больницу последний раз, пред смертью своей.

Ну вот, – говорит, – и на мою капусту мороз пришел: покажите койку – умирать пришел!.. – Пособоровался, причастился Святых Таин и через несколько дней Богу душу отдал. Его духовные дети свидетельствовали потом, что он всю жизнь со дня пострижения носил власяницу и сохранил себя в совершенной чистоте, ни разу не испытав и во сне так называемого искушения.

Рассказывают, что с ним было одно поразительное событие: раз одно высокопоставленное властное лицо так на него разгневалось, что вышло из себя, бранило его, топало ногами.

Вдруг отец Иоиль падает в обморок. Полагали, что старец перепугался от гнева начальника, а в самом деле было так, как поведал о сем сам он в назидание своим духовным деткам: он внезапно увидел позади того властного лица ангела Божия с огненным мечом и от страха упал. А то лицо на другой же день скончалось внезапно.

II

А вот передо мною небольшая рукописная тетрадка, особенно поучительная для нашего грешного времени. Надписана она в старинном, так сказать, стиле: “Блаженная кончина 86-летяго старца Божия, повара великия Лавры Сергиевы, схимонаха Исаака”.

Хорошо я знал этого старца; почти тридцать лет жили мы так близко, почти в одном корпусе: он внизу, я вверху. И ничего подвижнического я в нем не замечал. Так себе: простой, добрый, не без некоей немощи, но не помню я, что бы он когда-нибудь кого-нибудь осудил. Но вот пришла старость, и в нем как-то незаметно произошла перемена: он стал вдумчивее, внимательнее к себе... Но едва ли кто из собратий мог предполагать, что пошлет ему Господь такую кончину, какую описывает упомянутая тетрадка. Вот ее содержание:

“Месяца за два до смерти старец, по крайней слабости ног, перестал ходить в церковь. А до сего времени был великий любитель служб церковных. Удивительно было, что в таком преклонном возрасте он нимало не ослабел ни памятью, ни умом. Наизусть читал он молитвы, псалмы, ирмосы. Больше всего любил он повторять слова: “Господи! Ты премудростью Твою создал меня от чрева матери моей. Господи! Ты вся веси: прошедшее мое, настоящее и будущее, и в книзе Твоей еще и несодеянное мною написана Тебе суть. Тебе известны, Господи, все мои грехи: прости меня!..”

И когда он читал молитвы, то часто ограждал уста свои крестным знамением: “А то, – говорил он, – враг не дает выговаривать”.

Святых Христовых Таин причащался часто, а за последнее время чуть не каждый день. Пищи принимал самую малость, в последние дни – из рук служителя. Недели за две до своей

кончины он находился в каком-то удивительном настроении духа – настроении покаяния и непрестанной молитвы. Дней за пять до кончины он пришел в какое-то восхищение ума, пребывал в каком-то созерцании, с кем-то беседовал, к кому-то простирая руки. В день своего ангела, 28 января, призывал преподобного Исаака Сирина и просил навестить его.

За три дня до кончины, в два часа ночи, подзывает он к себе служащего ему монаха Даниила, и говорит:

Не знаю, отец Даниил, воображение ли мое представило мне от болезни, или то было истинное видение: сейчас я в раю был.

Хорошо там, батюшка? – спросил Даниил.

О, несказанно хорошо! – ответил старец.

А ты будешь в раю? – спросил в простоте о. Даниил.

Это еще неизвестно, – сказал старец, – определения еще не было, я ведь еще жив.

Чрез час опять подзывает отец Даниила и говорит:

Отец Даниил, сейчас я в аду был и видел все мучения.

Что, батюшка: страшно там?

О, ужасно, – сказал старец. Потом взял себя за волосы и говорит:

Там вот так-то рвут на себе волосы и все стонут. Прошел еще час и снова подзывает старец Даниила и говорит:

Господа Саваофа видел. Еще через час опять говорит:

На страшном суде Божием был.

Что же, батюшка: какое определение о тебе?

Это будет по смерти, – сказал старец, – ведь я еще не умер. Потом говорит:

Все эти видения, отец Даниил, от Бога ли были или от болезненного состояния – Бог весть, а я не знаю. И хочешь – говори о них, по смерти моей, кому, хочешь – не говори – дело твое.

После этого старец находился в каком-то тревожном состоянии, крепко молился, простирая руки и призывал своего ангела по монашеству: “Преподобне отче Исаакие, что же ты оставил меня в такой страшный час? Приди ко мне, посети меня, утешь меня!”

Утром уже подозвал старец отец Даниила и говорит:
Что же мне делать? Я очень грешен!
Ничего, батюшка, – успокаивал его отец Даниил – Господь
милосерд.

Я знаю, что Он милосерд, – сказал со стенанием старец, –
да там-то Он будет правосуден, будет судить каждого по делам
его.

Отец Даниил стал напоминать ему слова священного
Писания: “Господь чрез пророка сказал: хотением не хочу
смерти грешника, но еже обратитися и живу быти ему. Господь и
на землю пришел – не праведники, а грешники спасти. А святой
Апостол Павел про себя говорит: от нихже первый есмь аз”.

Потом старец сказал:

Отец Даниил, я очень грешен, и грехи меня смущают;
бывал я и на исповеди, но всего высказать никак не мог: то
время не позволяет, то духовника бы не смутить и не
задержать, то боишься, как бы наружу не вышло: так все и
утаивал. Теперь слушай ты, и я буду исповедовать тебе. В
Святом Писании сказано: исповедайте друг другу согрешения.

И начал старец исповедовать грехи свои от семилетнего
возраста, перебрал всю свою жизнь, говорил целый час, а отец
Даниил все время стоял и слушал.

Потом видит старец, что отец Даниил за эту ночь утомился,
отпустил его, и сам успокоился. Ночь провел спокойно,
молился, воздевал руки и часто повторял: “Это все опреде-
ление Божие”. Раз отец Даниил спросил:

Батюшка, для чего ты поднимаешь руки? – Старец ответил:
В это время я воображаю, что предстою суду Божию.

В ночь пред кончиной, в 2 часа, призывает он наскоро о.
Даниила и говорит:

Что мне делать? Я умираю. Кому мне молиться? Видимо,
старец был в искушении от духа уныния.

Молись Божией Матери, – отвечал ему отец Даниил: – Она
наша Заступница и в час смертный скорая Помощница.

Да как молиться-то?

Просто, призываи только Ея имя: “Матерь Божия, Матерь
Божия, Матерь Божия!”

Потом старец был на каком-то невидимом истязании и прении: он говорил вслух:

“Лжешь ты: простит! Знаю, что я грешен, но Сын Божий пролил кровь Свою Божественную за мои грехи”.

И опять скажет: “Лжешь ты: простит!”

Как будто диавол приводил его в отчаяние. Это прение продолжалось долго. Потом отец Исаак возымел какое-то дерзновение на диавола и, читая молитву Да воскреснет Бог, когда доходил до слов: тако да погибнут беси от лица любящих Бога и знаменующихся крестным знамением... силою во ад Сшедшего и Поправшаго силу диаволю, произносил эти слова с таким дерзновением, что даже плевал в левую сторону, как будто на самих бесов; потом ограждал крестным знамением уста, глаза, уши, всего себя и даже стены кельи.

Утром 2-го февраля (1911 г.), в последний день своей жизни, в 6 часов лежал с простертymi руками минут 20 и дышал отрадно. По его желанию, отец Даниил подал ему три ложечки святой воды с антидором.

Во время поздней литургии старец подозвал отца Даниила и говорит:

Видишь: сам князь тьмы со всем полчищем обступили меня, пасти разинули, готовы пожрать меня, но я их не боюсь: Иисус Христос, Сын Божий пострадал за меня, умер и воскрес, и сидит одесную Отца.

И опять повторил свое любимое слово: “Это все определение Божие”.

После сего язык у него притупился и нельзя было разобрать слова. В 3 часа дня попросил еще святой воды три ложечки. В 5 часов вечера отец Даниил подошел к его постели, а он дает знак, что желает причаститься св. Христовых Таин. Отец Нифонт, смотритель, он же и духовник, спасибо ему, сейчас же начал приготовляться. В половине 6-го причастили, хорошо проглотил и запил, и больше уже ничего не говорил.

Тут пришел и я, описавший сию кончину иеромонах Порфирий. Случилось так: сменился я от гроба преподобного Сергия, пришел в келью, и что-то понудило меня идти к отцу

Исааку. Прихожу, а отец Даниил и говорит мне: “Сам Бог тебя прислал, смотри-ка, старец-то умирает”.

Смотрю – лежит он недвижимо, тихо дышит, глаза хоть и открыты, но потемнели. Хотел было я прочитать отходную, но требника тут не нашлось, да и подумал: вероятно, уже читали ему не один раз. Взял я икону, которою некогда благословил его наместник Лавры архимандрит Антоний при его пострижении и осенял ею умирающего, а он стал дышать тише и реже, а потом и совсем перестал, отдав душу в руки ангельские и дух свой Богу, от Него же и принял его. Правый глаз он сам закрыл, а левый закрыл ему я, на вечную мне память.

Удивила нас дивная, святоотеческая кончина сего старца потому именно, что все мы знали его жизнь, знали его слабую сторону, и вдруг – кончина праведническая показала нам, что под этою “чумикой” крылась глубокая духовная мудрость, внутренняя молитва, крепкая вера и горячая любовь ко Господу. В последние дни жизни он мог даже чистым умом богословствовать, созерцать тайну Пресвятой Троицы и постигать Божию премудрость в делах Божеских и человеческих. Однажды остановился он вниманием на словах Священного Писания: Премудрость созда себе дом и утверди столпов седмь. После глубокого размышления, он спросил меня.

Ты понимаешь ли, что такое седмь столпов?

Я говорю: семь столпов есть семь тайнств церковных и семь вселенских соборов, которыми стоит и утверждается православная вера.

Старец остался доволен ответом, потом всплеснул руками и опять сказал:

Премудрость созда себе дом и утверди столпов седмь!..

И эти слова произносил он в каком-то самоуглублении и с какою-то особеною любовью ко Господу. Видно было, что он понимал всю сущность в этих словах.

Спрашивал я иногда старцев общим вопросом: что бы это значило, какая святость открылась у отца Исаака перед смертью? Некоторые говорили, что покаяние все может сделать, а отец Исаак, действительно, в последнее время, день и ночь находился в покаянии. Другие говорили: стало быть, были

у отца Исаака добрые задатки в душе: ведь он полагал начало в Оптиной пустыни. Для спасения всего нужнее смиление. А он был очень смирен сердцем.

В житиях святых читаем, как преподобный Агафон, подвизавшийся в Египетском скиту, пред смертию своею три дня лежал с открытыми глазами, предстоя душою пред судилищем Христовым. Нечто подобное повторилось и с нашим отцом Исааком. Иисус Христос вчера и днес, Тойже и во веки. Аминь.

Скончался старец в Сретение Господне в 7 часов вечера.

Воистину – ныне отпущаёши раба Твоего, Владыко, с миром!..

Так кончается тетрадка.

Не правда ли: когда читаешь подобные сказания, то кажется, будто переносишься в иной мир, во времена давно минувшие? А между тем – это самая современная действительность. Отец Исаак скончался в прошлом 1911 году. Значит, еще не погасли искорки той таинственной жизни, какою жива была наша старая Русь. А если так, то нельзя терять надежды на то, что и для современной Руси возможно спасение.

Вопрос только в том: в чем это спасение?

123. Дело миссии – дело пастырей

Мое обращение к пастырям Вологодской епархии
(Вместо резолюции на журнале съезда духовенства)

Четыре месяца лежал предо мною журнал съезда духовенства о мерах борьбы с сектантством; не раз я перечитывал его. И каждый раз так мне становилось грустно, что перо выпадало из рук, и я отлагал резолюцию до завтра. Казалось бы, написать одно слово: “утверждается”, и конец. Но совесть архиеря говорила: это значит – только формально очистить бумагу и забыть живое дело. Мне больно было читать эти строки: “Священники, при своих многосложных обязанностях не имея времени и возможности отдавать себя миссионерской деятельности, как например, епархиальный и окружной миссионеры, должны иметь при себе достаточно подготовленных и деятельных помощников”.

Вдуматься только: “Священники не имеют времени и возможности отдавать себя миссионерской деятельности”. Да разве идет речь об обращении язычников, к их стаду не принадлежащих? Ведь по духу Христова учения пастыри должны и сих овец вводить во двор Христов, но речь идет об овцах их же стада, о бывших их же прихожанах, о борьбе с расколом и сектами в пределах их же приходов! Волки врываются в их стадо, а пастыри говорят: “Не имеем времени и возможности отдавать себя миссионерской деятельности”, то есть, не имеем времени вступать в борьбу с этими волками, отбивать у них похищенных и похищаемых ими словесных овец нашего стада! Простите мне, отцы и братия: в моей совести, при чтении сих строк прозвучали слова Господа нашего Иисуса Христа: а наемник бежит, яко наемник есть и нерадит о овцах. Правда, вы еще не бежите с приходов: но вы уклоняетесь от прямой обязанности вашей – не только оберегать овец от волков, не только с ревностью апостольских преемников обличать этих волков, но и душу свою полагать за овец: пастырь добрый душу свою полагает за овцы! Слава Богу: мы живем не в языческой стране: нам как служителям Христовым

не грозит еще опасность для жизни, много-много, если иной отступник от веры станет поносить нас или причинит какой-либо вред нашему имуществу. Но мне думается, что и сего вы не боитесь: вы уклоняетесь от труда “самостоятельно изучить сектантство” по рекомендованным вам пособиям; вы боитесь непривычки вступать в открытое состязание с этими “волками” – сектантами; вы сознаете свою неподготовленность к таким состязаниям; вам хотелось бы – что грех таить? – как-нибудь сложить тяготу борьбы с сектами на других – на миссионеров, на их помощников, впрочем, таких же священников, как вы – приходских, которые так же (кроме двух епархиальных) обременены “многосложными обязанностями” и так же, если бы не их добрая воля, могли бы, если бы, подобно вам, пожелали, сложить с себя нелегкое бремя миссионерства. Нет, не так, отцы и братия! Священник и есть первый миссионер в своем приходе; хочет ли он, или не хочет, но он должен – слышите? – обязан долгом, самым служением своим зорко следить за появлением в среде его паствы всякой пропаганды раскола, сектантства, политического распутства, безбожия и всяческой духовной смуты. Пастырь Церкви должен помнить, что грехи мысли судятся строже, чем грехи воли: вот почему Церковь еретиков от себя отлучает, отсекает, как неисцельно больных, как зараженных духовно-смертоносною язвою, а простых грешников терпит, ожидая их покаяния. Вот почему надо наипаче беречь чад Божиих от заражения ересями, особенно в наше грешное время, когда дана свобода всяким ересям открыто исповедовать свое упование, когда они эту свободу поняли как свободу пропаганды своего лжеучения, а мирская власть еще не установила точно тех рамок, в каких должна действовать свобода. Зло ересей, сектантства и раскола вреднее, душепагубнее пьянства, распутства и других пороков воли, порабощенной греху. Как ни странно это кажется, но вспомните слова Христа Спасителя фарисеям и книжникам, этим представителям тогдашней гордой интеллигенции, изобретателям всех тонкостей талмудистических ересей: аминь глаголю вам, яко мытари и прелюбодее варяют вы – впереди вас войдут в царствие Божие! (Мф. 21:31).

Согласен, что нужно иметь священнику достаточно подготовленных и деятельных помощников в деле миссии. Один в поле не воин. И журнал съезда намечает таких помощников в лице диаконов и даже псаломщиков и некоторых грамотных религиозно настроенных прихожан. Казалось бы, вот и прекрасно; так возьмитесь же за дело, приготвляйте сами себе таких помощников, работайте с ними сами, ведь и самим вам нужно основательно изучить это дело, ведь вам же придется и руководить своими помощниками. Дружными усилиями сей Божьей дружины – Бог даст – и будут рассеяны козни врагов Церкви Божией в пределах ваших приходов. Но вы говорите: “Сию подготовку, как специально миссионерскую, так и общеобразовательную, эти помощники должны получать на особых миссионерских курсах”. Опять как будто все дело хотите вы сложить на плечи миссионеров, как будто сами-то вы так уж ничего и не можете сделать. Но во-первых, ведь для этого пришлось бы, по меньшей мере, в каждом уезде устраивать такие курсы, а у нас ведь только два миссионера на всю епархию; во-вторых, на эти курсы нужны особые средства, а у нас их нет, и съезд не озабочился изыскать их; в-третьих, вы знаете лучше меня состав наших псаломщиков и много ли среди них найдется способных на это великое дело. Пока мы собираемся таким образом организовать миссию по приходам, враг свое дело будет делать.

Опыт говорит, что всякое благое начинание должно начинать тотчас же, как только пришла благая мысль. Не отлагай дела до завтра, если можешь хоть малую часть его сделать сегодня. Бог послал тебе добрую мысль: Он поможет тебе и исполнить ее. Только усердие приложи, только свое произволение Ему покажи. Начало доброе – половина дела. Да оно так и должно быть: ведь не мы делаем добро, а Бог в нас и чрез нас. Раз мы отдали Ему свою волю, свое сердце, раз Он начал в нас и чрез нас действовать – Он же и совершил начатое. Лишь, бы мы не ослабевали в усердии. Держите постоянно в мысли, в сердце, что мы – только работники Христовы и не только работники, но и соработники – сотрудники Его: может ли быть, чтобы Он оставил нас без Своей

благодатной помощи? И мы видим на опыте добрых пастырей, как у них все добре спорится: и средства находятся, и сотрудники являются, и они имеют утешение – и какое сладостное утешение, – видеть плоды трудов своих ради Господа и славы Церкви Его святой! Смотрите на этих полуграмотных сектантов-пропагандистов, этих новомодных народных непризванных учителей, вроде Чурикова: к ним идут тысячи простецов слушать якобы слово Божие – их бредни: ужели у вас, большую частью кончивших курс богословских наук в семинарии, не найдется, что сказать жаждущей душе народной? Ужели так мудрено по готовым уже руководствам изучить лжемудрования еретиков-пашковцев, баптистов, лжеевангеликов и прочих врагов Церкви, где какие появляются, чтобы отражать их еретические мудрования и глумления над святою Церковью? Журнал съезда говорит: “ То обстоятельство, что сектантские проповедники получают самую тщательную подготовку в заграничных семинариях, университетах и прекрасное содержание и располагают (в подлиннике: располагая) притом громадными средствами на организацию своей миссии, налагает и на православную миссию те же задачи”. Не совсем ясно изложена мысль, но, конечно, отцы съезда хотели сказать, что у сектантов есть и подготовка, и громадные средства для борьбы с Церковью, а у нас ничего или почти ничего нет. Это правда, к великому нашему сожалению и стыду. Но грешно нам забывать, что не с ними, а с нами Господь, что не у них, а у нас святая истина, что при помощи Господа, Который Сам есть воплощенная Истина, истина нашего Православия всемогуща, и если бы мы, се немощные служители, отдали ей все наше сердце, если бы мы сами и в личной нашей жизни всегда ходили во истине, то наша истина была бы и всепобеждающа, и пред нею давно склонились бы многие враги ее, более или менее искренно заблуждающиеся. Помните дивное, ободряющее немощь нашу слово Христово: сила Моя в немощи совершается. Носите в своем сердце крепкую веру, что в жизни каждого православного верующего сына Церкви, а тем паче в жизни пастыря Церкви, иерея Божия, облеченного на свое служение особою благодатью

рукоположения апостольского, руководителем нашей жизнедеятельности является Сам Глава Церкви – Господь наш Иисус Христос. И если мы всецело, с смиренною молитвою самопредания в волю Его, ищем внимательно познания сей святой воли Его, то Он и будет уже Сам творить волю Свою в нас: Он и обстоятельства будет благоприятно располагать для дела Своего, Он и сотрудников – иногда для нас самих неожиданно пошлет, и пути укажет и подскажет. Надо же больше верить Христову о нас промышлению, чем своему собственному смышлению. Скажите: как стяжать такую крепкую веру? Молитесь с Апостолом Петром: “Господи! Приложи нам веру!” Вера стяжается исполнением заповедей Господних, понуждением себя к сему подвигу добруму, в смиренном сознании своей немощи. Бог увидит нищету нашу духовную и сжалится над нами. Жалуйтесь Ему на самих себя, бегите от самооправдания, будьте к себе беспощадны, и тогда Бог пощадит вас. У Него – кто себя больше обвиняет, тот и более достоин оправдания пред судом Его нелицеприятным.

В страшное время живем мы, отцы и братия! Тучи гнева Божия висят над нами. Прошло то время, когда еще можно было, еще терпимо было быть пастырем – требоисполнителем: ныне долг властно требует от нас – быть и миссионером, и подвижником в личной жизни, и неумолчным проповедником истины Божией во спасение душ человеческих. Кто может – грех ему молчать! Кто не умеет – учись благовествовать! Горе нам – неблаговествующим! Горе, если хоть едину овцу похитит волк из нашей пасти, Богом нам врученной!.. А сколько уже таких овец погибло на Руси от недостатка ревности в пастырях! И взыщет их Господь от рук таких нерадивых пастырей.

Я не отрицаю пользы курсов миссионерских, я желаю только, чтобы пастыри прониклись убеждением, что одни курсы без ревностного участия самих пастырей в деле борьбы с сектантством и расколом, будут почти бесполезны, и ревностная деятельность самого пастыря и без курсов может сделать многое, при помощи благодати Христовой, облекающей пастыря силою и духом ревности апостольской, которую, яко дар Божий, нам заповедано непрестанно возгревать. Душою

приходской миссии должен быть непременно пастырь, яко преемник апостольского служения и носитель Божией всепобеждающей благодати.

124. Гнев киселевского органа

В то время как открытые враги Церкви Божией, иудеи и их прислужники, наши безбожники всех рангов, в своих печатных органах открыто издеваются над нами, служителями Церкви, всячески стараясь подорвать в лице нашем авторитет самой Церкви, – другие, более опасные враги ее, закутываясь в тогу ее ревнителей и благочестия блюстителей, делают то же самое в своих органах, выставляющих на своем знамени православие. Я уже говорил в своих дневниках о “Грозе”, открытом органе “иоаннитов”, ныне разжалованных в “хлыстов киселевского толка”. Теперь приходится говорить о другом их органе, о коем лишь вскользь я упомянул в своей заметке “Нашим читателям” в № 113 “Троицкого Слова”. Это – “Свет истины”, издаваемый неким И. Алексеевым. Я счел долгом предостеречь своих читателей от подписки на это издание как явно сектантское. Моя заметка вызвала столь неприличную, можно сказать прямо – площадную брань, что я вынужден был в “Колоколе” напечатать следующее открытое письмо г. Алексееву, издателю этого якобы “Света истины”.

Милостивый государь, Илья Алексеевич!

В номерах 16–17 издаваемого вами “Света истины” вы напечатали открытое мне письмо, вызванное моею заметкою в “Троицком Слове” о вашем издании. Очевидно, эта заметка нарушила ваше “наслаждение духовным самочувствием”, которое вы переживали после причащения святых Таин Христовых, но которое, по законам духовной жизни, должно было помочь вам более благодушно перенести то искушение, какое явилось при чтении моей заметки. Однако же сего не случилось, и вы написали, между прочим, следующие строки:

“Какой-то негодяй, подписавшись вашим архипастырским именем, осмелился назвать мое возлюбленное детище “Свет истины” сектантским журналом, якобы издаваемым “киселевцами”, прилагающими к нему (и паки реку “якобы”) специальный орган “иоаннитов” – “Кронштадтский Маяк”, а

меня, единоличного редактора-издателя “Света истины”, – сектантом, еретиком и даже безбожником”.

“Опес, безсмысленолающий! Знай, что отец твой – диавол, ибо ты – лжец, иль, может быть, ты сатана, преобразившийся в ангела светла. Я тебя все равно не боюсь, но Богом живым заклинаю ответствуй – кто ты?”.

Хотя вы и заявляете, что не боитесь подписавшегося под заметкой, однако в ваших строках слышится тревога: как бы православные не услышали голос пастыря Церкви и не отвернулись от вас: вам очень бы хотелось, чтобы я отрекся от своей заметки, но напрасно вы, подражая Каиафе, прибегаете к заклинанию именем Бога Живого и тем нарушаете великую заповедь Божию: не приемли имени Господа Бога твоего всуе. Вы прекрасно знаете, кто писал заметку: вы измышляете “негодяя” лишь для того, чтобы безнаказанно назвать этим и другими неподобными ругательными словами православного епископа; на ваш грозный, но в сущности трусливый вопрос: “Кто ты?” – ясно отвечает моя подпись под заметкой: это – я, Никон, Божией милостью, епископ Вологодский и Тотемский, и не кто другой, и все ругательные эпитеты, рассыпанные вами в открытом письме – это после причащения-то святых Таин! – относятся ни к кому иному, как ко мне, подписавшему заметку, ко мне, аще и недостойному, но все же епископу Православной Церкви. Ваши эпитеты такого свойства, что им не подобало бы исходить из уст и из сердца православного христианина, притом – только что приявшего святые Таинсы. Вы даже и прямо клевещете на меня своим читателям, будто я допускаю в своей заметке “площадную брань”: укажите, в чем вы изволили ее усмотреть? Не обретается ли она в вашем “открытом письме”, как это видно из приведенной выше выписки из него? Ни еретиком, ни безбожником я вас лично не называл; вольно же было вам принимать на свой счет мои слова: “не входим на сей раз в суждение: на что и кому понадобилось разрешать вся кому сектанту, всякому еретику и даже безбожнику печатать все, что он захочет, и духовно развращать в простоте верующих”. Ведь вы считаете себя православным, зачем же принимаете эти слова на свой счет? Я имел в виду явно еретическую “Вифезду”

и другие издания, а вы в моих словах узнали себя, забыв, что в одном Петербурге издается одиннадцать журналов еретиками, а сколько скрытыми безбожниками – и не сочтешь. Правда, я называл и называю ваш журнал сектантским, ибо вы защищаете хлыстов киселевского толка. И знайте, что наш пастырский долг властно повелевает нам, архипастырям, предупреждать православных от выписки сомнительных в смысле православия изданий, – слышите – долг, а не какая-то конкуренция: где уж нам “конкурировать” с киселевцами, у коих имеется до 5 000 бесплатных книгонош, несчастных людей, ослепленных руководителями секты и работающих с ревностью, достойною лучшего дела! Ваше издание принадлежит к числу таких сомнительных, ибо Святейший Синод не признал возможным удовлетворить ваше прошение о снятии его неодобрения с “Кр. Маяка”, приложенного вами к своему “Свету Истины”. И я не престану исполнять мой долг, как бы вы меня ни величали: “негодяем”, “лающим псом”, “диаволом”, “сатаною” и под. Пусть православные знают, что под заголовком “Свет истины”, наряду с выписками из святых отцов и писаний отца Иоанна Кронштадтского, распространяется мрак лжи и клеветы на православных архипастырей и возвеличение угодных киселевцам лиц вымыслами, оскорбляющими память отца Иоанна.

Весьма сомневаюсь, чтобы “многие” святители поддерживали ваш журнал не только нравственно, но и материально, – это клевета на святителей, чтобы ввести в заблуждение читателей лже-“Света” вашего: в начале издания могло случиться, что кто-либо из нас, архиереев, обманутый названием журнала, выписал его на свое имя. Ведь и моя редакция имела неосторожность по сей же причине дать место вашему объявлению. Посему напрасно и пытаетесь вы опереться на авторитет святителей: они вас не поддержат.

А вот в заключение я позволю себе предложить вам – конечно, без заклинания именем Божиим – один только вопрос: если вы ничего общего не имеете с хлыстами киселевского толка, то приемлете ли с сыновнею покорностью распоряжение Высшей Церковной Власти о том, чтобы не совершались

никакие моления на могиле Матроны Киселевой, которую упомянутые хлысты называют “Порфирией”, великой праведницей и даже “богородицей?” За кого вы почитаете эту женщину, ставшую предметом культа для хлыстов, по ее имени называемых ныне? Всякий уклончивый ответ с вашей стороны будет мною принят за признак, что вы – киселевец.

125. Отклики на выходку г. Алексеева

Почтенная редакция “Колокола” не удовольствовалась помещением моего письма: возмущенная выходкой Алексеева, она горячо высказалась и со своей стороны.

“Помните ли, как мучители преклоняя колена пред Божественным Страдальцем, говорили: “Радуйся, Царь Иудейский”, и при этом били Его, заушили и плевали в Лице Его.

И ныне также поступают дети тьмы: заушая и заплевывая Христа и Его Церковь Святую, они с той же злобною насмешкой восклицают: “Радуйся, Царь Иудейский”.

И сугубо ненавидят строителей Таин Божиих – святителей Церкви, ибо они есть стражи Церкви, Хранители истины и носители священной хиротонии, низводящей на совершаемые ими таинства благодать Святого Духа, дающую оживляющую и спасающую силу.

И вот, развернув иоаннитский орган “Свет Истины”, мы видим... видим, как у нас, у нас, на Святой Руси, заушают, заплевывают хиротонисанного, имущего апостольское преемство святителя нашей православной святой Христовой Церкви, вопиют и при сем: “Радуйся!”

Вы не поверите, православные русские люди? Не поверите, но увы, это истина, это печальная, позорная для нас истина. Мы не можем, мы не смеем замолчать, утаить от той православной Руси, которая чутко прислушивается к звону нашего “Колокола”, каким оскорблением, каким поношениям, оплеваниям подвергаются те святители православной Церкви, которые “право правя слово истины”, стоят на недреманной страже своей паствы.

Итак, слушайте”.

Далее “Колокол” приводит выдержки из открытого письма ко мне Алексеева и очень характерное, в фарисейском духе, заключение этого письма:

“Преосвященнейший владыко! Как редактор-издатель журнала “Свет Истины”, на обязанности которого лежит

нравственный долг проповедования великих Христовых истин в духе матери нашей, святых православной кафолической Церкви, непрестанно призывающей всех нас к всепрощающей любви, братству и единению я вместе с тем и как истинный глубоко верующий христианин, все нанесенные мне злостные обиды и клеветы, происшедшие из-за очевидной конкуренции, прощаю вам, с любовью во Христе, прощаю вам, допустившему на страницах вашего “Троицкого Слова” площадную брань.

Итак, уступая вашей общечеловеческой слабости, свойственной как земнородному, я все же почитаю ваш святительский сан и прошу ваших святых молитв и благословения”.

О, Боже! – восклицает газета: гнусный защитник иоаннитства, хиротонисанного святителя – совершил Тайн Божиих называет “сатаной”, “негодяем”, “псом”, и, оплевывая и заушая глумится: “прощаю допустившему площадную брань”. “Владыка святой, прошу вашего святительского благословения и молитв”.

Разве это не то же сатанинское глумление, которое заставляло мучителей Христа, бия Его тростью, воскликать: “Радуйся, Царь Иудейский”?

Но как горько, как позорно, что не в языческой Японии, не в мусульманской Турции, а у нас, – у нас, в православной России позорятся, и заушаются, и предаются на глумление архипастыри Церкви Христовой. Неужели уже отъят “меч удерживающего” и враги Христа получили возможность безбоязненно и беспрепятственно отрыгать всю гнусную злобу сердца своего?

В другой статье “Колокол” пишет:

“Вожаки хлыстовства притворяются верующими христианами и даже ревнителями православия, но стоит обличить их, как маска лицемерия спадает, и адским клубком вырывается злоба и освещает всю глубину злобы змеиной души, хотя стремление лицемерить не оставляет и здесь.

С хитростью ехидны хлысты, видя великое уважение народа к кронштадтскому великому молитвеннику, задумали и это чистое народное чувство, и эту любовь к пастырю обратить

в оружие против Церкви Христовой, и хотя сам почивший пастырь неоднократно публично обличал и налагал проклятие на соврашающих его именем народ, хлысты не оставляли своего дела, ибо они именно есть хлысты, и облыжно приняли на себя имя почитателей отца Иоанна, чтобы сделать это чтимое имя приманкой в хлыстовскую западню.

И вот вырастает так называемое “иоаннитство”, которое под лицою преданности православию, стремится оторвать от него верующие души.

Это делается так: под видом ревности о вере православным людям внушается сначала недоверие, а затем вражда к пастырям Церкви, а затем, когда цель эта достигнута, иоаннитские лжеучители становятся полными распорядителями воли и мысли соврашенных, и они слепо идут туда, куда первые их ведут, и слепо делают то, что их заставляют делать.

Обирая доверившихся им людей, иоаннитство собирает громадные средства и потому имеет возможность действовать не только посредством устной пропаганды, но и печатной, заполучив к своим услугам и сочинителей отдельных брошюр, посвятивших себя на службу иоаннитам, и периодические издания, задача которых, с одной стороны, восхваление иоаннитов, а с другой, клевета и поносная брань на всех вступающих в борьбу с распространителями хлыстовской ереси в форме “иоаннитства”.

Наиболее характерный образчик, обрисовывающий вождей и апологетов иоаннитства, представляет приведенное открытое письмо редактора-издателя “Света Истины” Алексеева к епископу Никону Вологодскому.

Преосвященный Никон под овчьею шкурою узрел грядущих волков на расхищение его паствы и, как истинный пастырь добрый, жезлом архипастыря оградил свою паству, обличив, кто скрывается под мнимою одеждкою чтителей отца Иоанна.

Это возбудило к нему страшную злобу, силу которой можно измерить по содержанию письма.

Извергая хульную брань на епископа, гнусно клевеща на него, будто его обличения вызываются даже корыстными целями, ради устранения конкуренции издаваемого Алексеевым

журнала “Троицкому Слову”, Алексеев подчеркивает, что он православный христианин.

Что же делает этот “православный христианин”?

Известно православное учение о значении епископа в Церкви.

Церковь в епископе и епископ в Церкви, – так говорит святой Киприан Карфагенский.

Святой Игнатий Богоносец в послании к филадельфийцам пишет:

“Будете покорны епископу, как заповеди Божией, равно и пресвитеру” (стр. 401).

В послании к филадельфийцам святой Игнатий пишет: “Которые суть Божии и Иисус Христовы, те с епископом” (стр. 411). “Я не знал о том от плоти человеческой, а Дух возвестил мне, говоря так: без епископа ничего не делайте” (стр. 414). В послании к смирнянам святой Игнатий пишет: “Все последуйте епископу, как Иисус Христос Отцу, а пресвiterству, как апостолам. Диаконов же почитайте, как заповедь Божию. Без епископа никто не делай ничего, относящегося до Церкви”.

А “православный христианин” Алексеев говорит епископу, о котором Игнатий Богоносец пишет: “будьте покорны ему, как заповеди Божией”, – “сатана, негодяй, пес”. Правда, он употребляет хитрость, прибавляя “какой-то негодяй, подписавшись вашим архипастырским именем”... и употребляет ругательства, как бы по адресу этого неизвестного. Какая низкая и глупая вместе с тем, хитрость! Кто же может подписаться ложно именем епископа Никона в журнале, редактируемым самим епископом Никоном? Конечно, никакого сомнения у Алексеева, что он осыпает отвратительною бранью именно святителя, быть не могло, но и тут он думает извернуться, обмануть. Вот он, весь иоаннит с его нравственной сутью – в этой уловке.

Но, впрочем, есть в этом письме и другое характерное место. Свидетельствуясь, что он именно “православный христианин” и что издаваемый им “Кронштадтский Маяк” есть православный журнал, Алексеев приводит к тому следующие доказательства: “Кронштадтский Маяк”, – говорит он, – ничего общего ни с какими сектами и ересями не имеет, что было

засвидетельствовано даже светской столичной печатью; свидетельствуется и поныне моими читателями, крайне возмущенными тяготеющим на “Кронштадтском Маяке” осуждением Святейшего Синода, злоумышленно обманутого врагами православия.

В 1910 и 1911 году “Кронштадтский Маяк” редактировался мною под непосредственным руководством и наблюдением истинно православного и глубоко верующего апостола русской печати, – редактора “Ведомостей Спб. Градоначальства” Михаила Григорьевича Кривошлыка, которому, в момент святого причащения, великий праведник отец Иоанн Кронштадтский, богохвально в Царских вратах пред всем народом, пророчески открыл: “Ты печатью возвеличишь Россию!” Вот лучший ответ о направлении журнала “Кронштадтский Маяк”, так как, если не поверить этим словам всемирно чтимого светильника православия, которого Сам Помазанник Божий назвал праведником, то значит перестать верить Господу нашему Иисусу Христу, ибо это было засвидетельствовано пред святою Чашею с пречистым Телом и Кровью Его”.

Итак, “светская печать” (уж не “Биржевка” ли?) и неведомые читатели “Кронштадтского Маяка” более компетентные судьи в вопросах доктрины христианской Церкви, чем Святейший Синод. Таков первый тезис “православия” г-на Алексеева.

Второй тезис: “Кронштадтский Маяк” редактировался под руководством редактора “Ведомостей Спб. Градоначальства” Кривошлыка, а он г. Кривошлык, по авторитетному заявлению самого г-на Алексеева, имеет нечто, вроде божественного посланничества, так как ему отцом Иоанном в торжественной обстановке, при раскрытых Царских вратах и пред святой Чашей изречено, что он, – г-н Кривошлык, “возвеличит Россию”.

Как скромен г. Алексеев, что уступил миссию возвеличения России г. Кривошлыку, а сам удовольствовался второстепенной ролью! Но как бы то ни было, а не поверить в апостольское посланничество г. Кривошлыка, значит, по заявлению г. Алексеева, не поверить Самому Христу. Вот какое откровение изложил нам “православный” редактор “Света Истины”. Но, почтеннейший “православный христианин”, ведь вы изложили

типовое хлыстовское учение: ведь оно в том и состоит, что тот или другой из общества хлыстов объявляется имеющим благодать апостольства или пророчества, или даже воплощенным “христом”, и затем уже всякое слово, всякое учение, исходящее от сего “апостола”, “пророка”, тем паче “христа”, становится непрекаемой истиной, хотя бы оно отвергало совершенно православное учение, исповедуемое христианской Церковью.

Мы не знаем, как сам г. Кривошлык относится к этому возведению себя в чин апостольский, но “православие” редактора “Света Истины” уже достаточно определяется этой, приведенной нами цитатой из “Света Истины”.

“Московские Ведомости” также глубоко возмущены выходкой г. Алексеева. В передовой статье № 117-го, под заглавием: “Неслыханное безобразие”, они говорят:

“Казалось бы, в нашей современности, освобожденной от всякого стыда перед людьми и страха перед Господом, нет уже безобразий еще не сделанных и неслыханных. И однако, нашелся некто Алексеев, превзошедший все доселе в этой области содеянное. Вот что сообщает Колокол (№ 1,831) “.

Приведя по “Колоколу” выдержки из письма Алексеева, газета продолжает:

“Далее следуют уверения в своем якобы православии, о котором, как видно из его поступка, Алексеев не имеет и понятия. Дело, однако, не в том, а в факте совершенного Алексеевым нестерпимого надругательства над епископом Русской Церкви.

Глупая увертка, будто бы он полагает, что в журнале преосвященного Никона кто-то другой, а не сам владыка, подписался его именем – разумеется, составляет лишь способ усугубить оскорблению.

Итак, у нас епископа теперь можно печатно и публично называть “негодяем”. Епископу можно говорить: “О, пес, безмысленно лающий” и т. д. И для такого хитровского безобразия нет у нас кары, для епископа – нет у нас защиты.

В какой же кабак превращает себя Россия, какой Содом с Гоморрой намеревается она затмить?

Можно ли, однако, это допустить? Если совесть и чувство уважения к святыне еще существуют у нас, то мы заявляем, что Алексеев, редактор “Светя Истины”, должен понести за свою дерзость примерное наказание и на будущее время должен быть лишен возможности разворачивать и охулиганивать Россию.

Пусть не говорят, что прямой текст наших уголовных наказаний для оскорбителей не дает места государственному преследованию. Пусть не говорят, что преосвященный Никон имеет возможность преследовать своего оскорбителя только в порядке частного обвинения. Разумеется, преосвященный этого не сделает. Да и незачем ему это делать. Он получил благодать от мученически Распятого Господа, не менее его оплесываемого и заушаемого. Позор оскорблений падает на нас, на всю ту часть России, которая еще не превратилась в стадо хулиганов, и на власть, имеющую обязанность охранять святыню от поругания.

А власть, даже при явной неполноте существующих законов, имеет возможность защитить епископа и наказать бесстыдных ругателей.

Мы полагаем, что только по недостатку прецедентов прокуратура не возбуждает обвинений в этих случаях без всякой частной жалобы. Суд не должен руководиться только буквой закона, а обязан принимать во внимание и самый дух его. Вся же вторая глава действующего Уголовного Уложения преследует разные формы оскорблений святыни, причем, даже за оскорбление материальных предметов почитания – при совершении преступления в произведении печати, виновный наказуется ссылкою на поселение. Но разве же сан епископа не составляет сам по себе святыни, не составляет предмета почитания? Можно ли оправдать бездействие власти только потому, что “украшения на иконах” упомянуты в букве закона, а “сан” епископа не отмечен? Украшения на иконе нельзя безнаказанно похулиганивать и оскорбить, а епископа можно? Дозволительно ли таким способом понимать дух закона об “ограждении веры”?

Мы утверждаем, что прокуратура имеет полную возможность привлечь Алексеева к суду и в случае надобности

довести дело до Правительствующего Сената, которого разъяснение положит, наконец, предел безнаказанному надругательству над епископами.

Но если прокуратура бездействует, почитая себя не вправе охранять священный сан, то отчего же бездействует власть административная, снабженная в Петербурге почти безграничными полномочиями? Почему оскорбление частного пристава не пройдет никому безнаказанно, а оскорбление епископа – может происходить невозбранно? Мы не сторонники административных расправ, но если неясность и неполнота закона не дает способов преследования судебным порядком, то государство должно какими бы то ни было способами, в его распоряжении находящимися, не допустить преступления, совершенно ясно попирающего дух закона, который объявляет оскорбление святыни деянием преступным.

Мы, к несчастью, не можем ничем защитить преосвященного Никона, кроме выражения негодования по поводу грубого оскорбления, жертвою которого стал он. Но мы, от имени, конечно, очень и очень многих, требуем от власти, охраняющей судьбу нашего государства, принятия мер против Алексеева. Если у нас такие преступления против святыни будут происходить безнаказанно, то остается только ждать грозной кары Божией для развращенной страны, до такой степени отрекающейся от уважения к святыне.

Мне нет нужды прибавлять, что, конечно, в суд я не пойду, жаловаться на г. Алексеева не стану. Бывают времена, о коих приходится говорить: чем хуже – тем лучше. Чем больше сектанты будут бранить нас, тем скорее спадет с них сама собою маска лицемерия, тем виднее будет во всей неприглядности их духовный облик, тем скорее от них отшатнутся ослепляемые ими несчастные. Да и мы, откровенно говоря, мы, пастыри Церкви, скорее проснемся от своего усыпления, увидим надвигающуюся на Церковь Божию темную силу вражию. Наконец и власть наша – авось, наконец, увидит великую опасность для покинутого ею – в отношении духовной жизни – народа и примет свои меры. Горько слово сие о власть

имущих, но дело показывает, что в нем много горькой правды. Жаль народ православный!..

Лиши бы Господь потерпел еще и еще грехам нашим. Лиши бы не грянул на нас тот гром небесный, о коем говорят “Московские Ведомости”.

Этот дневник был уже набран, когда получена следующая телеграмма:

“ХАБАРОВСК. Ознакомившись по “Колоколу” с беспримерно дерзким выступлением редактора журнала “Свет Истины”, столь тяжко оскорбившим ваше преосвященство, ревностнейшего стража Православия, мы, участники первых на Дальнем Востоке миссионерских курсов, священники и церковнослужители, в числе 120 человек, двух соседних епархий, Владивостокской и Благовещенской, вместе со своими руководителями, протоиереем Иоанном Восторговым и другими, с благословения и при добром сочувстии присутствующего на курсах высокопреосвященнейшего Владивостокского Евсевия, выражаем и шлем свои искренние благопожелания вам, Владыко, воссыпая усердную молитву ко Господу, да дарует Он вам крепость и впредь ревностно стоять за родное Православие и терпеливо сносить незаслуженные оскорблении со стороны врагов его. Вместе с тем просим вас, Владыко, помолиться о нас и призвать на наши труды Божие благословение.

Протоиерей Восторгов. Слушатели курсов”.

Я немало получил писем от лиц разного общественного положения и звания, выражающих мне сочувствие по поводу выходки г. Алексеева. Приношу всем мою благодарность и прошу: предупреждать своих друзей и знакомых от выписки киселевских изданий, каковы: “Свет Истины”, “Гроза” и подобные. Они способны вливать тонкий яд вражды против Церкви и ее служителей незаметно, под видом ревности о той же Церкви и Православии.

126. Мое прощальное послание к Вологодской пастве

Долго ждал я воли Божией о себе. Постоянные болезни не давали мне возможности служить моей епархии так, как требовала того моя совесть, но я не решился упорно настаивать и на моем увольнении. Наконец, Святейший Синод благосклонно внял моей просьбе, и в 29 день мая Государю Императору было благоугодно утвердить его доклад о назначении меня постоянным членом Святейшего Синода с освобождением от управления епархией. Не без смущения приемлю столь высокое назначение, относя всецело это внимание высшей Власти к тому святому делу, коему я послужил, при помощи Божией в течение 33-х лет – служению Церкви Божией путем печатных моих трудов. Слава Богу за все! Если Господу угодно, чтобы я чем-либо послужил еще святой Церкви Его, то уже буду служить только словом печатным. А со своею Вологдою я уже прощаюсь, и вот мое последнее слово, обращенное к бывшей пастве моей, слово прощальное.

Божией милостью,
смиренный Епископ Никон – возлюбленным о Господе чадам Церкви Вологодской мир и Божие благословение!

Шесть лет прошло, как я, многонемощный, волею Божией был призван служить спасению вашему в сане архиерея. Слава Богу, помогавшему мне в великом служении сем, посылавшему мне добрых сотрудников, подкреплявшему слабые силы и вразумлявшему меня в трудных обстоятельствах моего служения! Но в усилившихся в последнее время немощах моих вижу волю Божию, указующую мне иной путь служения святой Церкви Божией. Епархиальная служба стала мне не по силам. Пусть займет мое место более меня сильный и духом, и телом, и разумом, и опытом духовной жизни. По-человечески говоря – скорблю, что расстаюсь с паствою, которую полюбил от души: немного на Руси еще таких уголков, как епархия Вологодская, в коих еще живо ощущается веяние старой Руси, еще умеют люди православные жить по-православному, строить и украшать

храмы Божии и хранить заветы отеческие. Но ныне время тревожное, время, когда мы, пастыри, должны бодро и неустанно стоять на страже: всюду рыщут волки хищные, еретики и раскольники, политические агитаторы, а я слишком немощен стал, чтобы исполнить мой долг пастырский во всей полноте его требований. И я радуюсь, что на мое место грядет к вам архипастырь, более меня сильный и бодрый: помоги ему Господи восполнить то, чего я не мог или не сумел сделать для Церкви Вологодской!

А теперь, отцы и братия и чада, услышьте мой последний вам архипастырский завет!

Всем сердцем смиренным любите вашу святую матерь-Церковь Православную: нет ее в мире краше, нет любвеобильнее, нет ее смиреннее! Она – невеста Христова прекраснейшая, она – наша любящая мать. Хорошо чадам ее – чадам послушным ей – на лоне ее! Благодать Христова согревает их и просвещает их сердца. И чем проще, чем смиреннее сердце, тем сладостнее ощущение благодати Христовой в душе верующей: смиренным бо, глаголет Господь, дается благодать. Ведайте, возлюбленные, что смиление есть отличительная черта нашего святого православия, и если любовь есть верх совершенства, то смиление есть мать самой любви. Научитесь от Мене, глаголет Господь Иисус Христос, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим.

Все ереси и расколы, все секты и лжеучения происходят от гордыни и дышат гордынею: одно наше родное Православие благоухает смилением.

Пребывайте же в единении с Церковью небесною, с Церковью веков минувших, – в единении веры, мысли и жизни, в общении молитвы, которая есть дыхание любви. В этом

единении, в этом общении с небесною Церковью вы и ощутите всю животворность христоподражательного смиления, а смиление оградит вас от всякого самочиния в вере и жизни по вере, от всякой ереси и ложных мудрований. Само же смиление рождается от исполнения животворящих заповедей Господних, имеющих чудную силу не только смирять наше сердце, но и

животворить в нас самую веру, почему и говорит Апостол Христов: вера без дел мертва есть. Всеми силами души своей понуждайте себя к исполнению Христовых заповедей, внимательно прислушивайтесь к голосу своей совести, в которой говорит нам Ангел Хранитель наш, и тогда вы опытом сердца познаете, какое сокровище нам дал Господь в вере православной, — сердцем ощутите, что такая вера живая, спасающая, и какое благо в общении с Господом через молитву и таинства церковные, наипаче же через святейшее из таинств — Причащение пречистого Тела и Крови Господней. О если бы все люди жили по вере, если бы исполняли заповеди Господни во смирении! Тогда не было бы ни ересей, ни расколов, не было бы никаких смятений на земле!..

Возлюбленные мои! Берегитесь всяких лжеучителей! Много их появилось в последнее время. Прежде, чем они будут говорить вам, вопрошайте их, по заповеди Апостола Иоанна Богослова: исповедуют ли они Господа Иисуса Сыном Божиим единородным, воплотившимся, пострадавшим за нас и плотью Свою восставшим из мертвых? Веруют ли, что грядет Он судить живых и мертвых, что создал Он Церковь Свою и врата адова не одолеют ее, что должно повиноваться сей Церкви Божией, яко Самому Христу? Если станут уклоняться от прямого ответа, то это — верный признак, что они не от Бога. Если позволяют себе дерзновенно судить Церковь Божию, ее учение и уставы, — они не от Бога. Если дерзко поносят Помазанника Божия, Царя Самодержавного, — они не от Бога. Если проповедуют учение, противное заповедям Господним, если подучают на грабежи и поджоги чужого достояния, — они не от Бога. Если речи их, приправленные лестью, дышат злобою против людей неодинакового с ними образа мыслей, — они не от Бога. Ради Бога — берегитесь их, гоните их прочь от себя, как зараженных, бегайте их, как зачумленных! В гордыне своей они не станут слушать вас, если бы стали увещевать их, а своими хульными, кощунственными речами они могут осквернить ваши простые души, смутить ваш, в простоте сердца верующий ум и соблазнить слабых в вере. Святые Апостолы давно пророчествовали о них: прочтите во втором Послании Апостола

Петра главы 2 и 3 и послание Апостола Иуды, брата Господня по плоти: вы увидите там точное изображение всех этих новых лжеучителей, изображение, сделанное почти за две тысячи лет до их появления. По пророчеству Апостола Петра, они “введут пагубные ереси, отвергаясь искупившего их Господа, и многие последуют их разврату, и через них путь истины (христианская вера) будет в поношении. Из любостяжания они будут уловлять вас, – пишет первозванный друг Христов, – льстивыми словами. Злословя то, чего не понимают, они в растлении своем истребятся. Срамники и сквернители, они наслаждаются обманами своими. Глаза у них исполнены любострастия и непрестанного греха, они прельщают неутвержденные души, сердце их приучено к любостяжанию: это – сыны проклятия! Они обещают другим свободу, будучи сами рабами тления, ибо кто кем побежден, тот тому и раб”.

О, как эти слова, это пророчество близко напоминают нам наших социалистов и всех именующих себя “освободителями!” “Горе им, – восклицает другой Апостол – Иуда, горе им, потому что идут путем Каиновым, предаются обольщению мзды, как Валаам, и в упорстве погибают, как Корей! Это – безводные облака, носимые ветром, осенние деревья, дважды умершие, исторгнутые, – свирепые волны, пенящиеся срамотами своими, звезды блуждающие, которым блудится мрак тьмы на веки! Это – ропотники, ничем недовольные, поступающие по своим похотям нечестиво и беззаконно, уста их произносят надутые слова, они оказывают лицеприятие для корысти, это – люди, отделяющие себя от единства веры, душевные, не имеющие духа”. Предостерегая от таковых, Апостол Павел запрещает разделять с ними даже трапезу (1Кор. 5:11), а святой Апостол Иоанн Богослов, сей великий апостол любви, почивавший на персях возлюбившего его паче всех Господа, называет их обольстителями, слугами антихриста и даже антихристами, и не позволяет приветствовать их, ибо “приветствующий такового, – говорит он, – участвует в злых делах его” (1Иоан. 4:1–4; 2Иоан. 7:10–11). С одним из таковых возлюбленный ученик Христов не захотел даже оставаться под одною крышею и бежал из того дома, где встретил еретика. Умоляю вас и я, возлюбленные

мои, берегитесь таковых! Святая Церковь дала вам пастырей, благодатью священства облеченных: их и слушайтесь! Правда, немало среди них немощных, много заботами земными удрученных, но Господь не позволял судить даже книжников и фарисеев, а повелевал слушаться их, пока они возвещали закон Божий: вся елика рекут вам блюсти – соблюдайте и творите, по делам же их не творите! (Мф. 23:3). Тем паче слово это следует соблюдать в отношении к немощным пастырям Церкви Христовой. Идите к ним за святое послушание Церкви-матери, паче же Самому Христу Спасителю, рекшему: слушаяй вас Мене слушает и отметайся вас Мене отмечается (Лк. 10:16). Молите Главу Церкви, Господа нашего Иисуса Христа, да речет Он вам волю Свою чрез тех, кого Он же поставил пасти Церковь Свою, искупленную Его честною кровью. И сие будет делом послушания, и в сем проявится достолюбезное христоподражательное смирение ваше, во исполнение реченного Господом устами Его Апостола: повинуйтесь наставникам вашим и покоряйтесь, ибо они пекутся о душах ваших.

И вам, бывшие сотрудники мои на ниве Господней, служители алтаря Христова, мое слово прощальное: пасите во смирении души, вам вверенные, помните, что за них ответ дадите во Второе страшное пришествие Господа нашего Иисуса Христа. Пасите любовью, кротостью, но без человекоугодничества, кротко, но твердо обличая заблуждающихся, словом любви увещевая согрешающих, плача с грешниками о грехах их – и своих. О, любовь святая! Она может творить чудеса. Если вы со своими семьями в хлебе насущном будете нуждаться, любовь сотворит чудо умножения хлебов Божиим благословением; если восчувствуете свою немощь, она подаст вам приток новых благодатных сил; если разумом оскудеете, по неопытности своей в духовной жизни, она откроет уста ваши и будет говорить за вас во время благопотребное. Помните, что Бог – Сам Бог – любы есть. Христос всеблагостный не оставит в беспомощном состоянии Своих сотрудников – пастырей Его возлюбленной Церкви! Слышите, что глаголет Он: се Аз с вами есмь до скончания

века, амины! Исполняйте же Его святые заветы – заповеди, дабы и других опытом своим научить сему великому деланию, дабы восчувствовать в смиренном сердце своем, что это – Он в вас и через вас исполняет Свои же заповеди. И сие общение с Господом в исполнении Его воли святой укрепит вашу волю в доброделании, оживотворит вашу веру, соделает вас способными всем своим существом ощущать, что вы – живые члены Тела Христова, которое есть Церковь, осветит небесным светом ваш жизненный путь, наполнит ваше сердце радостью, ее же никто же возмет от вас! Но все сие возможно только при частом благоговейном общении с Господом в святейшем Его Таинстве причащения. Се – источник духовной бессмертной жизни! Се – единый истинный источник нашего благобытия!

Да поможет вам Господь в великом и многотрудном служении вашем! Да понесет Он Сам на раменах Своих иго ваше вместе с вами!

Аз же, недостойный, отходя из града Вологды и передавая епархию другому святителю, умоляю любовь вашу: простите мне все мои немощи, все мои пред вами прегрешения, да и Бог милосердный простит вам все, в чем, яко человецы, согрешили предо мною! Всех, кто оскорблял меня, от всей души прощаю; всех священнослужителей, коих запретил я в священнослужении по суду архиерейской совести, властью, от Бога мне данною, разрешаю и всех, всех умоляю: молитесь о немощах моих, да укрепит сия молитва союз любви, для которой нет пределов пространства и времени, которая всех единит во Христе и со Христом, объединяя нас в таинственное тело Христово, еже есть Церковь, невеста Христова непорочная!

Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любы Бога и Отца и причастие Святого Духа буди со всеми вами! Аминь.

127. Тяжелое бремя архиерейского омофора

Великий учитель смирения христоподражательного, святитель Христов Тихон, чудотворец Задонский, когда его спрашивали: что побудило его уйти на покой, кротко отвечал: “Омофор, который носят архиереи на плечах своих, очень тяжел, не мог я носить его, и потому оставил кафедру”. Конечно, не вещественный омофор разумел угодник Божий, а то тяжелое бремя, бремя забот и трудов пастырских, бремя скорбей пастырского сердца и сознание тяжкой ответственности пред Богом за врученную ему паству при немощах его – вот что разумел смиренный святитель Христов.

Прости мне, угодниче Божий, что, оставляя кафедру по многим немощам моим, я невольно вспоминаю твои смиренные слова! Немощен был и ты плотью, но силен духом, и немощи твои – были крестом, возложенным на тебя Богом от самого твоего рождения. А я немощен от себя самого, от грехов моих многих, и мне ли повторять твои словеса?..

Но не о себе хотелось бы сказать, а по поводу того, что пережито мною, что переживают особенно ныне, в тяжкие дни Церкви Божией, все те святители, которые хотят верно идти путем, Христом им указанным!

Были времена лютых гонений на Церковь Христову, когда назвать себя христианином значило приговорить себя почти на верную смерть. Тогда архиереев Божиих преследовали как вождей христианства; их головы были оцениваемы дорогою ценою, и они постоянно должны были готовиться к смерти. Страшно подумать: чтосталось бы с нами, если бы мы, нынешние архиереи, жили в те времена! Быть может, многие из нас давно преклонили бы колена пред Зевсом и Юноною. Но тогда, если бы не замерла в нас совесть, мы проклинали бы свое малодушие, свою измену своему Господу и Спасителю.

Ныне не страхом мук смертных искушает нас дух времени; он подкрадывается к нам с другой стороны. Во имя гуманности, прогресса, свободы совести, всякого рода терпимости он

пытается заставить нас войти в сделку с совестью, в компромисс с требованиями долга, делать уступку за уступкой, якобы не поступаясь в существенном, а потом и существенное подменявшая в нашем нравственном сознании так, что если бы на него взглянули наши предки, пожалуй, и не узнали бы его. И вот, снисхождение к немощам человеческим обратилось у нас в поблажку порокам: грешник еще и не думал каяться, а мы уже предписываем, по исполнении епитимии, разрешить ему то и то. Как будто наверное знаем, что грешник и епитимию примет, и выполнит усердно: как будто епитимия – простая формальность, не требующая нравственного подвига от епитимийца. И приходится, скрепя сердце, закрыв глаза, писать на определения консистории: “утверждается” или “исполнить”. Так велят консисторские уставы и разные циркуляры: сопротивление бесполезно. Нередко сами пастыри не знают точно: да в чем же епитимия? Разве только в том, что епитимиец не может приступить к святым Таинам Христовым? Но и во-первых, ныне и без епитимии многие христиане сами себя лишают сего таинства, а во-вторых, кто знает, чтоб таковый не причастился где-нибудь в монастыре? Ныне многие и за грех не считают такое по существу святотатство. И скорбит душа архиерея, не имеющего возможности лично воздействовать на грешника-епитимийца; ведь у него в епархии миллион-два числится православных, – да тысячи полторы-две священников, а священники не имеют достаточно авторитета у своих пасомых. Да и то надо сказать: большинство епитимийцев – блудники и прелюбодеи: отбив чужую жену, добившись развода с нею мужа, виновный и в качестве епитимийца продолжает с нею прелюбобы творить: страшно подумать, до чего в таких людях исказились все нравственные понятия! Пройдет известный срок (минимальный для прелюбодеев: вместо 7–2 года), подают прошение архиерею, с заверением священника, что виновный “проходил епитимию с усердием, показал искреннее раскаяние”, и архиерей должен разрешить его от епитимии. Проверить показание священника нет возможности, хотя в совести чувствуешь, что исполнена только формальность, в которой духа и не было.

Даже такое святое дело – покаяние грешника обратилось в пустую формальность! Как же не болеть душой епископу?

А если бы решил он испытать произволение грешника, если бы отказал в снятии епитимии, то пусть ждет жалобы в Святейший Синод. Пойдет переписка, неприятности и прочее.

Груды дел судных: жалобы духовенства – один на другого, жалобы прихожан на духовенство, дознания по пустым поводам, следствия, в коих – это чувствуешь – так много бывает нарушения святости присяги: известно, как ныне стали смотреть на это священное дело; бесчисленные дела бракоразводные, в коих архиерею приходится спускаться на самое дно скотоподобной жизни пасомых, читать самые циничные показания свидетелей, нередко закупленных. Сказать только, что после известного решения Святейшего Синода – разрешать вступление в брак виновной стороне после понесения ею епитимии – число бракоразводных дел едва ли не удесятерилось, и станет понятно, как много бремени возложено на епископов, бремени – бесплодного в духовном смысле, крайне тяжелого по самой сущности таких дел. Нужно ли перечислять другие “дела”? Довольно сказать, что по моей, сравнительно небольшой епархии, мне приходилось писать до 7000 резолюций, следовательно, перечитывать столько же бумаг, а не редко целых дел. Увы, для делания в собственном смысле пастырского у епископа немного остается времени. Ведь епископ должен на деле осуществлять преемство апостольского служения: он должен бы пребывать непрестанно в апостольском подвиге: в путешествиях по епархии, посещении не только городов и селений, имеющих храмы Божии, но и захолустных уголков епархии, заброшенных деревушек, всюду неся с собой мир Божий, свет учения евангельского, в духе любви, в простоте сердца, входя во все нужды пасомых, в их скорби, беседуя не только в собраниях верующих, но и по домам, поучая, назидая, предостерегая, ободряя и утешая. Нет нужды для таких путешествий возить с собою большую свиту: довольно секретаря, миссионера и келейника. Где можно, там совершать служения, где нет к тому возможности, там

ограничиваться служением молебнов, но непременно везде проповедовать и сеять слово жизни вечной!

Епископ должен быть всем доступен и дома, но принимать с рассуждением, иначе его возьмут в плен люди, не умеющие ценить архиерейского времени, непонимающие требований архиерейской совести. По понятию таких людей, архиерей на то и создан, чтобы обращаться к нему с просьбами: нарушь закон, обойди закон, нажми на закон и все это – во имя человеколюбия, гуманности, личных интересов того или другого просителя. Это – положительная пытка для архиерея! Он заботиться должен об удовлетворении духовных нужд епархии, а от него требуют удовлетворения вот этих их личных нужд, об облегчении их личной скорби, их семейных нужд. Всегда ли можно совместить то и другое в одном распоряжении? Большею частью, волей-неволей приходится входить в компромисс, делать некоторую уступку таким просьбам в ущерб строгим требованиям архипастырского долга. Просмотрите послужные списки священников: много ли ныне таких, которые служат 30–40 лет на одном и том же месте, не меняя прихода? А это что значит? То, что батюшки не срослись духовно со своим приходом, что для них не больно отрываться от своих детей духовных, ради чего?.. Чтый да разумеет! И не хочу строго судить их за то: ведь это стало повсюдным явлением, причины коего слишком сложны, чтоб сейчас говорить о них. И вот на каждое мало-мало порядочное место десятки прошений о переводе, а на бедных приходах пустуют вакансии священников иногда по году: кандидатов нет! Где их взять? Прихожане умоляют прислать священника, архиерей мучается в совести, а горюю помочь не в силах.

Растут секты, расколы; в народе пробуждается жажда духовного назидания, питомцы наших современных семинарий в большинстве, по-видимому, – просто не способны удовлетворять этой потребности так, как бы следовало. И удивительное дело: полуграмотный сектант увлекает за собою сотни, тысячи, а священник, учившийся все же лет десять, не только не влечет за собою народ, своих пасомых, как бы подобало, но и не умеет, если не сказать – не хочет обличить

этого сектанта. Просто обидно становится за таких! А ведь именно таких священников большинство; именно ревностных пастырей, способных отогнать и отгоняющих волков хищных от своего стада – очень, очень немного!..

Прежде хотя мирская-то власть признавала Православную веру единою истинною, почитала ее основою русской жизни, оберегала от нашествия волков – раскольников и сектантов – православных простецов и не давала им воли. Ныне да простят мне носители сей власти: ныне они будто стыдятся вступиться за малых сих и на мольбы священников – помочь им оградить православных от богохульной, кощунственной пропаганды, от соблазна, оградить, по крайней мере, их, священников, от издевательств сектантов – отвечают молчанием. И мнится: покинули нас власть имущие, предают на поругание врагам Церкви, а эти враги ликуют в своих печатных листах, продолжая издеваться над нами. “Суды суть и анфинасты суть!” – отвечают нам представители власти. Подавайте жалобы, если вас оскорбляют: там разберут дело, а мы, администрация, не можем вас защищать: такого закона нет. “Но, господа администраторы, как же нам быть, когда наша совесть повелевает нам именем Господним подставлять левую щеку врагу, когда он ударит нас в правую? А ныне враги дерзко следуют логике Иулиана-отступника: Христос заповедал Своим последователям так поступать, так их может бить всякий, кому хочется! Православный священник не может ни ответить на брань бранью, на оскорбление оскорблением, не может по совести жаловаться ни на кого, он как бы вне закона: “Бей его, издевайся над ним, сколько хочется, топчи в грязь доброе имя его!.. Если он верен учению Христову, то в суд не пойдет, если пойдет, то мы же его предадим осмеянию в печати так, что вперед ему не повадно будет!.. А суды... да в них ведь сидят такие же, большую частью, “интеллигенты”, как и мы, и попам не будут миролить.”

Много ли способных на такой подвиг мученичества? Имеет ли право – не только христианская, но даже и языческая власть, не упраздняя самого понятия о власти, требовать от нас,

служителей Церкви, такого подвига? Повторяю, подвижники есть и ныне, но смеет ли власть оставлять их беззащитными?..

На днях двух добрых пастырей избили под самым Петербургом новые сектанты – чуриковцы: посмотрим, воздействует ли власть на этих безумцев-фанатиков, чтобы охладить их пыл против пастырей – их же духовных отцов! Дело в том, что исполнение Христовой заповеди лично христианином – одно, а дело власти пресекать зло – другое, но и это – также исполнение заповеди Божией. Пусть и власть носящий – ведь он тоже христианин – лично на себе исполняет ту же заповедь: пусть и он подставляет левую щеку под удар хулигана, когда тот его ударит в правую, но пусть в то же время помнит свой долг: сущие власти от Бога учинени суть... власть не без ума меч носит, Божий бо слуга есть, отмститель в гневе злое творящему. Если это писано о власти языческой, то тем паче приложимо к христианской. Не ее дело толковать Евангелие: ее дело исполнять свой долг по учению Евангелия. Или уж пусть, по отношению к нам, православным, прямо объявит она, что отныне для нее все веры равны, и повторит слова исторического Галлиона анфината: “когда идет спор об учении... разбирайтесь сами!” (Деян. 18:12). Так мог говорить язычник, но христианская власть не может же равнодушно смотреть, как разные сектанты, фанатики, изуверы отторгают православных от Церкви, не давая пастырям никакой возможности возражать им. Истина сильнее неправды, но когда ей насилием закрывают уста, когда криками, издевательством, руганью, угрозами заставляют проповедника истины молчать, то ужели власть православная должна смотреть спокойно на это поругание истины, на это насилие над совестью православно верующих младенцев веры, на это издевательство над пастырями Церкви?..

Душа изболелась при виде всего этого. И все это приходится больше всех переживать своим сердцем нам, архиереям. Ведь к нам простирают умоляющие взоры наши чада о Господе, нас умоляют пастыри приходские: помогите нам! Оградите от изуверов-сектантов, пришлите миссионера, попросите власть мирскую защитить нас от издевательств...

хотя бы ради чести святой Церкви нашей. Но на наши обращения так мало обращается внимания! Как часто приходится узнавать, что низшие органы власти больше озабочены охраной свободы для сектантов, чем охраной православных от пропаганды сектантства.

Миссионеры. Я недавно писал о них. Мои читатели знают, что, по моему убеждению, каждый пастырь должен быть миссионером. Но в наше время так разветвилось сектантство, что и для самих пастырей нужны миссионеры как руководители, как знатоки сектантства. Но увы... где их взять? Ведь это – не прислуга, которую можно найти по публикации! Где у нас институт миссионерский, о коем, помнится, мечтал еще великий миссионер святитель Иннокентий Московский? Есть какие-то захудальные курсы в Казани, устраиваются и по епархиям каждый год курсы... но разве это нужно? Нужен специальный институт или академия миссионеров; нужно нечто подобное, конечно, не по духу, а по цели, латинской *Collegiae de propaganda fide*, нужно учреждение, которое выпускало закаленных бойцов за Православие.

Можно ли надеяться, что мы дождемся этого?

Увы, хотя бы семинарии-то наши поставить так, чтобы из них не бежали в ветеринары, а шли бы в пастыри. И за то бы слава Богу!

Но я никогда не кончил бы, если бы стал перечислять все скорби пастырского сердца, все то тяжелое бремя омофора пастырского, которое нести могут лишь люди сильные не духом только, но и плотью. А я изнемог, я лежу неделями в постели, и в сих болезнях моих вижу волю Божию: передать епархию иному, более меня сильному, его же изберет Господь. И паче меры моей, паче всяких заслуг, коих не было у меня, я взыскан милостью власти церковной, и ухожу с епархии, не лишенный возможности еще послужить Церкви Божией, но уже в меру немощей моих. За все слава Богу! Утверди, Господи, Церковь Твою, юже стяжал еси честною Твоей кровью! Приведи сильных и добрых делателей на ниву Твою на место нас, уходящих и многонемощных!..

128. Небесная Заступница Русской земли

Когда читаешь наши старые летописи, когда вспоминаешь давно минувшие судьбы родной нашей земли, то верующее сердце невольно исполняется благодарным чувством умиления пред теми дивными явлениями покрова и заступления Матери Божией, какие мы видим во всей девятивековой истории нашего Отечества, со дня крещения Руси князем Владимиром и даже до наших дней. Воистину возлюбила Она, Матерь Божия, нашу землю Русскую православную, и нигде в мире нет столько чудотворных икон Ея, как у нас на Руси, их насчитывается до 300 только общеизвестных, а сколько их местно чтится по разным градам и весям обширной Русской земли! Нет, кажется, ни одного отдаленного уголка в России, где не было бы особенно чтимого образа Богоматери; не говорю уже о храмах православных, – нет ни одной православной семьи, в коей не нашлось бы Ея лика пречистого! С детской любовью, в простоте смиренного сердца прибегают к Ней и старые и малые, и богатые и бедные, и простецы и люди, истинною наукой просвещенные, и несут к Ея стопам и скорби, и радости свои, и на всех взирает Она, воистину, с материнскою любовью, всех ласкает благодатным взором Своим, всех утешает, благословляет, всем помогает в их нуждах! И тепло русскому в простоте верующему сердцу под благодатным покровом Ея, и называет оно Матерь Божию самыми трогательными именами: Она – Заступница усердная, Она – грешных Споручница, Она – Скоропослушница, Она – Радость скорбящих, Утоление в печали сущих, Взыскание погибших, Она – благодатная Исцелительница и небесная Домостроительница, Она – града Москвы Вратарница неусыпная, а для всего воинства христолюбивого – Воевода небесная. Ея святые иконы сопутствовали всем нашим благоверным князьям и Царям, и благочестивейшим Императорам во всех их походах на врагов и супостатов Руси Православной. Ея заступлением не раз спасалась Москва, да и другие грады страны Российской от нашествия иноплеменных. И как трогательны летописные ска-

зания о сих делах Божиих, явленных нашим предкам по молитвам Заступницы нашей усердной! Вот одно такое сказание. Настал 1395-й год. Русь стонет под игом злой татарщины. А с Дальнего Востока, из глубин Монголии, надвигается страшная туча. Там, где-то в Синей Орде, появился “некий царь, горее давнего и пуще прежнего лют губитель и разбойник”. И он идет, он надвигается со своими полчищами на Русь. Его имя – Тимур Ленг или Тамерлан; он задумал покорить всю вселенную. Заслышав привычный крик вождя, завидя взмах его кривой сабли, его воины бросались, как тигры, почувавшие кровь. Страшные рассказы о его нечеловеческой свирепости леденили кровь в жилах. На его пути вместо цветущих городов, окруженных роскошными засеянными полями, виноградниками и фруктовыми садами, оставались только развалины да прочные, на цементе, пирамиды из человеческих голов. Граждане одного города, чтобы умилостивить этого зверя, выслали ему навстречу всех своих детей. При виде малюток, одетых в белые одежды и шедших с пальмами в руках и пением священных гимнов, в нем внезапно проснулся губительный демон, и он помчался вперед на своем коне. “За мной!” – крикнул он своей коннице. И несчастные родители с ужасом увидели со стен города, как их дети были растоптаны конскими копытами. И вот такой-то губитель явился в пределах нашего Отечества. Великий князь Василий Дмитриевич, сын Донского героя, собирая войска, готовился к бою. Но что значили ничтожные дружины князя в сравнении с несметными полчищами Тамерлана? Не ждали себе спасения ни князь, ни народ. По всей Русской земле возносились пламенные молитвы: все церкви были открыты с утра до глубокой ночи. Народ проливал слезы, постился, все готовились к смерти.

В это ужасное время вспомнил князь о дивной иконе Богоматери, находившейся во Владимире. То была теперь известная под именем “Владимирской” икона, писанная по преданию святым Евангелистом Лукою. И послал Великий князь за тою иконой, и со слезами и многою скорбию проводили владимирцы великую свою святыню в столный град Москву, где у всех была в то время одна мысль, одно желание увидеть

поскорее пречистый лик Царицы Небесной, Заступницы усердной рода христианского. И весь город вышел навстречу Ей, все от мала до велика. И не было человека, который не плакал бы, и отовсюду слышалось умильное моление: “Не предай же нас, Заступница наша, надежда наша, не предай нас в руки татарам!”. Это было 26 августа того же 1395 года. И вняла Матерь Божия воплям русских людей. В ту же ночь, под 26-е августа, сам грозный “владыка мира”, как величал себя Тамерлан, почивал в великолепной ставке своей, в окрестностях Ельца, среди необозримых полчищ своих. Бессменно, не сморгнув глазом, князья и ханы Азии окружали ставку, охраняя сон грозного повелителя. Но ему нет сна от страшных видений. Видится ему высокая гора, а на ней дивные старцы со златыми жезлами в руках, грозящие ему. Свет ярче солнечных лучей, и в свете том дивная Царица, в багряных ризах, сияющая паче солнца молниезрачными лучами. А в лучезарной небесной выси – бесчисленные воинства, готовые устремиться по первому мановению той Царицы. Но Царица спокойно молится, простирая руки горе. И вдруг, грозно взглянув на него, Тамерлана, Царица повелевает всем тьмочисленным воинствам обрушиться на него. Отчаянный крик раздается в царской ставке. Вбежавшие вельможи находят своего владыку в таком виде, в каком никогда не видали. Неустрашимый в боях, он теперь лежал и стонал в полном изнеможении. Наутро свирепый завоеватель отдает приказ немедленно сниматься и быстро отступать.

Можно ли описать радость наших предков, когда они узнали, что страшный враг сам, никем не гонимый, ушел в степи Азии! Митрополит Киприан, и Великий князь, и народ со слезами восторга возносили благодарные молитвы пред чудотворным образом Богоматери, а на том месте, где встретили святую икону, построили церковь во имя ее сретения, и да не забудут людие дел Божиих. Тогда же было установлено празднование в честь Владимирской иконы 26 августа.

А что же Тамерлан? Он излил свою злобу на улусах Кыпчакской орды, на татарских городах – Астрахани и Азове; он испепелил их. И что грозило святой Руси страшной гибелью, то

принесло ей величайшую пользу: Тамерлан нанес смертельный удар не ей, а ее вековому врагу – Золотой Орде.

Вот один из многочисленных примеров заступления Матери Божией за Русь Православную! Все эти татарские ханы и царевичи – Мазовша, Ахмат, Махмет-Гирей, Казы-Гирей и другие испытали на себе грозный гнев и вышний покров и заступление за Русскую землю Небесной Воеводы – Матери Божией. История свидетельствует, что во всех походах Царя Алексия Михайловича, Петра Первого и других наших Императоров при войсках их находилась икона Богоматери – “Явление Преподобному Сергию”. Уже самое изображение склоненного пред Пречистою в молитвенном положении старца – печальника Русской земли, эта икона располагала воинов прибегать к заступлению Матери Божией, призывая на помощь и великого молитвенника Сергия Преподобного. И росла наша Русь Православная под мощным крылом небесной Заступницы рода христианского; и сильна была верою своей, и непобедима для врагов – дотоле, пока крепка была вера русских людей, пока не стали люди русские отравляться разными модными лжеучениями, пока гнали от себя прочь всяких искусителей, вроде штундистов, баптистов и других сектантов, пока не подпускали к себе русские воины и особенно рабочий люд разных политических развратителей, социалистов, революционеров и всех этих слуг антихриста, иудейских наемников. Но стали проникать к нам на Русь все эти слуги сатаны, стали русские люди к ним прислушиваться, и пошла духовная отрава в народе, и стали размножаться секты и расколы, появились разные “социалы” да “демократы”, а за ними и революционеры-безбожники, и отвратила от нас пречистый лик Свой Царица Небесная, и понесли мы тяжкое унижение от японцев-язычников, и пронеслись по лицу родной земли все невзгоды революции, и пролилось немало крови русской во дни смуты и усобицы.

Увы, стыд должен бы покрывать лица наши! Исстрадалась за последние годы душа русская, каждый из нас готов бы сложить голову свою у ног Царя-батюшки, только бы избыть горькую беду, только бы не видеть того позора, какой мы

переживали в последние годы! Куда прибегнуть? Где искать помощи благодатной, укрепления духовного?.. Да где же, если не у Матери Божией? Она всегда заступала землю Русскую. Она и теперь неотступно с нами. Ведь это только мы отступаем от Нее, убегаем из-под Ее крова благодатного! Итак, скорее – под благодатный кров Матери Божией, православные русские люди! Поучимся у малых детей: когда провиняются они в чем-либо пред матерью, то к ней же бегут со слезами, и не смея смотреть ей прямо в лицо, укрываются на груди ее. Прибегнем и мы, припадем к благодатной Заступнице рода нашего в покаянии, восплачемся пред Нею о наших тяжких грехах, и Она забудет наши вины и укроет нас от гнева Божия.

Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, разве Тебе, Владычице! Ты нам помози, Ты нас заступи, и как древле спасала от безбожных татар, от всех этих Тамерланов, Батыев, Мазовшней, Казы и Махмет-Гиреев, так и ныне спаси землю Русскую от лютых врагов ее – богоотступников! Много развелось их по лицу родной земли нашей: всюду проникают они со своими безбожными книжками и газетами; отравляют они молодежь нашу, расхищают сокровища православной русской души своею пропагандою среди рабочих, среди крестьян, и даже – страшно сказать – среди войск наших христолюбивых: не попусти, Царица Небесная, скрадывать души наши, души простецов верующих, и покрый нас от всякого зла честным Твоим омофором!..

129. Дар царственного смирения смиренному отшельнику

Не терял я надежды, выезжая из Петербурга, принять участие в торжествах освящения в Павло-Обнорском монастыре трех престолов выгоревшего в 1909 году храма и дивной, драгоценной раки, пожертвованной от щедрот Их Величеств Государя Императора и Государыни Императрицы; но Бог не судил быть мне там: прибыв в Вологду, я разболелся; к обычным немощам моим прибавилась еще слабость сердца, и доктор решительно запретил мне поездку по проселочной дороге с больною печенью, а главное – предстоявшее переутомление в служениях. Пришлось подчиниться, тем более что небольшой опыт – прощания с духовенством – показал, что я на такой подвиг не гожусь.

Не имея возможности отправиться в Павлов монастырь, я послал туда свое приветственное слово-послание, которое было прочитано преосвященным Антонием Вельским пред полиелеем на всенощном бдении. Вот это послание:

“Возлюбленные о Господе отцы и братия и чада!

Мир вам и Божие благословение!

Приветствую вас в светлый день праздника обители Преподобного Павла приветствием любви и радости о Господе.

Скорблю, что по немощам моим не могу принять личного участия в вашей радости, но сердцем сорадуюсь вам, духом разделяю молитвы ваши у гроба чудотворца Павла и не могу оставаться безмолвным в день вашей радости. От избытка сердца глаголют уста. А при невозможности беседовать усты к устам – сердце повелевает беседовать хотя письменным посланием.

Дивен Бог во святых Своих! Дивен Он в явлениях благодати Своей во дни земного их странствования, дивен и по блаженном преставлении их на небо!

Сегодня мы творим память Преподобного отца нашего Павла, Обнорского чудотворца, празднуя освящение храма его и священной раки, принесенной от щедрот Благочестивейшего и

Богом возлюбленного Царя нашего и Его Благочестивейшей Супруги. Сегодня мысль наша невольно переносится за пять столетий, когда жил сей великий в своем смирении угодник Божий в тот благословенный век, когда около великого печальника родной нашей земли Преподобного Сергия, Радонежского чудотворца, собирались ревнители богоугождения, когда с его благодатного благословения сии ревнители устремлялись в северные пределы России, всюду зажигая благодатные огоньки духовной жизни, всюду разнося свет и тепло, коими и доселе жива наша русская православная душа.

Девяносто лет подвизался подвигом иноческим Преподобный Павел! А всего жития его было 112 лет. И отличительнейшою чертою его подвига было дивное, воистину христоподражательное смирение. 22-летним юношей ушел он в какой-то, ныне неведомый, приволжский монастырь святого Феодора “на низу”; оттуда, уже достигнув высокой меры духовного совершенства, пришел он учиться смирению у своего младшего сверстника, Преподобного Сергия; здесь проходил он труды и в поварне, и в трапезе; заметив, что на него обращено внимание, как на ревностного инока, он, с благословения великого аввы, уходит к Преподобному Авраамию Чухломскому, затем идет в пустынные дебри Обноры и тут поселяется, воистину, наедине с Богом – в дупле старой липы, весь отдавая себя молитве и беседе с Богом. И достиг он такого состояния, что в его присутствии дикие звери забывали свою свирепость: и волк, и медведь паслись около него вместе с кротким зайцем, и хищные орлы не трогали малых пташек, садившихся на руки и плечи великого подвижника. А его смирение было столь велико, что мы не видим из его жития даже того: имел ли он благодатный сан священства? По крайней мере, и по основании им обители ее настоятелем был не сам он, а ученик Преподобного друга его Сергия Нуромского – Алексий.

Так в глубоком смирении протекла вся жизнь великого подвижника. Он отошел к Богу, и Господь исполнил над ним святое слово Свое: в память вечную будет праведник. Из века в век православные русские люди притекали к его гробу, искали

спасения души в его обители, просили себе его молитвенной помощи; а он смиренно почивал в месте своего упокоения и даже не позволил коснуться мощей своих, когда один из игуменов его обители самочинно вздумал было открыть его могилу. Для святых Божиих и грядущее видимо яко настояще, и кто ведает пути их? Не предзрел ли угодник Божий того бедствия, которое испытала обитель его в наши дни? И что стало бы с его священными останками, если бы всеистребляющий огнь коснулся их? Мы не можем от Господа требовать чудес по нашему разумению: мы ведаем, что, например, святые мощи Преподобного князя Иоасафа Спасокаменского, попущением Божиим, подверглись сожжению во время пожара в Спасокаменском монастыре, и мы имеем только малые косточки от них. А ныне мы веруем, что святые мощи Преподобного Павла, к утешению нашему, в мире почивают в недрах земных неприкосновенными. И не знамение ли это, для нас особенно утешительное, что в самом изображении угодника Божия, вычеканенном из серебра, дивным образом в пламени пожара уцелел благолепный лик его и изображение рук? Хранит Господь не токмо вся кости Своих избранников, но и самые изображения их, все обращая во славу Свою и в назидание наше.

И паки реку: дивен Бог во святых Своих! Дивно являет Он славу Свою и величие Церкви Православной не только в их прославлении, но и в самом смирении их! Ибо в смирении и слава их, смирение есть их златотканная одежда, смирение есть тот воздух, коим дышат все их добродетели, – тот аромат, который свидетельствует о благоугождении их Богу. В нашей Церкви Православной все проникнуто сим благодатным ароматом: нет ни одного подвига, нет ни одного доброго дела, не говорю уже о доброделании вообще, что Церковь признала бы богоугодным без духа христоподражательного смирения. И в сем – отличие нашего православного исповедания от всех прочих христианских исповеданий. Смирение есть основа истинно христианской жизни; в нем – духовная красота нашего православно верующего народа. И как счастлив этот народ, когда он видит высочайший пример этой боголюбезной

добродетели в лице своего Боговенчанного Царя и Его Августейшей Супруги, Которые Своим русским сердцем всесовершенно восприяли эту добродетель и являют ее всюду, где видят наши родные святыни: вместе с простым верующим народом они склоняли Свои венчанные главы и у святынь Киева, и в Сарове, и в Белгороде, и в Чернигове и многажды у святых мощей великого печальника Русской земли Преподобного Сергия и всех московских чудотворцев. Не видим мы Их здесь: дела государственные удержали Их от путешествия в наши дебри Обнорские; но се – Их Царственное приношение, сия священная рака – не есть ли свидетельство того, что духом Они и ныне с нами, не есть ли это проявление Их глубочайшего, воистину Царственного, смирения Их пред одним из смиреннейших носителей духа и заветов родной нашей Церкви Православной, на коей, как на несокрушимом основании зиждется от веков древних наша Святая Русь и ее краса и величие – Престол Самодержца?.. Подумайте только: Помазанник Божий, в сердце Которого сосредоточены заботы о благоденствии полутораста миллионов подданных, в руках Которого судьбы народов, населяющих шестую часть земного шара, внемлет скорби смиренной обители, посещенной бедствием пожара, и в утешение ей шлет Свой Царственный дар, приемля в соучастницу Себе и Свою Боговенчанную Супругу, в самом даре Своем проявляя глубокое знание благочестивой народной души, ее заветных идеалов, ее любви к родным угодникам Божиим. Как не восхлиknуть из глубины сердца: радуйся, Русский православный народ! Радуйся о Царе своем: Он – с тобою, Он вместе с тобою чтит святыни твои, благоговеет пред ними, Он – верный Сын и Первенец твоей матери Церкви; Он – ее защитник и покровитель. Пусть мятутся разные хулители Церкви Православной: с нами Царь наш Боговенчанный, Он в Церкви Православной, и она молится за Него, за всю Царственную Семью Его, а с нею молятся все великие печальники наши пред Богом – все святые Божии, на небесах Богу предстоящие.

Вознесем же и мы, возлюбленные братие, в сей нареченный и великий для обители Преподобного Павла день, вознесем

свои смиренные молитвы за Богом возлюбленного, Богом венчанного и превознесенного, но и на высоте трона Своего сердцем смиренного Сына Церкви Православной, нашего воистину Благочестивейшего Государя, и его Августейшую Супругу, с Их благословенным Отроком-Наследником и благоверными Дочерями-Царевнами: да благословит Господь всех Их миром, здравием и благодеянием на многая лета.

Ты же, о Преподобне отче наш Павле, благоспешствуй смиренной и немощной молитве нашей твою крепкою к Богу молитвою, много бо может молитва праведного поспешствуема! Аминь”.

Слава Богу: несмотря на холодную, совсем осеннюю погоду, торжества прошли благополучно. Народу было множество. Крестные ходы из Грязовца, из Спасо-Нуромского прихода и от других церквей прошли в добром порядке. Новоосвященная серебряная рака и сень над нею поражают своеобразною красотою: они переносят зрителя в XIV век. Рака представляет как бы древний ларец из оксидированного серебра, вызолоченного, с тонкими узорами; на верху ее – удивительно сходно с древними иконами сделано изображение Преподобного во весь рост, покрытое слюдою с перегородками по складкам одежды. Половина верхней крыши открывается в головной части; кроме того и вся верхняя часть раки открывается; в головах и положено то изображение, о коем я говорю в своем слове. Это изображение – чеканное, художественной работы, сохранившееся, как и обе руки, в пламени пожара в то время, когда вся остальная часть раки частью расплавилась, частью исковеркана до неузнаваемости, – поражает какою-то особенною красотою лика Преподобного, чего прежде, до пожара не замечалось.

На телеграмму, посланную по случаю торжества освящения храма и Высочайше пожертвованной раки в Павло-Обнорском монастыре, участники торжества были осчастлиvлены следующим Всемилостивейшим ответом Его Императорского Величества:

“Балтийский порт, 27 июня.
Вологда, Обер-Прокурору Святейшего Синода.

В молитвенном единении со всеми присутствующими на обновлении соборного храма обители Преподобного Павла Обнорского и освящении новой раки благодарю всех за выраженные чувства.

Николай".

Телеграмма на имя Его Императорского Величества была следующего содержания:

“Балтийский порт.

Его Императорскому Величеству, Государю Императору.

Смиренная обитель Преподобного Павла Обнорского чудотворца, несказанно утешенная после посетившей ее судьбами Божиими великой скорби Всемилостивейшим благоволением Вашего Величества и Августейшей Супруги Вашей, празднуя ныне обновление своего сгоревшего соборного храма и освящение дивной раки, принесенной от щедрот Ваших, с благовейным умилением видит в сем приношении поучительное для народа свидетельство глубочайшего, воистину Царственного смирения Вашего Величества пред одним из смиреннейших подвижников – носителей духа и заветов родной нашей Церкви Православной, на коей, как на несокрушимой скале, зиждется от веков древних Святая Русь и ее краса и величие – Престол Самодержца. Дерзаем уповать, Благочестивейший и Возлюбленнейший Первенец матери нашей Церкви, что в сей столь знаменательный для обители Павловой день и Вы и Августейшая Супруга Ваша с Богом данными Чадами Вашими, Своим верующим сердцем с нами, и вознося сердечные молитвы у мощей Преподобного Павла вместе с многотысячным народом Вашим о здравии и благодеянии Вашем и Августейшей Семье Вашей, а также и всей, Богом врученной Вам державы Российской, повергаем свои верноподданнические чувства к стопам Вашего Императорского Величества.

Епископ Никон.

Епископ Антоний.

Владимир Саблер.

Михаил Шрамченко".

От Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны получена следующая телеграмма.

“Гатчина, 27 июня.

Грязовец, Обер-Прокурору Святейшего Синода.

Искренно благодарю Обитель Преподобного Павла Обнорского за молитвы и благопожелания.

Мария”.

Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, телеграммою на имя Обер-Прокурора Святейшего Синода благодаря за молитвенную о Ней память и сожалея, что Ей не пришлось помолиться у раки Преподобного Павла Обнорского Чудотворца, выразила надежду в этом году поклониться Угоднику Божию.

130. Мои последние дни в Вологде

Я простился с бывшою мою паствою.

Духовенство города собралось ко мне 24 числа, в воскресенье, в 5 часов вечера. Глубоко тронул меня адрес, который мне было стыдно слушать: так много было в нем – не льстивого суждения, столь обычного в подобных случаях, а видимо искреннего ко мне расположения, но в то же время и – совершенно мною незаслуженных похвал. Спасибо им, моим бывшим сотрудникам в служении Церкви Христовой! Так тепло было на душе переживать эти минуты моего последнего с ними общения!

Мне поднесли на молитвенную память изящную в древнем стиле панагию. Я ответил им словом сердечной благодарности за их любовь. Еще раз – в последний раз – напомнил им, какое тяжелое время мы переживаем, какая ответственность лежит на нас, пастырях Церкви, где и в чем искать нам опоры и утешения в скорбях. По болезни вынужден был сократить свою беседу и простился со всеми растроганный до слез³.

29 июня я в последний раз служил в кафедральном соборе литургию. Разоблачившись после молебна, на который вышло много духовенства, я вышел из алтаря в мантии и сказал народу последнее слово. Я взял текст из прощальной беседы Спасителя: “Мир оставляю вам, мир даю вам”. Я сказал, что сии слова Господа я мог применить только в смысле молитвенного пожелания и последнего завета к бывшей моей пастве: мирствуйте, храните мир в себе, в своей совести, храните мир – будьте всегда в мире с ближними, исполняйте Господни заповеди и блюдите мир с Богом. Я особенно настаивал быть в мире и единении с Церковью, ибо в сем основание всякого мира. Я указал на самое существенное в христианской жизни, в православном миросозерцании, в самом усвоении догматов веры нашей – смиление, без коего нет никакой цены подвигам, так называемым добродетелям. Я говорил, что смиление воспитывается послушанием Церкви, верностью ее заветам, подчинением себя руководству пастырей Церкви во имя

послушания Христу Господу. Я особенно предостерегал от тех, кто позволяет себе осуждать служителей Церкви и тем отвращает верующих от послушания им. Еще раз я напомнил слова Господни: если даже пастыри живут не добре, и тогда – вся елика аще рекут вам блюсти, соблюдайте и творите, по делом же их не творите. Мы, пастыри, такие же грешники, как и вы, может быть, еще грешнее вас, но мы возвещаем вам путь спасения, Христом преданный: так Господу было угодно, чтобы и чрез недостойных пастырей изливалась благодать Его в таинствах Церкви, ибо, если судить по-Божьи, то есть ли в мире хотя один человек, достойный быть носителем сей благодати?..

В заключение я просил у всех прощения и преподал именем Господним всем прощение и благословение.

От лица всех кратко ответил мне ректор семинарии, взаимно прося за всех у меня прощения.

Долго потом я благословлял православных: судя по количеству розданных книжек (“Среди пасомых”), народа было не менее полутора тысячи, но многие из немощных ушли, не дождавшись очереди. Грустно мне было это прощанье, в коем чувствовалось сердечное отношение сих чад Церкви к ее пастырям, яко носителям благодати. Вот почему так хотелось предостеречь их от разных модных лжеучителей, от сих хищных волков, вторгающихся в стадо Христово. А волки эти, будто по чьему-то тайному мановению, врываются в Церковь отовсюду: и рационалистические, и мистические секты растут и множатся изо дня в день. И что особенно опасно: мистические проникают в недра Церкви, их последователи не хотят быть отлученными, напротив, как-то особенно льнут внешним образом к Церкви, тщательно исполняют ее обряды, причащаются святых Таин. И в то же время разрушают Церковь погибельными учениями.

Простился я и со всеми вологодскими святынями: был во Всеградском соборе, поклонился иконе Спасителя, был в Прилуцком монастыре, поклонился святым мощам угодников Божиих Димитрия и Игнатия, в Духовом монастыре у преподобных Галактиона и князя Иоасафа, в Троицкой церкви у преподобного Герасима.

В воскресенье, с поездом, отходящим по местному времени в 2 с четвертью часа, я отбыл из Вологды. На вокзале собрались добрые вологжане проводить меня. Были губернатор, вице-губернатор, другие представители власти, городской голова и масса народу. Народ пел Спаси, Господи, люди Твоя и Многая лета многажды, пели величание преподобным Сергию и Никону, Радонежским чудотворцам. Долго мне пришлось благословлять народ из окна вагона, ибо вятский поезд задержал наш поезд на полчаса.

Наконец, при пении многолетия, поезд тихо отошел в путь свой, и сердце как-то сжалось при мысли, что я навсегда уже покинул град Вологду, с его святынями, с его добрыми, верующими, простосердечными жителями. Благослови их, Господи, спаси их и помилуй! Благослови с миром пришествие к ним доброго святителя, и да будет служение его более благоплодно во спасение душ их, чем мое служение, да будут связаны союзом любви и пастыри вологодские со своим архипастырем и да трудятся с ним на ниве сердца народного во славу Церкви родной!..

131–132. Отчество Царской власти

Сегодня открыл “Московские Церковные Ведомости” и сразу прочитал слова в записках архиепископа Леонида: “Русские смотрят на государство патриархально: государство – семья, Царь – Отец”.

Я прибыл в родную Лавру, когда она была полна светлых воспоминаний от посещения Царскою Семьей. Иноки с умилением рассказывали разные подробности этого посещения. Более десяти лет прошло с того дня, как Государь посещал обитель Преподобного Сергия; много скрбей пережила бедная Русь за это время а с нею скрбела и святая Лавра. Ведь, если Москва есть сердце России, то обитель Сергиева есть один из жизненных нервов этого сердца. А Москва сама за это время была опозорена тою проклятою революцией, которая пыталась убить нашу мать – Русь православную. Тяжело было переживать эти смутные годы моей родной обители!.. И горячо молились иноки о мире всего мира, о Царе своем, о родной земле, молились и у гроба чудотворца, и во всех храмах, и по кельям своим. “Как будто наступило затишье, – говорят они – дай-то, Господи! Пошли мир людем Твоим!”.

Не стану повторять то, что в свое время описано в газетах. Отмечу лишь то, что ускользает обыкновенно от зорких глаз газетных описателей.

Говорят, были предприняты некоторые меры, чтобы массы народные не переполняли улиц Посада. Но народ проник в Посад такими путями, о коих полиция не думала: чрез посадские лощины или овраги, и все улицы по пути Государя оказались переполненными. Вся площадь перед Лаврой пестрела от головных уборов крестьянок, у вокзала всюду, где только было возможно, теснился народ. Когда Цесаревич показался из вагона и направился прямо в Царскую коляску, то буря народного восторга не поддавалась никакому описанию. Государь в эту минуту находился в царском павильоне: Он взглянул в открытое окно павильона, и радостным чувством озарилось Его лицо. Восторженными громовыми перекатами

гримело “ура” по всему пути до Лавры, а лаврская колокольня приветствовала Царя чудными звуками четырехтысячепудового царя-колокола и его сорока медных детей. С крестным ходом Лавра встретила Помазанника Божия у святых ворот. Митрополит приветствовал Его сердечным словом. И вот Государь в древнем соборе Живоначальной Троицы, у нетленных мощей великого печальника Русской земли, Преподобного Сергия. Он, самодержавный обладатель шестой части света, яко един от простых богомольцев, смиренно склоняет венчанную главу Свою пред гробом смиренного отшельника лесов Радонежских, молитвенно поручает ему своего сына – Наследника и всю свою Царственную семью. Торжественно идет молебен Преподобному, и горячо молится Царь, молится Царица, молятся их Дети у гроба чудотворца. Говорят, трогательно было видеть, как Государь-Цесаревич благоговейно принял икону из рук митрополита и поцеловал ее, истово оградив себя крестным знамением.

Государь с Царевнами посетил кельи митрополита, а Государыня с своим Царственным Отроком изволила оставаться в это время в притворе, именуемом кельей Преподобного Сергия. Здесь Царица земная горячо молилась Царице Небесной, явившейся некогда на сем месте преподобному Сергию и рекшей: “Неотступна пре буду от места сего”. Государь еще раз посетил эту келейку, милостиво и просто беседовал с братией, расспрашивая об иконах и иконописной школе. С умилением поведают иноки, как Государь-Наследник выходя из кельи Преподобного, еще раз обратился назад и протянул ручки, чтобы принять благословение владыки Митрополита. Невольно хотелось сказать Царственному Дитяти: “ Ты испрошен у Бога молитвами новоявленного чудотворца Преподобного Серафима: да будут же всегда, во все дни жизни Твоей угодники Божии с Тобою, и Божие благословение да будет над Тобой!..”

Государь со своею Царственной Семьей отбыл из святой обители; праздник кончился, но светлые воспоминания о его пребывании здесь живы и надолго будут одушевлять сердца, ему преданные, горячей любовью к Божию Помазаннику и всему

Дому его. Вот телеграмма, котою Государь порадовал обитель и всех жителей Посада после своего отъезда. Она прислана на имя губернатора и в ответ на телеграмму жителей Посада:

Вместе с Моей Семьей сохраню радостные чувства от посещения святой обители и совместной молитвы с жителями Сергиева Посада, которым поручаю передать Мою благодарность за выраженные чувства преданности.

Николай".

Каждый раз, когда мне приводил Бог быть свидетелем и участником встречи Государя, я переживал какое-то особое чувство, особое, так сказать, мистическое настроение. Думаю, меня поймут православные русские люди, сердцем преданные заветам родной земли. Как выразить словами это чувство?.. Я сказал бы: это ощущение всем существом русской души того отчества Верховной Власти, которое выражается в беззаветной, а следовательно, и безусловной любви и преданности народа к своему Царю и такой же любви Царя-Отца к народу, когда всякая мысль о какой-то конституции, о каком-то договоре Царя с народом является кощунством, непростительным оскорблением не только Царя, но и Бога, Которым Царь царствует. Наше русское Самодержавие носит характер чисто религиозный: "Бог, по образу Своего Вседержительства, дал нам Царя Самодержавного", – говорит великий учитель Русской Церкви митрополит Филарет, и Царь наш царствует по образу Божия о нас Промышления, как слуга Божий, как уполномоченный Им, Царем Небесным, и только Им единственным: Он – наш беззаветно любимый, наш родной Отец, и никогда, пока Русь стоит, пока она Русь Православная, народ Русский не допустит и мысли о каком-либо ограничении Его самодержавной власти, ибо не может допустить и той мысли, чтобы Благочестивейший Божий Помазанник позволил Себе поступить вопреки велениям Своей Царской совести, руководимой благодатью Духа Божия, дарованною Ему в священном Таинстве Миропомазания. Пожелает ли отец недоброго своим детям? Мыслимо ли от отца требовать отчета в его дела? Возможно ли, не будет ли нарушением всяких законов и

божеских и человеческих вторгаться в права отца, ограничивать их, ставить ему какие-то условия, кроме тех, в какие он поставлен Богом в его совести? Народ есть единый целый организм, организм живой, возглавляемый Царем, яко Главою своею. Что тело без головы – то государство без Царя, что семья без отца, то и царство без Царя. Когда была наша Русь наиболее сильна, и славна, и могущественна среди народов земных? Тогда, когда наиболее сознавала эту истину: пример – царствование незабвенного носителя идеала Царя-Миротворца Александра III. Он воплотил в Себе, в Своем царствовании, в Своей личной жизни народный идеал Царя, и никогда Россия не стояла так высоко в глазах всего мира, как во дни – благословенные дни Его царствования. Мы переживаем иные дни, когда идеал наш тускнеет, меркнет в нашем сознании, и вот – плоды этого на наших глазах. Но в душе народной он, этот идеал, жив: народ беззаветно любит самое имя Царя, чтит в Нем Божия Помазанника и беззаветно предан Ему. И эта сыновняя преданность, это благоговейное отношение к Царской власти, к личности Царя и всех членов Его Августейшей Семьи, Бог даст, спасет Россию, если только врагам ее не удастся поколебать самой основы отчества Царской Власти. И они, наши супостаты, видят это, сознают, быть может, лучше многих из нас, отлично понимают и то, на чем все это зиждется, что опора всего строя нашей государственной жизни – в Церкви, в вере Православной. И посмотрите, как они стараются расшатать эти основы! Ни иудейства, ни магометанства, ни лютеранства, ни католичества, даже никаких сект не трогают, напротив: готовы всеми мерами им содействовать в укреплении и расширении, – на одно только Православие устремлены все их нападения, против него всюду и везде строятся козни, ведутся подкопы, составляются “блоки” и – какой позор! – в этом всеобщем походе врагов наших против Церкви православной принимают едва ли не главное участие, по крайней мере, по количеству членов этого “блока”, люди, именующие себя русскими, даже православными! Что за ослепление! Что за безумие, граничащее с самоубийством! Уже пусть бы прежде совсем отреклись от Православия, от русской

народности, открыто заявили, что перешли... ну хотя бы в иудейство, магометанство, буддизм, во что угодно, только бы не обманывали народ именем русских людей! Но – увы! Им эта-то маска и нужна: без нее они бессильны, они знают это и только под маскою благодетелей народа надеются достичнуть своих преступных целей. Верится, что народ своим здравым умом сумеет наконец распознать их и с чувством грозного для них негодования отвернется от них, заклеймив их именами, им свойственными.

Все миросозерцание нашего народа построено на началах нравственных, церковно-религиозных, в противоположность миросозерцанию народов западных. Там, напротив, все строится на началах правовых, юридических. Если мы хотим, чтобы наш народ занимал подобающее ему место в среде народов земных, то мы не должны насиовать его миросозерцания, а все законы строить в народном духе. И если бы наши образованные классы усвоили себе это основное начало русской жизни, то не наделали бы тех ошибок, в коих – увы! – они и теперь не каются. Призвание Царем “лучших людей”, народом избранных, они поняли как открытие “парламента”, тогда как Царь-Отец хотел видеть при Себе советниками детей, а не парламентских говорунов, людей дела, людей опыта жизненного и, по возможности, разума государственного. А Ему в первую же Думу послали большинство самых негодных людей – разных “эсеров” и “эсдеков”. Кто послал? Конечно, не народ, глубоко Царю преданный, готовый за Него душу положить, а вот эта “интеллигенция”, которая, пропитавшись западною отравою масонских учений, хотела и Русь переделать на западный шаблон. Царь распустил негодную Думу. Собралась Вторая, но не лучше Первой. Тогда Царь изменил выборный закон и получилась Дума... сносная. По крайней мере, ее терпели до конца срока ее полномочий. Желательна ли Четвертая Дума такая же? Конечно, нет. Будет ли опять изменен избирательный закон или же будут приняты меры к более строгому его исполнению путем разъяснений, как это недавно было сделано в отношении к иудеям, – мы не знаем; знаем одно: Царь есть

высший источник законов и никто не смеет отнимать у Него права не только изменять, но и отменять законы, если Он сие признает за благо. Он может и вовсе отменить законы о Думе: ведь Он дал их, и если найдет, что законы не отвечают благу Его народа, то кто же посмеет запретить Ему и отмену их? Отец устанавливает порядки в семье, и, если эти порядки оказываются непригодными, отменяет их. Закон может быть хорош по идее, но не отвечать жизни: ужели следует держаться его неотменно, хотя бы он оказался вредным для государства? Да, наконец, дети не исполняют воли отца: присылают ему не "лучших", а худших избранников. Ужели нельзя лишить таких детей (для их же пользы, как неразумных, непонимающих намерений отца) того права, какое подарил им отец? Бог – источник благости, но и Он карает грешников, лишая их Своей милости. Раскройте страницы всемирной истории, читайте историю избранного народа. Мы, христиане, веруем слову Божию и видим из него, видим из нашей родной истории, как Бог лишил народы Своей милости, когда они переставали быть верными исполнителями Его святой воли. Даже с юридической точки зрения, когда одна сторона, заключившая условие, бывает неверна своим обязанностям, то другая освобождается от принятых ею на себя обязанностей, хотя бы могла быть и верною им. В самом деле: Царь хочет, чтобы Ему выбрали в Его Думу "лучших", а Ему присылают худших людей: что же, разве он не вправе сказать: "Такие Мне не нужны"? И мы признали бы только делом мудрой справедливости, если бы те области, те учреждения, которые и в Четвертую Думу прислали бы "эсеров" и "эсдеков", были лишены, впредь до новой Думы, на пять лет, права иметь своих избранников в Государственной Думе или Государственном Совете, а эти негодные люди были изгнаны из сих почтенных учреждений немедленно. Худая трава с поля вон: нечего ей и сорить поле. Чистая пшеница будет только благодарна, если ее прополют в этом смысле, если среди ней не окажется открытых врагов Церкви и Отечества. И при нравственных основах государственной жизни это было бы только естественным явлением, и народ, верный этим началам,

только горячо поблагодарил бы Верховную Власть за такую прочистку.

В истории бывают моменты, когда люди, понимающие смысл совершающихся событий, должны всячески прояснить в сознании народном те жизненные начала, которые заложены в духовный облик народа, и к таким святым началам – в церковной жизни нашего народа должно отнести – общение наше с Церковью небесною, с Церковью веков минувших – общение в мысли, в вере и жизни, а в государственной жизни – сознание отчества Верховной Власти. И если когда, то именно теперь мы, пастыри Церкви, а с нами и все просвещенные русские люди, верные этим началам, должны стоять на страже их, зорко следя за всеми покушениями на них со стороны наших врагов.

133. Мое доброе слово к православному духовенству

Время всякой вещи под небесем, сказал Премудрый, время молчати и время глаголати.

Настало время, когда нам, пастырям Церкви, предстоит великое дело – послужить нашей Православной Руси и нашему Богом избранному Самодержцу Царю верою и правдою. В нынешнем году предстоят выборы в Четвертую Государственную Думу. Воля Самодержавнейшего Государя нашего нам хорошо известна. Он хочет, чтобы в это высокое государственное учреждение были избраны лучшие русские люди, русские по духу, чтобы здесь работали богатыри русской мысли носители родных заветов русского народного духа, люди дела и опыта не только житейского, но и государственного. Им поручается рассмотрение, исправление и даже составление новых законов; они отвечают и пред народом за то, хороши или плохи будут эти законы, худо или хорошо будет русскому православному человеку жить под этими законами.

Отцы и братия, сослужители и работники на ниве сердца народного! Вы знаете, что творится на нашей, когда-то святой, а ныне столь грешной Руси! Вы знаете, сколько развелось у нее врагов внутренних, врагов святой матери нашей Церкви Православной, врагов заветных наших святынь и родных преданий. Они и сейчас всюду работают, подкапываясь под самые устои нашей народно-государственной жизни. Нужно ли называть их сообщества или партии по именам? Народ в массе своей мало знаком с этими прозвищами, дикими для его слуха; зато он отлично умеет различать их по их деяниям, по их пропаганде, кто идет против матери-Церкви, не слушая ее внушений, ее голоса; кто хочет ограничить Царское Самодержавие; кто навязывает Русскому народу братство и равенство с иудеями и другими враждебными вере Православной иноплеменниками, отнимая у нашего народа право быть хозяином в родной земле: всех таковых народ считает врагами своими, все равно, как бы их ни называли:

кадеты ли, эсеры ли, эсдеки ли или еще какие политические сектанты. Вспомните, отцы и братия, с какою непримиримою злобою все эти господа относились в Государственной Думе именно к Церкви Православной. Вспомните, какие вероисповедные законы проводили они и кто своим большинством помогал им в этом. Вспомните, как они отнеслись к нашему родному детищу – церковно-приходским школам, глубоко оскорбив не только память в Бозе почившего незабвенного их воскресителя – императора Александра III, но и, милостью Божией, ныне царствующего Его Державного Сына, Который назвал эти школы дорогим Его сердцу наследием от Державного Отца. Вспомните, с какою желчью отзывались они о наших святынях, о нашем церковном управлении, с каким презорством трактовали большой вопрос об обеспечении духовенства. Зато с какою нежностью отстаивали они интересы сектантов и раскольников, разных иноверцев и иноплеменников!.. Сердце изболелось за эти пять-шесть лет – будто кошмар какой давил душу.

Но зато мы многому и научились за это время. Мы научились распознавать врагов от друзей, какими в первые дни Третьей Думы притворялись, например, так называемые октябрьсты. Не захотели они в думском адресе назвать нашего возлюбленного Отца народа Самодержцем, и тут открылось, что они враги Царского Самодержавия. Ясно стало, что на таких друзей полагаться нельзя, что и доверять их обещаниям не следует. Дело показало, что они явились врагами и церковной школы, да и во всех вопросах, касавшихся пользы и нужд Церкви, они становились на сторону так называемых кадетов. Такие друзья хуже открытых врагов.

С детства, от отцов своих мы приняли, как неоспоримую истину, что ум и совесть не изменяются как величины арифметические, что истина и добро не расцениваются по большинству голосов их оценщиков. “Большинство голосов есть великая ложь нашего времени”, – сказал один умный государственный муж. Но опыт последних лет показал, что приходится считаться и с этою ложью: иначе ложь возьмет верх в законодательстве над истиной, зло – над добром. Ясно, что в

законосоставительные учреждения надо собирать побольше людей умных и честных, чтобы и большинством голосов они брали верх над людьми неумными и нечестными. Понятно, что если бы в Государственной Думе составилось большинство из людей, преданных Церкви, беззаветно любящих Самодержца и Родину-мать, то и смуте давно был бы положен конец, и пьянству народному – должные пределы, и школьное дело процветало бы в истинно народном, православном духе, и Церковь Божия стояла бы на высоте, ей подобающей, да духовенство наше не нуждалось бы в куске насущного хлеба. Видите, как ни противно нашему нравственному чувству признавать в жизни принцип решения столь важных вопросов большинством голосов, но раз этот принцип допущен в законы, нам необходимо противопоставить ему такое же, но совершенно нравственное средство – тоже большинство голосов, но подаваемых людьми достойными, разумными, честными, а следовательно, только таких и избирать в будущую Государственную Думу. Русский народ искони жил в любви к Церкви, всегда прислушивался к ее голосу, к ней обращался в своих нуждах и невзгодах политических. Грешно нам, пастырям Церкви, оставить его без руководства и в настоящую трудную для него историческую минуту. Наш долг указывать ему грозящие опасности, разъяснять, что такое все эти политические партии, все эти кадеты, октябристы, эсеры и эсдеки, обличать лживость их обещаний, их тайные замыслы. Например: партия кадетов назвала себя “партией народной свободы”, а когда и эта лживая кличка была разоблачена, теперь называют себя “беспартийными прогрессистами”. А на деле их стремления ясны, как Божий день: они хотят лишить Помазанника Божия Его Самодержавия, сделать Его игрушкой в своих руках, чтобы Он не мог распоряжаться на Руси, яко Самодержец, по велению Своей Царской совести, а только подписывал бы то, что Ему подложат эти господа кадеты. Захватить Державную Власть в свои нечистые руки – вот их цель! Понятно, что с негодованием следует отвергать всякую мысль о выборе в Государственную Думу каких бы то ни было лиц, принадлежащих к этой изменнической партии, которую

было бы справедливо называть, как и называют умные люди, партией народного обмана, а не народной свободы.

Наш пастырский долг и пред Богом и пред Отечеством предостерегать народ от всякой возможности выбора таких представителей в Государственную Думу. Само собою понятно, что и все духовенство должно всенепременно использовать свои права так, чтобы ни одной десятины земли не осталось без представительства на выборах. Смотрите, как заботятся наши враги, враги Церкви Божией, заботятся о том, чтобы всячески отвести глаза нам, духовенству, от выборов, от участия в них. Они нарочито и газету затеяли, якобы церковную, для недалеких батюшек, и назвали ее именем когда-то, лет 30 назад, существовавшего “Церковно-Общественного Вестника”, издававшегося г. Поповицким: им страстно хочется внушить всем нам мысль, будто участие духовенства в выборах в Государственную Думу и в ее трудах – есть вмешательство Церкви в политику. Они и слова Спасителя не прочь привести – воздадите убо Кесарево Кесареви, а Божия Богови. Но как раз эти-то слова и обличают их: ведь и сказаны-то они были не Апостолам, а вот таким же, как наши кадеты, лицемерам, которые хотели уловить Господа, обвинив Его в политике. Господь и разъяснил, что все мы должны исполнять свой долг как в отношении к Богу, в исполнении Его заповедей, так и в отношении к Государю в исполнении Его законов и повелений. Знают иудеи и их приспешники, разные кадеты и прочая челядь иудейская, что печать способна перевоспитывать неглубоких людей, что она может гипнотизировать массы, внушать им то, что хотят внушить руководители печати. И вот денег не жалеют, чтобы воздействовать на духовенство через печать, чтобы внушить ему, если не прямо революционные мысли, то хотя бы только вот эту мысль: “политика – не дело духовенства”. Да скажите же наконец, Бога ради: что такое “политика?” Ужели проповедь любви к Отечеству – политика? Ужели горячий призыв к защите родных святынь от поругания их иудеями и изменниками – политика? Ужели истолкование идеала Царского Самодержавия по разуму Православной Церкви – политика? Ужели твердое и решительное требование – да, требование! –

чтобы театры не строились, например, рядом с храмами Божиими, чтобы под великие праздники, по крайней мере, вблизи храмов Божиих, молчала плясовая жидовская музыка, чтобы детям в школах не смели дарить толстовские богохульные книжонки, чтоб в великие праздники, как Богоявление Господне, Вход в Иерусалим да и в воскресные дни иудеи-профессора не назначали для православных детей экзаменов, а гг. земские начальники, мировые судьи и другие служители Фемиды не назначали по праздникам заседаний своих в часы Богослужения, да мало ли еще что – ужели все это политика? Ведь выходит, что все, что не нравится иудеям и нашим изменникам – их союзникам, все это политика? Вот и теперь мы, пастыри, должны открыто и повсюду призывать Русский народ выбирать в Царскую Думу лучших, православных русских людей и не давать своих голосов тем, кто не хочет служить верой и правдой, по совести и присяге, Царю Самодержавному, Церкви Православной и родной Русской земле – что же, гг. кадеты, и это по вашему будет тоже политика? О, если бы мы отдали теперь все силы ума и сердца, призвав Бога на помощь, такой политике! Если бы Бог вразумил русских людей собрать Царю такую Думу, какою Он представлял ее Себе, когда писал Свой манифест о Первой Думе! Если бы эта Дума думала с Царем своим воедино, как бывало когда-то встарь, при Царях Московских!..

Помолимся, отцы и братия, пастыри Русской Церкви, да поможет Господь народу нашему, настрадавшемуся за последние шесть-семь лет от всяческих смут, встать на старый славный исторический путь единения и в мысли, и в деле, и в государственной жизни с Царем своим, Божиим Помазанником!

Ей, буди, буди!!!

134. О том, как иудеи отравляют нашу Русь православную

Несчастная Россия!.. Не нужно быть мудрецом, чтобы видеть, что ты гибнешь, – не надо быть пророком, чтобы провидеть, что ты погибнешь, если не опомнишься, если не положишь границ той необузданной свободе, какую захватили себе иудеи и их наемники и приспешники, изменники вере родной из сынов твоих! Мы, русские люди, дожили до того, что нас насильственно отравляют духовным ядом, нам не дают самой возможности иметь здоровую духовную пищу: иудеи нагло смеются над нами, подсовывая нам вместо этой пищи яд, всюду – только яд и никакого противоядия.

От чтения хороших книг отучили, все заполонила газета, а вся газетная печать – почти вся, за немногими редкими исключениями – в руках иудеев, и мы, читатели, должны или читать непременно только их – извините за выражение – зловонные листки, или же совсем не знать, что на свете Божием творится. Когда сидишь еще дома – можно выписать кое-что из патриотической печати, – надо правду сказать: по неимению достаточных к тому средств, какой-то захудалой, тощей сведениями, сообщающей не редко то, что в иудейских газетах напечатано уже два-три дня назад. Но когда судьба заставит вас путешествовать, то вы уже обречены на плen иудейский, горший вавилонского. Ни на пароходе, ни на станциях железной дороги, ни в вагонах – ни одной патриотической газеты. Спросишь “Московские Ведомости” или “Колокол” – отвечают: “Нет” – “Почему же не имеете?” – “Спроса нет”. – “Да вот я спрашиваю!” – “Извините, не имеем”. Или: “Вышли все”. – Да у вас и не было их!..

Загляните в сумку продавца, и пред вами запестреют все иудейские издания: и “Речь”, и “Руль”, и “Биржевка”, и “Копейки”, не говорю уже о “Русском (когда-то действительно

Русском, в котором и мне не стыдно было, напротив, – почетно сотрудничать!) Слове”, “Современном Слове” и т. д. А если заглянете как-нибудь неосторожно в издания

иллюстрированные, то краска стыда покроет ваше лицо: такая там печатается мерзость!..

Судите сами: можно ли уцелеть тут простому читателю? А ведь газета в последние годы стала насущной потребностью массы полуинтеллигентов, что-то вроде папиросы или чашки чаю. Иудеи, прикрываясь заманчивым для недалеких людей словом “свобода”, захватили в свои цепкие руки печатное слово, захватили, говоря коммерческим языком, газетный рынок, поставили нас в невозможность противостоять им. И вот мы – в плену у них: чем хотят, тем нас и питают, особенно во время наших путешествий: точь-в-точь как содержатели буфетов: или ешь скромное, или голодай в дороге. И это называется у нас свободою печатного слова! О, конечно, свобода – свобода злу, свобода отравлять русских людей, свобода издеваться над нами, над всем, что для нас дорого и священно! Но, гг. властьимущие: ведь это плен, худший плен японского, немецкого, какого угодно, это плен жидовский: ужели это не видно вам?.. Или погибни Русь, лишь бы был неприкасновенен принцип свободы печати, свободы слова и т. д.?

Нам говорят: и вы пользуетесь тою же свободою, – кто вам запрещает?

Совесть, господа, запрещает! Мы не можем допустить тех способов отравления народа, какие допускают и на какие способны иудеи. Мы не имеем и тех средств, какими располагают для сей цели иудеи. У нас нет фондов, подобных кагальному, нет миллиардеров, бросающих миллионы на завоевание нашего народа, в надежде пить его кровь. Нет, если вам жаль русского человека, если жалеете родную Русь и хотите, чтоб она еще жила среди народов земли, то гоните от нее прочь этих чужеядных насекомых.

На эти мысли навел меня недавний случай. Еду я в вагоне, один из спутников подает мне номер московского иудейского “Руля” и говорит: “Почитайте”. Говорю ему: “Охота и вам брать в руки этот листок: разве не чувствуете, что от него несет чесноком?” – “Да нет,

говорит, – посмотрите, любопытная статья. Одно заглавие чего стоит! “Новое религиозное сознание”! А в скобках: “Что же такое голгофское христианство?” И тут же реклама автора, будто какой знаменитости: “Статья Ионы Брихничева”. А под статьей опять стоит это же, столь милое редакции имя: “Иона Брихничев”.

Взял я листок, пробежал статейку, писанную известным расстроигою. Что же проповедует сей отступник от учения Церкви? А вот послушайте, чему он поучает читателей иудейской газеты. “Христиане, видите ли, на протяжении двух тысяч лет не усвоили себе христианского учения о благодати (милостыни хочу, а не жертвы)”. – Заметим: даже текст слов Спасителя искажен: вместо милости стоит милостыни, что, конечно, не одно и то же. – “До сих пор члены этих церквей называют себя рабами Господа, забывая о Богосыновстве, а следовательно, абсолютной свободе от заповедей – пережитых времен рабства”. Что-то нескладно, по-иудейски: “пережитых времен рабства”, но не в том суть. Как видите, г. Брихничев, бывший православным священником, как будто не читал никогда молитвы Господней, начинающейся словами: Отче наш. Совсем не помнит и словес Господа и Спасителя нашего: если любите Меня, заповеди Мои соблюдите. “Но рабство есть зло, поучает он, – следовательно, и заповеди не добро”. Слышите, читатель, что проповедует иудейский прислужник? “Проповедуя личное спасение каждого человека, говорит он, как довлеющую цель и ношу (?!), которую каждый человек только и может понести, все современные христианские учители и нехристианские законодатели учат исключительно самоспасанию (?!). Все для себя, для спасения своей души”. Не правда-ли: писать так значит вовсе не понимать самого духа учения о спасении. Как это непростительно бывшему священнику – говорить ли об этом? Очевидно, ему и в голову не могло прийти общее правило спасения: “спасайся в Церкви, и ты будешь содействовать спасению многих душ”. Однако, г. Брихничев изрекает уже свой суд на учение Церкви: “Это жестокое (курсив автора) учение, по которому “праведник” (знаки вносящие показывают, что автор изволит иронизировать

над этим словом) может покойно блаженствовать “в раю” (опять те же знаки), когда грешник томится муками адского пламени, проводит последовательно, что и общественной жизни здесь, на земле, проводится, благодаря ему, в большей или меньшей степени система самоспасения, личной святости, дрожания только за свою шкуру (“моя хата с краю”, поясняет он в скобках”). Поймите тут: что он хочет сказать? “Христианство подлинное, голгофское, религия свободного человека, учит иному: не самоспасанию и рабским добродетелям, а иному – Спасению Целого (прописные буквы автора). Не все для себя, а все – для всех (для тела и души всего человечества)”. Дальше автор развивает свою мысль в виде молитвы, размышления, патетически говорит о том, что “Скорбь (опять почему-то с прописной буквы) Христа не прекратится и руки и ноги Его не перестанут кровоточить, доколе не отдельные лица будут подносить Ему ненавистный фимиам – личного самоспасания, личной “чистоты” (опять в кавычках), личной доброты, а пока весь мир, воскреснув, не придет в свободу чад Божиих нравственными усилиями отдельных его членов”. Забыл несчастный экс-священник слова Господа, что на небесах бывает радость великая и о едином грешнике кающемся, забыл страшное пророчество Господа о том, что во второе Его пришествие нераскаянные грешники будут отосланы в муки вечные, а следовательно, и всеобщего спасения мира не будет. Эта ересь осуждена уже полторы тысячи лет назад и не г. Брихничеву ее реставрировать. Далее г. Брихничев уже прямо богохульствует, говоря, что “Христос не искупил мира, а положил начало совместному с нами искуплению”, что “всякие обещания спасения за чужой счет, хотя бы по вере – есть злая и опасная шутка”, что покаяние состоит “в отвержении всех своих старых верований, в бесповоротном и неуклонном (даже до смерти) осуждении рабской религии заповедей” и что это покаяние “должно вылиться в какой-то свободной жизни, свободном усовершенствовании, исполненной Христова Огня (опять большая буква автора). Огонь очистит личность, Он же спасет мир”. Что же это за огонь? Автор отвечает: тот Огонь, о котором Христос сказал: “Огонь Я принес на землю и как бы

хотел, чтобы Он разгорелся!” Автор намеренно уклоняется от церковного толкования словес Господних и придает им какой-то, видимо, особенный смысл, ибо везде слово “огонь” с прописной буквы. Он говорит: “Огнем горящие, пламенеющие сердца человеческие, объединенные одним общим желанием воскрешения всего (курсив автора), составят из себя то Вселенское Пламя, в котором земля и все старые тела сгорят”.

Едва ли найдется какой мудрец, который смог бы разобраться в этом богословствовании г. Брихничева; вероятно, он и сам не ведает, не дает себе полного и ясного отчета о том, что говорит. Но читатели иудейской газеты твердо запомнят, что “заповеди – не добро”, что, стало быть, их и не нужно, что где заповеди, там рабство и прочие безумные глаголы. А иудеям только-то и нужно, чтобы такими бреднями отравлять христиан. И вот, к их услугам является расстриженный иерей г. Брихничев. И листы газетные с его бреднями (хотелось бы употребить другое слово, напоминающее ближе его фамилию) разносятся по лицу бедной Руси нашей, когда-то столь ревностно стоявшей за Православие, что такому господину не поздоровилось бы... сидел бы где-нибудь в Суздале или в Соловках. А ныне все можно: издевайся сколько угодно над верою Апостольской, сочиняй ереси, продавай не только перо, но и душу врагам Христовым!

И многоскорбная, многострадальная мать наша, Церковь Православная, терпи поношение, поругание от таких отверженцев, а если кто из нас вступится за ее поруганную честь, если кто назовет ее поносителей их собственным именем, того имя приписывается ко злу. Но мы больше верим слову Христову: радуйтесь и веселитесь в таких случаях, с радостью несем поношение Христово и крепко веруем, что истина Господня пребывает вовек, а все враги ее, исчезая, исчезнут яко дым, яко прах, его же возметает ветр от лица земли. Жаль только собратий наших, отравляемых этими бреднями и отторгаемых от матери-Церкви.

135–137. Голос смиренной науки в защиту веры

В 1909 году я напечатал небольшую брошюруку: “Беседа о том, откуда пошла наука, и верят ли в Бога люди ученые?” Недавно вышла книга г. А. Г. Табрума: “Религиозные верования современных ученых”, перевод с английского под редакцией В. А. Кожевникова и И. М. Соловьева. Тема, как видите, та же, но автор сосредоточил свое внимание на ученых не прежних поколений, а на современных нам, и притом почти исключительно на представителях математических и естественных наук. В книге собраны непосредственные ответы самих вождей нового точного знания на определенный, предложенный им по двум пунктам вопрос: 1) усматривают ли они действительное противоречие между фактами, установленными наукой, и основными учениями христианства? и 2) считают ли они современных ученых людей верующими или же относящимися отрицательно к христианству? В моей книжке я привел мысли о вере людей науки времен прошедших: в книге г. Табрума приводится до ста писем мужей науки нашего времени, это голос людей науки самого последнего времени, единогласно свидетельствующих, что истинная наука, как таковая, не переходящая своих границ и ресурсов, не может отрицать Бога, потому что она не в состоянии доказать Его отсутствия: научное, доказательное обоснование атеизма невозможно. Но именно поэтому для науки нет и препятствий к признанию Бога, к принятию веры рядом с наукой, точнее – за пределами доступного силам науки. Правда, автор опрашивал только английских и американских ученых, но результаты этого опроса, в главных чертах, совпадают с данными, собранными другими учеными относительно французских, немецких и иных выдающихся ученых.

Мы живем в такое время, когда враги веры готовы пойти на всякую ложь, на всякий обман, чтобы только подорвать веру в сердцах верующих; готовы на всякую подделку в науке, готовы самую ничтожную посредственность возвести в гениального

ученого за то только, что этот полуученный станет на их сторону в отрицании веры. Вот почему надо быть особенно благодарными тем истинным представителям науки, которые со всем авторитетом научного знания обличают скороспелых прислужников лженауки, открыто исповедуя немощь человеческого ума постигнуть непостижимое в делах Божиих и смиренно склоняя свой ум в послушание вере. Автор отмечает, что масоны ежегодно распространяют массу дешевых книг, наполненных усилиями доказать, что вера в Бога вымирает. Как недобросовестно пишут в этих книгах их авторы, достаточно привести одну цитату из таких изданий: “В высшей степени сомнительно, – говорит самоуверенно такой автор, – чтобы какой-либо ученый или философ действительно придерживался в наше время доктрины личного Бога”. Судите сами, читатель: попадет такая фраза в якобы научной книге молодому человеку, и он смущен: “Говорит-де наука”, а того, бедный, и не знает, что представители истинной-то науки говорят как раз обратное. Как же дорого предложить такой смущенной душе и порекомендовать прочитать книгу, в которой более ста ученейших авторитетов, без всяких колебаний, пред лицом всего научного мира заявляют, что сама вселенная является уже свидетельством бытия Божественного Разума, доказательством Бога, что по мере расширения знания природы и ее сил, тем более крепло в них убеждение в необходимости существования творческой Причины – Бога. Джордж Стокс, профессор математики, справедливо говорит, что “крупная ошибка предполагать, будто ученый не религиозен, на основании того только, что он обыкновенно не говорит (кроме разве в кругу своей семьи) на религиозные темы. Есть пословица: “Глубокие воды текут спокойно”, и мне думается, что когда религия глубоко ощущается, о ней говорят немного”. Следовательно, если многие ученые не говорят о религии, то это не значит, что они и в Бога не веруют. Истинный ученый бережлив на слово, и если его специальная наука не близко касается веры, то он и не позволяет себе вторгаться своим умом в область, где он не специалист.

Приведу из книги Табрума несколько ответов на его запросы. Вот что пишет, между прочим, упомянутый ученый профессор Дж. Стокс: “Что касается утверждения, будто недавние научные изыскания показали, что Библия и религия ложны, то на это отвечу прямо: этот взгляд совершенно ложен! Я не знаю никаких здравых выводов науки, которые противоречили бы христианской религии. Быть может, и есть кое-какие дикие научные предположения, высказываемые, главным образом, людьми второразрядного знания, выдаваемые за хорошо обоснованные научные заключения и которые по свойствам своим могут вызывать некоторые затруднения, если эти предположения признать за истину, но я не зайду настолько далеко, чтобы говорить о противоречиях науки и религии друг другу, так как в главных частях они движутся в разных плоскостях и едва ли есть поводы для их сопоставления. Противоречия эти только кажущиеся: истинная наука и истинная религия согласны друг с другом”.

Лорд Кельвин (скончавшийся в декабре 1907 г.), которого прозвали “Наполеоном науки” и “королем ученых” и который был более полустолетия профессором физики в Глазговском университете, пишет: “Истинная религия и истинная наука вполне гармонируют друг с другом”.

Лорд Листер, знаменитый хирург, признанный за одного из величайших людей нашего времени, пишет: “Без колебаний скажу, что, по моему мнению, антагонизма между религией Иисуса Христа и каким бы то ни было научным фактом нет”.

Лорд Рэдлей, о коем говорили ученые люди, что он был “человек мирового знания в науке”, первоклассный физик и математик, писал: “Истинная наука и истинная религия не противоречат друг другу, да и не могут быть противополагаемы”.

Лорд Эвбери, более известный под именем сэра Джона Леббока, всеми признанный за одного из величайших ученых не только в области антропологии, но и вообще в науке, взятой в ее целом, в своей книге “Пользование жизнью” пишет: “Бесконечное и Абсолютное никогда не могут быть ни объяснены, ни отринуты путем объяснения. Помни своего Творца в дни юности! Чтобы умереть так, как было бы

желательно, надо жить, как должно. Добродетельному смерть не страшна. Любовь к Богу лучше всего обнаруживается в любви к человеку. Есть благородные мысли у Платона, Аристотеля, Этика, Сенеки и у Марка Аврелия; но у них вы не найдете Евангелия любви, высказанного так, как в Новом Завете. Истинно сказал Иисус, что Его религия – религия новая: “Заповедь новую даю вам, да любите друг друга”. Пытаться прибавить что-либо к учению Христа или улучшить его есть суэтная и дерзкая попытка”.

Вильям Рамзай, самый выдающийся химик нашего времени, также утверждает, что между существенными истинами христианства и установленными фактами науки действительно антагонизма нет.

Вильям Крукс, другой известный химик нашего времени, пишет: “Я не вижу конфликта между установленными фактами науки и существенными учениями Священного Писания, между научной истиной и религией Иисуса Христа”.

Джон Г. Гладстон, создатель так называемой физической химии, указывая на многие имена великих представителей наук, решительно заявляет, что “те, которые занимают высокое положение в науке, оказываются верными учениками Христа”.

Бальфур Стюарт, скончавшийся в 1887 г., известный в Англии профессор физики, говорит: “Отношение между наукой и религией неправильно было называемо отношением враждующих сторон; этого нет и никоим образом быть не может”. Обсуждая достоверность воскресения и вознесения Христова, он замечает: “Сохранилось ли в неизменности действие известных нам сил природы в этих событиях, или же оно было иногда превозмогаемо вышею силой? Несомненно, превозмогалось! Конечно, мы обязаны исследовать очевидность этих великих событий, и это уже исполнено самым совершенным образом: история, повествующая об этих событиях, выдержала испытание настолько хорошо, что всякое предположение о нереальности их, несомненно, приведет нас к величайшей нравственной и духовной путанице. Я не вижу основания не допускать возможности изменения обычных сил

силами высшими, при тех условиях, которыми сопровождалось пришествие Христа".

П. Г. Тэт, математик, профессор физики, пишет: "Предполагаемая несогласимость религии и науки настолько часто и уверенно провозглашалась за последнее время, что стала считаться положением общепринятым у публицистов и, разумеется, преподносится ими в качестве заведомой истины своим чересчур доверчивым читателям. Но это предвзятое мнение всецело ошибочно, настолько ошибочно, что ни один настоящий ученый не рискнет, по крайней мере, в Англии, впасть в эту ошибку". Назвав имена великих мыслителей последнего времени: Брюстера, Фарадея, Фороса, Грэхмана, Роуана, Гамильтона, Гершеля и Тальбота, ученый Тэт спрашивает: "Кто же из этих великих людей отказывался от убеждения, что природа доказывает бытие Высшего, направляющего к цели Разума?"

Вилльям Эбней, доктор наук, авторитет по фотографированию неба, президент многих ученых обществ, пишет: "Я занимаюсь науками и должен, по совести, сказать, что не только нет вражды между Библией и естествознанием, но что мы имеем дело как раз с обратным явлением. Наука говорит нам, что существуют известные законы в природе; там же, где есть законы, там должен быть и Законодатель – Бог. Изучающий естественные науки, во всяком случае, должен быть человеком, проникнутым благоговением, так как эти науки вещают нам, сколь далеки мы от познания такого Законодателя".

Профессор Джемс Гейки, доктор прав, профессор геологии, минералогии пишет: "К Библии мы обращаемся не с желанием научиться астрономии, геологии или химии. Сам мир – библия природы, откровение нам Бога как Творца. Смиренно и благоговейно изучая дела природы, мы получим возможность постигнуть кое-что из всемогущей силы Великого Промыслителя. И как Бог, Творец видимой вселенной, открывает Себя через природу, так и Бог, Божественный Творец и Правитель невидимого, раскрывает нам Себя в Библии и в житиях и писаниях великих мыслителей. Говорить, будто руководящие наукою ученые не религиозны или что они враждебны

христианству, просто-напросто – невежественная нелепость. Такое утверждение могло быть сделано только каким-нибудь сумасбродом или же ревностным фанатиком”.

Джозеф Прествич, умерший в 1896 году, величайший из современных геологов, пишет: “Религия и наука составляют две определенные ветви человеческого знания и исследования. Они движутся по параллельным линиям и, по моему мнению, не могут, во всяком случае, не должны сталкиваться. Одна ведает вопросы нравственные, другая – вопросы естествознания”. Сэр Джозеф умер добрым христианином.

Джемс Вилльям Доусон, умерший в 1896 году, считавшийся главным авторитетом по геологии, пишет: “Природа и христианство, правильно понимаемые, становятся частями одного великого плана творческого Духа, плана, по которому кажущиеся аномалии и недостатки в человеке и его естественных союзниках будут, в конце концов, исправлены милосердием и справедливостью, так, что и сама природа восполнится и усовершится только при последней победе Евангелия Христова”.

Дж. Силей, умерший в 1908 году, профессор геологии, географии и минералогии, пишет: “Науки – сестры религии, в том смысле, что они раскрывают часть законов, управляющих вселенной и жизнью человека. Таким образом, это – ступени, возводящие к вере”.

Эдуард Холл, тоже известный геолог, пишет. “Библия и наука движутся по параллельным линиям. Предметы, доступные расследованию человеческого разума, предоставлены его ведению, тогда как Библия трактует нравственные и духовные стороны человеческой природы, которых разум не в состоянии раскрыть без посторонней помощи. Что же касается истинности и достоверности исторических книг Священного Писания, то ежедневные открытия клонятся к подтверждению их. Недавние исследования в Египте, Палестине и других восточных странах показали, до какой степени, даже в мелких подробностях, документы Ветхого Завета могут быть принимаемы с глубоким доверием. Осуществление ветхозаветных пророчеств в лице

Господа нашего Иисуса Христа, пророчеств, изреченных за целые века до его появления, так же, как и тех пророчеств, что относятся к судьбам наций, в особенности еврейской, – убедительное доказательство того, что эти пророчества были произносимы под влиянием Божественного вдохновения. Вместе с тем высоконравственное учение Библии несовместимо с мыслию, что пророчества могли исходить от прибегавших к обману. Учение Господа нашего и Его Апостолов в самом себе носит отпечаток Божественной истины".

Александр Мэкэлистер обращает наше внимание на лекции Манлея, в которых мы читаем следующие строки. "Из моего опыта я вынес убеждение, что неверие в Божественное Откровение, дарованное в жизни, трудах, в смерти и воскресении нашего Спасителя, преобладает более среди тех, которых я позволю себе назвать обозным арьергардом при лагере науки, нежели среди тех, для кого активный научный труд составляет истинную жизненную задачу".

Джон Мак-Кендрик, известный физиолог, говорит: "Ни наука, ни богословие не сказали еще своего последнего слова о тайнах, окружающих человеческую жизнь. Мы можем быть уверены, что если бы мы больше понимали тайны, лежащие в конечных выводах научного размышления, мы нашли бы, что нет ничего несовместимого между научной истиной и верою в Бога, в бессмертие и нравственный долг. Только поверхностный взгляд на вселенную приводит человека к утверждению, будто наука объяснила или может объяснить все, или что ее учения противоположны высшим и глубочайшим верованиям, столь дорогим человеческому роду".

Джемс Кричтон Броун, авторитет по душевным болезням, говорит: "Библия и наука дополняют друг друга, и каковы бы ни были их поверхностные расхождения, все же сами они остаются в глубоком согласии и обе являются обнаружением Божественного Начала, раскрывающего Себя не сразу, не во всей полноте, но понемногу и постепенно, подобно тому, как ночная тьма сменяется сначала зарею, а потом полным дневным светом".

Дайс Дэкворт, доктор медицины, пишет: “Не расстраивайте себя из-за безбожников! На свете слишком много слабых, тщеславных и невежественных болтунов! Можете быть уверены, что большинство лучших и наиболее откровенных ученых не находит трудностей в примирении христианской религии с непрерывающимися добавлениями к науке, точно так же, как не считают они и Библию за камень преткновения для принятия новых точек зрения на старые истины. Всякая истина богоподобна, и Бог, очевидно, позволяет, чтобы новые обнаружения Его творения и мудрости были разъясняемы добросовестным трудом и человеческими расследованиями. Благоговейное изучение и полное признание Бога как Отца и как везде и во всем Сущего – вот то, что нам всегда необходимо! Существующее не само создалось, и можно все проследить, восходя до великого Зодчего вселенной. Милостивое обнаружение Им Самого Себя, “Кого ни один человек не видел и видеть не может”, свершилось в Божестве единственного совершенного Человека, Его Сына, Иисуса Христа. Единственное разрешение всех наших затруднений состоит, по моему мнению, в том, чтобы поддерживать в себе смиренную и детскую веру и доверчивое упование на совершенную любовь к Богу, Который знает, из чего мы сотворены, и помнить, что мы не более, как прах. С этим убеждением и с совершенной любовью нет места для страха: все свершится должным образом в Им определенное, Ему подвластное время. Вот вера, в которой должно жить и с которой должно умирать. Счастливейшие из живущих и счастливейшие из умирающих те, которые твердо держатся этой веры”.

Сэр Оливер Лодж, первоклассный физик, говорит в своем “Катехизисе”: “Верую во Единое Бесконечное и Вечное Существо, в любящего Отца-Руководителя, в Котором все сущее имеет основу своего бытия. Верую в то, что Божественная Природа особым откровением раскрыла Себя через Господа нашего Иисуса Христа, жившего и страдавшего в Палестине тысячу лет тому назад, Которому с тех пор христианская Церковь поклоняется, как бессмертному Сыну Божию, Спасителю мира. Верую, что человеку предоставлено

преимущество постигать Божественные цели на земле и содействовать им; верую, что молитва есть средство общения человека с Богом, что Дух Святой всегда готов помочь нам на пути наших стремлений к добру и истине и что бескорыстным служением мы постепенно можем достигнуть жизни вечной, общения со святыми и приять мир Божий".

Так благоговейно исповедует свою веру истинно ученый муж; а вот как сама наука, устами одного из своих достойнейших представителей, профессора физики Дж. Дж. Томсона, смиряется в самых успехах своих пред величием Творца вселенной: "В истории развития науки никогда не замечалось признаков приближающегося конца знаний. В то время как мы в этой сфере завоевываем вершину за вершиной, перед нашими взорами раскрываются новые области, полные интереса и красоты; но нашей конечной цели мы, все-таки, не видим, не видим еще горизонта; в отдалении громоздятся одна на другую еще более высокие вершины, с которых поднявшимся на них открываются дали, еще более широкие, еще более углубляющие наши ощущения и сознание истины, подтверждаемой каждым новым успехом науки: величавы творения Господа!".

У нас в России страстно любят переводить на русский язык все, что идет против веры, против христианства; там, на Западе, давно уже научно опровергнута та или другая безбожная гипотеза или теория, а у нас еще только вводят ее в моду и распространяют ее яд среди молодежи как последнее слово науки. Так, у нас сравнительно недавно стали увлекаться писаниями Гексли и Геккеля. А вот послушайте, что говорит известный в Англии ученый Франк Кэверс, профессор биологии: "Научные теории Геккеля фактически оказываются устаревшими во многих отношениях, благодаря новейшим работам настолько, что его имя в современных трактатах по вопросу об эволюциях упоминается лишь для указания полной отсталости его взглядов от настоящего положения знания и что, например, его биогенетический закон не выдержал жестокой критики детального эмбриологического расследования последнего времени и является, следовательно, не больше как бесплодным

обобщением. Его монистические взгляды стали предметом насмешки для современных философов. Научная работа Гексли стоит, разумеется, несравненно выше, но что касается теории эволюции, то и он был только популяризатором дарвинизма, не давшим ему ничего нового. Та наука, которую хотят использовать агностики и атеисты, на много-много лет отстала от нашего времени, и эти писатели и лекторы имеют лишь поверхностное представление о биологии, полученное из вторых рук и относящееся к биологии не современной, а той, что существовала лет 40–50 тому назад. В наши дни наука движется вперед довольно быстро, и, например, в вопросе об эволюции многие теории Дарвина пали. Тот, кто решается выступать с догматическими заключениями на такие темы, тот не возбуждает да и не может возбуждать серьезного внимания к себе в мире сведущих мужей знания; а те, что отваживаются отрицать разумную первопричину или какие-либо иные христианские учения, эти люди отнюдь не вправе делать это во имя науки”.

А у нас какой-нибудь фельетонист, вроде Меньшикова, позволяет себе печатать все, что взбредет ему в голову, от имени науки: он готов доказывать, что и христианство есть не больше как великая экспроприация у буддистов, и самозарождение в науке будто бы доказано, и много-много подобного вздора он не стесняется выдавать за научные открытия.

Известный зоолог Джордж Карпентэр, между прочим, говорит: “Христианство есть опытная религия, и в этом обнаруживается ее согласие с научным учением. Тот, кто желает выполнить волю Христову, тот и познает Его учение. Личный опыт, переживание на самом себе спасающей и вспомоществующей силы Христовой – вот высшее свидетельство о Нем”.

И уж конечно, все наши отрицатели, все эти публицисты, с таким апломбом все отвергающие, и краем перста не касались исполнения воли Христовой: понятно, что, как слепцы, они и судить о сем свете, просвещающем всякого человека, не могут.

Профессор В. К. Паркер, которого Карпентэр назвал “великим сравнительным анатомом”, оставил нам следующее смиренное признание: “В продолжение пятидесяти лет радость о Господе была моей силою; четыре Евангелия, выдаваемые кое-кем за старческие бредни или за хитро придуманные обманы, которым, по мнению некоторых, безнравственно верить, – эти предполагаемые вымыслы служили мне поддержкою в жизни и сообщали подъем душе моей и уму моему. Что касается знания, доступного современной науке, то оно пока еще не более, как невежество с открытыми глазами!.. Сущность любой вещи, например, этого первоцвета, я познаю действительно тогда только, когда увижу ее во свете лица Творца ее, а пока это только чудесное звено в бесконечной цепи естественно-чудесных живых существ”.

Уэйндрь говорит: “Каждый слыхал о лучах Рентгена, и большинство людей видали их. Но, вероятно, лишь немногим известно, что открывший эти лучи – верный сын церкви” (католической).

О Пастере тот же ученый пишет: “Ни один из знающих что-либо о нем не сомневается в искренности его приверженности к католической вере”.

Мендель, великий биолог, был монах.

Известный ученый профессор анатомии Уэндрь Хольмс сказал: “Наука представляет собою мысль Бога, открытую человеком; изучая естественные законы, человек относит следствия их к их Первопричине, к воле Творца, или, по поэтическому выражению Гете, “природа есть живое одеяние Бога”.

Профессор патологии Г. Симс Вудхэд пишет: “Что касается утверждения, будто недавние научные исследования показали, что Библия и религия ложны, то нет ничего более далекого от фактической действительности, как это положение: чем больше изучают Библию, тем больше находят, что она состоит из документов исторических. Мало того: признано, что Библия, как повесть о бывшем, никогда не оказывалась неправой пред судом науки в поисках истины со стороны последней”.

Доктор медицины Патрик Мансон, известный автор исследования о москитах, говорит: “Из всех людей настоящий ученый, как неизбежно смиреннейший из смертных, есть вместе с тем и религиознейший”.

Джордж С. Боульджер, профессор ботаники и геологии, пишет: “Вы ссылаетесь на лектора, который сказал, что ученых-христиан в настоящее время не существует. Это – ложь, чудовищная ложь!.. В философии, физике и астрономии я чрезвычайно рад стоять на одной и той же стороне с Бэконом, Ньютоном и Наполеоном. Вместе с Бэконом я верю в то, что “малая” (поверхностная) философия склоняет человеческий разум к атеизму, тогда как “глубокая философия” приводит умы людей к религии. С Ньютоном я согласен “казаться” маленьким мальчиком, играющим на берегу моря и развлекающимся от времени до времени нахождением более гладких камешков или более красивой раковины, чем обыкновенно, тогда как “великий океан истины продолжает пребывать неисследованным передо мною”. С Наполеоном, не ученым, но зато человеком мировой деятельности, я сказал бы нашим неоэпикурейцам то же, что он молвил своим скептически настроенным офицерам, указывая на звезды: “Господа, вы можете говорить всю ночь, что хотите, но я все-таки спрашиваю вас: кто же сделал все это?” Вместе с Джоном Рэем я назвал бы изучение природы благоговейною обязанностью, благочестивым занятием, вполне пригодным для воскресного дня; нет ничего невероятного в том, что оно именно и станет делом дней отдыха в бесконечном будущем”.

Александр Р. Симпсон, доктор медицины, говорит: “Бог познается не телескопом и микроскопом, и, к счастью для вождей науки, многие из них достигали Богопознания путем веры”.

Г. Ланхорн Орчард, профессор философии и этики, пишет: “Чем больше я живу, тем больше встречаю доказательств полного согласия между Библией и наукой. В особенности умножились в наши дни археологические доказательства как непрерывное пояснение истины Священного Писания. Библия не только находится в согласии с установленными выводами науки; она содержит даже замечательным предварения таких

научных истин, которым сделались известны ученым лишь значительно позднее; таковы, например, научные открытия в книге Иова 26:7: “Он (Бог) рас простер север над пустотою, повесил землю ни на чем”.

Горас Ламб, профессор математики, говорит: “Насколько мне довелось наблюдать, никто из настоящих ученых не относится к нападениям на религию иначе, как с величайшим отвращением”.

Франсис Тарльтон, профессор физики и математики, пишет: “В науке, как и в религии, отрекаться от веры потому только, что с нею связаны некоторые затруднения, было бы настоящим сумасбродством. Каждый здравомыслящий ученый верит еще в светоносный эфир, хотя до сих пор еще никому не удавалось дать удовлетворительное и связное объяснение его природы”.

Доктор Андрей С. Д. Кроммелин, известный астроном, говорит: “Для объяснения происхождения жизни некоторые писатели сочиняют настоящие волшебные сказки, выдавая их за науку; Геккель в этом отношении отличается особенною задорностью”.

Джон Флеминг, профессор электротехники, имя коего неразрывно связано со многими применениями этой науки, пишет: “В Библии, взятой в ее совокупности, мы имеем труд, вернее сказать, – целую литературу, которую невозможно признать за произведение одного только человеческого разума”.

Но довольно выписок. В книге г. Табрума все звучат имена, для нашего русского слуха незнакомые, исключая разве немногих. Но все эти имена почтеннейших представителей науки: психологии, философии, физики, химии, геологии, биологии, физиологии, филологии, зоологии, анатомии, патологии, ботаники, антропологии, гинекологии и др. наук. Все это люди в своей стране уважаемые, а многие из них не безызвестны и среди наших ученых людей. Это – не то, что наши псевдоученые говоруны газетные, позволяющие себе без всякой проверки оглашать всякую тенденциозную, якобы научную, гипотезу, выдавая ее за последнее, и притом решительное, слово науки. Это поистине – “обозный арьергард при лагере науки”, как их назвал Александр Мэклистер. И пусть

бы это были обычные газетные писаки, работающие или просто из-за пятака, или же в угоду иудеям и масонам: жаль, что у нас на Руси развелось немало таких говорунов в угоду духу времени, из моды, чтоб не казаться отсталыми в глазах недалеких читателей, уже достаточно отравленных ядом отрицания. Есть, конечно, такие второразрядные ученые и на Западе, и в самой Англии: о таких именно и говорит доктор Кроммелин: “Что касается равнодушия и враждебности к религиозным верованиям со стороны некоторых людей, занятых научными исследованиями, то это происходит от гордости ума: наука во многих отношениях увенчалась такими изумительными успехами, что некоторые приходят слишком спешно к заключению, будто она может объяснить все”.

Гордость ума – вот причина заблуждений некоторых “занимающихся научными исследованиями”. И хорошо сказал о них настоящий ученый, что это – только “занимающиеся исследованиями”, но не решился назвать их настоящими учеными. При всем их трудолюбии, их ум бежит вперед и делает умозаключения, основывая их не на добытых фактах, а на фантастических предположениях, которые, при проверке их настоящими учеными, оказываются ошибочными. А между тем соблазн безбожия уже вносится в среду доверчивых людей и отравляет их. А газетные поденщики, вроде г. Меньшикова, не задумываются разносить яд соблазна повсюду, подслащивая его своим искусственным пером.

Мы живем в такое время, когда в область науки вторгаются лженаучники, имеющие совсем не научные цели. Это – слуги масонства, продавшие им и ум, и совесть. Их цель – разрушение христианства. Отсюда – целая школа всякого рода критики на Священное Писание, отрицания его подлинности; отсюда и все эти лженаучные теории безбожия; отсюда своего рода гипноз в печати, в обществе, какое-то внушение, будто христианство уже стало достоянием истории, будто теперь наука то и то доказала, то и то опровергла, будто теперь уже стыдно открыто признавать себя христианином, что это-де признак отсталости. А врагам Церкви все это и на руку: ведь иудеям и масонам только это-то и нужно. К глубокому сожа-

лению, у нас, в России, как будто никому и дела нет до этой разрушительной работы врагов веры и Церкви, врагов христианства и человечества. Тем ценнее появление книги, воплощающей в себе смиренный голос истинной науки за веру против неверия. Пусть это наука пока не русская: в вопросах веры несть иудей и еллин. Честь и хвала доброму человеку, который потрудился собрать отзывы верующих ученых; честь и хвала сим ученым, которые не постыдились открыто исповедать Христа; спасибо и русским образованным людям, которые перевели эту книгу на родной язык и дали ее в руки нашей молодежи, да и молодежи ли только?!. Ее с удовольствием прочтут все, искренно ищащие истины Божией в среде наших интеллигентов.

138. Верный послушник Матери Божией

В наше скучное верою и духом время как отрадно сознавать, что еще не совсем погас светоч духовной жизни на Руси, что еще не иссяк источник воды живой, текущей в жизнь вечную, в душах православных, что кое-где, – увы, как редко! – есть люди, духом живущие, Богу работающие, люди, в коих светится огонек благодатной жизни, искрится вера, как алмаз чистая и твердая, и они напоминают нам, что человек не есть животное, а есть носитель образа Божия, предназначенный к богочестию, к жизни в Боге и с Богом в вечности. Когда встречаешь таких людей на жизненном пути, то невольно как-то исторгается из сердца вздох благодарности к Богу, что не укрылись от тебя сии Божии трудники, что ты не только был их современником, но отчасти и собеседником, слышал от них много поучительного, хотя по лености своей, слышал не во спасение души, а в суд себе и осуждение. И скорбью сжимается сердце, что вот – сии рабы Божии совершили уже свой жизненный путь и ушли в путь всяя земли, в отечество небесное, самым отшествием своим поучая нас, своих ленивых современников, искать единого на потребу.

Одного из таких смиренных светочей монашества Матерь Божия возвзвала к Себе накануне Своего великого праздника – Успения, яко верного Своего послушника, всю жизнь свою Ей посвятившего, ради Ее земного жребия – святой горы Афонской – Отечество свое оставилшего, но, по Ее же указанию, за святое послушание, в иной Ее жребий, к пределам древней Иверии, посланного, чтобы там, у подножия Кавказских гор, омываемого волнами моря Эвксинского, создать Новый Афон – пречудную обитель, в ответ миру на его многопытливый вопрос: на что монастыри? – и во славу Церкви Православной.

Кто из русских иноков, внимавших судьбам русского иночества, не слышал имени отца Иерона как строителя новой обители – дщери старого Афона? Но и иноки не все знают, какой крепкий адамант деятельной веры был этот старец Божий.

Теперь, когда он ушел к Богу, можно нечто поведать во славу Божию, не смущая его смирения.

Он все, что делал, приписывал Богу и молитвам отцов, воля которых была для него священна, как воля Божия. За послушание пошел он на Кавказ; в совершенном отсечении воли своей совершил свой многотрудный подвиг строительства; всякую свою мысль он спешил поверить духовно-опытным советам старцев, и за такое всецелое послушание они не оставили его таинственным руководством и из загробного мира. Вот что в дружеской беседе однажды поведал он мне: покойный старец отец Иероним заповедал ему построить на Иверской горе храм в честь Матери Божией. Гора эта подходит с северо-запада к тому ущелью, в котором заключен горный поток плотиною для водопада. Время шло, мысль о храме на горе не оставлялась, но и не приводилась в исполнение: были все неотложные нужды по постройке главных зданий и соборного храма обители. Наконец, года два или три назад, является отец Иероним во сне о. Иерону и говорит: “Пора тебе, Иерон, строить храм”. – “Средств еще, батюшка, недостает”. – “Ну, Бог пошлет”.

Проснувшись, отец Иерон задумался: о каком храме говорит старец? На Иверской ли горе, или ином каком? И вот батюшка ему снова является, как будто уже на самой горе в той келье, где принимают посетителей, и снова говорит: “Не отлагай, строй Божий храм!”

Отец Иерон опасался, не мечта ли эти явления, но его небесный авва явился и в третий раз и уже строго приказал приниматься за постройку. И послушный старец не усомнился исполнить волю своего аввы: храм начат постройкой. В прошлом году, когда я посетил эту гору, старец весь занят был заботою о висячей электрической железной дороге на эту гору, чтобы подвозить материалы для храма. Посыпает Царица Небесная и средства для Своего храма. Так, в бытность мою у отца Иерона, когда не было у него ничего, некто из посетителей вручил ему триста рублей совершенно для него неожиданно.

Постройку величественной обители он также начал без средств, за святое послушание. Раз приходит к нему неизвестный богомолец и просит денег на дорогу. Старец,

отдавая ему последнее, сказал: “Господь велел: просящему у тебя дай: вот бери, что есть, но знай, что это – последние”. Тогда посетитель вынимает из пазухи документ и подает отцу Иерону: “Возьмите, батюшка, на построение обители: так Богу угодно!”

Это была жертва столь щедрая, что ее достало на все капитальные постройки! Прося на дорогу, благотворитель испытывал монашескую совесть старца Божия и был тронут его глубокою верою в Божий Промысел.

Там, где он был прав в своей монашеской совести, он умел настоять на своем, никого не обижая, не задевая ничьего самолюбия. Долго тянулся спор о том: строить ли монастырь на той полугоре, на коей он теперь красуется, или же – на старом месте, на берегу моря. По-видимому, колебались и афонские аввы, может быть, под влиянием толков о тех громадных расходах, какие были потребны при уравнении местности и других трудностях дела. Отец Иерон доказал “батюшке” своему, отцу Иерониму, что все удобства в будущем на стороне горы и что ради их не следует ничего жалеть, чтобы потом будущие обитатели монастыря не упрекали строителей его. При бывших в недавнее время изысканиях побережной железной дороги, инженеры наметили было линию ее в разрез всех владений монастырских, так что весь прекрасный масличный сад был бы уничтожен и многолетние труды иноков по возделыванию дикого участка земли пропали бы напрасно, а монастырь был бы лишен не только наилучшего своего украшения, но и доходности. Старец решительно восстал против такого безжалостного отношения гг. изыскателей и сказал: “Ведите, господа, дорогу по берегу, а сада нашего и не думайте касаться: до Государя дойду, к стопам Его припаду, умолять буду, чтоб обитель не давал в обиду, и надеюсь: Его Величество милостиво выслушает и исполнит просьбу старика!” И старца послушали, и дорогу предполагается провести по самому берегу моря.

Говорить о том, какой отец Иерон был хозяин, какой техник-самородок, администратор, если угодно, в некотором смысле политик – не стану. Все это – придаточное, а главное – это

крепость его монашеского духа, его постоянно живой пример, коим он, подобно всем великим отцам иноков, управлял братией: он первый являлся в храм Божий на все службы Божии, первый шел он на работы; с любовью он оберегал душу каждого молодого послушника, посыпая его туда и к тому, где были все благоприятные условия его духовного воспитания. Он, как духовно-опытный старец, умел утешить печального, умиротворить немирного, указать Божий путь заблуждающемуся. Он был всем вся, по выражению Апостола Христова. Он особенно чтил Матерь Божию и имя Ея произносил с благоговением. В день Ея всечестного Успения и он почил в Бозе, упокоился от трудов и подвигов, среди которых так ярко, так увлекательно горела пред Богом его дивная душа.

Уже получаются отклики скорбного чувства из разных уголков родной земли по поводу кончины отца Иерона. “С кем же мы теперь остаемся? – пишет мне, например, один добный пастырь. – Кто заменит нам те духовные маяки, те магниты, к которым так любили тянуться многие тысячи душ?”.

Да, мы сиротеем. Но если мы будем в покаянном чувстве поведать Богу свое сиротство, то Господь и смируется над нами, и призовет новых деятелей на ниву Свою, и пошлет нам добрых наставников и руководителей в жизни духовной. Разве возможно, чтоб Господь не послал таковых, если мы будем искать – искренно, нeliцемерно, ради славы имени Его и ради спасения душ наших? Не может быть, чтобы Тот, Кто сказал: “Просите и дастся вам, ищите и обрящете”, – может ли быть, чтобы Он отказал нам в едином на потребу – в том, ради чего Он и на землю к нам приходил, и кровь Свою пречистую пролил, и вся, яже ко спасению, нам Духом Своим даровал?..

Господи, призри на немощь нашу, не попусти волкам расхищать стадо Твое, посыпай нам мужей веры и духа. Да, окормляемые ими, минуем пучину искушений от плоти, мира и диавола, и вслед за ними, хоть самыми последними, войдем туда, где дал Ты место покаявшемуся разбойнику, блудницам, грешникам и всем, кто в сознании своего ничтожества, своей беспомощности духовной, ищет и жаждет Тебя, наш Спаситель и Искупитель!..

Кончина и погребение отца архимандрита Иерона

Отец архимандрит Иларион сообщает мне с Нового Афона некоторые подробности последних дней жизни и кончины в Бозе почившего старца, отца архимандрита Иерона.

“В средних числах апреля отец Иерон сделал поездку на вершину Иверской горы для некоторых распоряжений по заготовке материалов и всего необходимого к постройке там нового храма в честь Иверской иконы Божией Матери. Храм этот проектируется соорудить невдалеке от развалин нагорного древнего храма. Возвратиться оттуда к вечеру в обитель он не успел и принужден был заночевать там, в домике, устроенном для инока, надзирающего за часовней и принимающего посетителей Иверской горы. Недомогая пред этим немного, он, должно быть, еще простудился и возвратился оттуда больным, и притом настолько серьезно, что мы вынуждены были известить о его опасном болезненном состоянии преосвященнейшего Андрея, епископа Сухумского. Благостный владыка не замедлил прибыть в Новый Афон, и 20 апреля сам совершил над болящим Таинство святого елеосвящения, после которого безнадежно, казалось, захворавшему батюшке стало заметно легче; он начал оправляться в здоровье. Но преклонные лета батюшки и переутруженный годами жизни организм ненадолго позволили нам радоваться улучшению его здоровья: последнее вскоре же стало клониться к худшему, и все лето мы были в тревожных опасениях. Видимо для всех таял наш батюшка, как горящая свеча, хотя до конца духом был бодр. При общем упадке сил, страдания его, главным образом, были в области сердца, отказывавшего работать и требовавшего постоянно медицинской помощи. К августу упал вовсе аппетит. Раньше изредка батюшка вставал, ходил по комнате, а тут суровый недуг стал держать его уже неотходно в постели. Две последних пред кончиною недели он почти ничего не кушал, принимал только иногда полчашки чаю и понемногу миндального молока. Между тем, преосвященный Андрей был в отпуске, и угасающий старец с нетерпением ждал его возвращения; все справлялся у окружающих о времени его приезда. В августе батюшка приобщался святых Таин

ежедневно, после ранней литургии, и, отказываясь после 10 числа уже и от миндального молока, стал пить лишь изредка святую воду. Когда же, ранним утром 13 августа, дежуривший почти неотходно, при батюшке фельдшер сказал ему, что прибыл владыка в Новый Афон, большим своим истовым, как и всегда, крестом стал осенять себя старец, радостно повторяя: “Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Господи!”. Преосвященный не замедлил, сразу же по приезде, прибыть к больному. После обычных взаимных приветствий, старец прямо стал просить прочитать ему отходную. Эта просьба не могла быть преждевременною: фельдшер, незадолго пред этим, на вопрос батюшки о состоянии его здоровья, предупредил его откровенно, что все сильно действующие медицинские средства становятся уже бесполезными. Преосвященный на несколько минут сходил помолиться в храм, где в это время оканчивалось утреннее богослужение; потом оставался некоторое время со старцем, по его желанию наедине и уже после того прочитал канон на исход души и разрешительную молитву. Когда кончились в храмах ранние литургии, владыка отбыл в Сухум. А батюшка весь этот и следующий день лежал в кровати как будто в полу забытье; но, должно быть, его не оставляло молитвенное горение духа: он изредка истово крестился. Утром 14 августа он приобщился; вечером выслушал вечерню и акафист Царице Небесной. А когда уже в обители совершалось бдение Успению Божией Матери, вначале 11-го часа ночи, очевидно, предчувствуя кончину, стал просить, чтобы для него служили раннюю литургию в Вознесенской церкви, откуда в его комнаты имеется слуховое окно. А когда ему сказали, что раньше полуночи начинать литургию неудобно, и предложили приобщиться запасными святыми Дарами, он и на это согласился. Пред этим, по его желанию, одет он был в великую схиму и епитрахиль. Негласное пострижение в схиму он давно уже имел, но носил ее, как принято по нашему уставу, сокровенно, под рясой, выполняя лишь особое, обычное для схимников келейное правило. Приобщившись, батюшка принял немного размоченного в святой воде антидора и запил святые Дары; перекрестился, попросил снять епитрахиль, лег в

постель. Но духовник не успел еще докончить благодарственных молитв, после “Ныне отпущаеши раба Твоего” (знаменательно: и в храме, за бдением, в это время эту молитву пели) умирающий старец совсем слабым, едва слышным голосом попросил опять посадить его на кровати и в таком положении, обратившись лицом к востоку и устремивши сосредоточенный взор на святой крест, бывший в руках его духовника, тихо и мирно уснул вечным сном.

Погребение батюшки торжественно совершилось 18 августа, после заупокойной литургии. Служил преосвященный Андрей, епископ Сухумский, (накануне служивший и бдение заупокойное) с сонмом священнослужителей, при большом стечении детей духовных, почитателей батюшки и соседних русских поселян и туземцев. В монастыре, после отпевания, гроб обнесен был вокруг собора.

День был чудный, ясный. Тихо реяли в воздухе предносимые хоругви. Не смолкало протяжное надгробное пение, сливаясь с колокольными звуками храмов: соборного, Покровского и святого Апостола Симона Кананита. Погребальная процессия по дороге, масличным садом, медленно направлялась, спускаясь длинною вереницею, от нагорного монастыря к нижнему, а оттуда к храму святого Апостола Симона, близ коего, в приготовленной, по указанию самого покойного батюшки, могиле и нашло вечное упокоение его переутруженное многолетними беспримерными трудами тело. Литургия началась в этот день в 6 часов утра; погребение окончилось в 12 часов.

Медленно, с тихою грустью расходилась от могилы своего дорогого аввы братия, умироворенная духовно-светлым воспоминанием о блаженной кончине старца, утешенная совершившимся честным его погребением.

На литургии сказана была речь одним из соседних с обителью священников о значении батюшки как устроителя обители для православной верующей России и для местного края. Пред отпеванием прочувствованное слово говорил владыка о батюшке как старце духовном; а мое слово сказано по 6-й песни канона.

Батюшка был из государственных крестьян Костромской губернии; родился в 1835 году. В молодых годах жил в Петербурге; был доверенным приказчиком у одного богатого человека. Благодаря книжному чтению, получив неодолимое влечение к иноческой жизни, двадцати семи лет ушел на старый Афон, и в 1862 году поступил в Пантелеимонов монастырь. Там был он уже иеромонахом и казначеем. Но блаженной памяти старцы, архимандрит Макарий и иеросхимонах Иероним, в 1876 году послали его в Новый Афон, обязанный ему нынешним благоустройством. Во внимание к его беспримерным трудам, из высших наград он имел ордена Святой Владимира 3-й степени и Святой Анны 1 степени”.

Так свято почил великий старец-подвижник нашего времени! Как трогательно это совпадение момента его кончины с чтением в его кельи, у его постели, и пением в храме, на всенощном бдении, дивной молитвы великого евангельского старца-Богоприимца: *Ныне отпращаеши раба Твоего, Владыко!* Подобно оному дивному старцу, отец Иерон в сей великий момент восприял в святых Таинах Господа Иисуса, и сам душою своею был восприят Им в руце Его, сретаемый, веруем, Его Пречистою Материю.

139–140. Кто культурнее: они или мы?

Мы, русские люди, привыкли с детства считать западных соседей своих народами передовыми, культурными, просвещенными, хотя самий взгляд этот едва ли нам не внушен самими же европейцами, с самого появления нашего в истории смотревшими на нас свысока, как на варваров. Причиною этого было не только наша славянская кровь, – чехам, полякам и другим народцам нашего же славянского корня это если не совсем простили, то в значительной степени к этому сизошли, – а наше святое Православие: вот этого нам они никогда не простят! А ведь если ближе посмотреть, поглубже вдуматься в суть дела, то гораздо больше имели бы мы прав “гордиться” пред господами европейцами, чем они пред нами: у них понятия нет о том духовном сокровище, каким мы владеем и за которое они нас ненавидят какою-то стихийною ненавистью, часто даже бессознательно, слепою, бессмысленною! Да, мы могли бы гордиться своим Православием, если бы только само Православие допускало хотя тень такой гордости.

И ведь вот что достойно внимания: гордясь и унижая нас, наше православное миропонимание, люди западной культуры только сами себя унижают в наших же глазах. И с жалостью смотришь на эту вознесенную гордыню западного человека, который, к сожалению, часто просто не способен отнестись беспристрастно, вдумчиво к нашему православному миросозерцанию, что, казалось бы, уж и не к лицу тому, кто считает себя культурным и якобы просвещенным человеком. Как-то вчуже жаль таких людей, когда, по мере ближайшего с ними знакомства, их культурность постепенно линяет, золото обращается в мишуру, а вместо сознания своего истинного достоинства является вот именно превознесенная гордыня.

Не знаю, как другие, а скажу про себя: мне как-то не хотелось расстаться с тем представлением о латинской вере, в каком, смею думать, воспитала меня мать моя – Церковь Православная, в лице ее лучших представителей, пастырей и

учителей, вроде нашего великого Филарета. Мне все думалось, что если мы относимся к латинству с некоторым уважением, если мы не решимся никогда оскорблять святынь его, хотя и не чтиим их сами за святыни (если только это не общие наши святыни), то мы вправе ожидать и от них такого же уважения к нашим православным святыням. Я не стану лобызать латинское распятие не только потому, что оно не освящено молитвою моей матери-Церкви, но и потому, что лобзание латинской святыни могло бы быть принято за общение в молитве, чего Церковь мне не дозволяет. И, однако же, я не допущу и мысли о поругании над изображением моего Господа и долгом почту, если бы встретилась надобность, защитить его от такого поругания. Я не буду молиться на латинский костел, но и не стану плевать на него. Если угодно, я простру мой “фанатизм” до того, что плюну на те изображения Будды, которые, говорят, привезли в нашу несчастную столицу, благодаря трогательным заботам строителей идольского капища, среди коих есть даже некий князь, – плюну на эти бездушные вещи, чтобы выразить мое презрение к самой идее идолопоклонства, подобно тому, как делали это св. мученики Христовы, как поступили наши предки – киевляне, бросившие Перуна в волны Днепра; но оскорблять вещественную святыню латинян я себе не позволю. Ведь многие их святыни могли бы быть и нашими святынями. Ведь изображение Господа моего Иисуса Христа, писано ли оно для латинян или для православных, напоминает мне не кого другого, как именно Его, моего и всего мира Спасителя. И такое мое отношение к инославной, латинской святыне не будет недостатком ревности о Православии с моей стороны, равно как и мой плевок на идолов Будды не будет фанатизмом в отношении к языческому предмету почитания.

Что такое в своей сущности фанатизм? Это есть искажение ревности по вере, ревности, лишенной разума и любви. Где нет разума, там является безумие; где нет любви, там живет ненависть. Я почту грехом кощунства, если позволю себе издевательство или кощунство над латинским распятием, и строго осужу латинянина, если он дерзнет оскорбить нашу святыню. В идее и у меня, и у него святыня одна и та же. Мы и

должны оба относиться к ней разумно, хотя в исповедании веры не сходимся. Так, кажется, когда-то и было: латины, отбирая у православных их святыни, например, Ченстоховскую икону Богоматери, и сами почитали их за святыни. И в наших храмах немало икон и распятий, отобранных у латинян и чтимых в нашей Церкви. Другое дело – идолы: я не могу забыть слов Апостола Павла, что язычники, принося жертву идолам, бесам приносят жертвы, а следовательно, идол уже не простая кукла, по идеи, а “бес”, относительно которого Церковь, при самом крещении, нам заповедует: и дуни и плюни на него. Я не желал бы даже иметь пред своими глазами изображение его, всего того, что мне может напоминать этого врага Божия, и потому ненавижу идолов, плюю на них. Так рассуждаю я, православный архиерей. И мне всегда казалось, что западные христиане, гордящиеся своею культурой, всюду проповедующие гуманизм, терпимость и считающие нас варварами, некультурными дикарями, должны нам давать пример, если уж хотят удержать за собою репутацию культурных и просвещенных людей, пример терпимости в отношении к нашим православным святыням. Мы не оскорбляем и не можем, по нашим убеждениям, оскорблять их христианских святынь: пусть и они относятся к нашим православным святыням, к нашей православной вере с такою же терпимостью, тем более что ведь они все пред нами хвалятся, будто лучше нас понимают дух христианства.

Увы! Чем дольше живешь, чем больше знакомишься с духом пресловутых западных христиан, тем больше разочаровываешься в них. И наоборот: чем глубже вникаешь в дух и сущность нашего святого Православия, тем больше любишь его, любуешься его величием, духовною красотою, непорочною чистотою и от всего сердца благодаришь Бога, что родился православным, что с колыбели обладаешь этим неоцененным сокровищем, и исповедуешь, что воистину только наша чистая, богопреданная вера, при Божией благодати ей содействующей, ее просвещдающей, есть носительница в совершенстве заветов Христовых, воспитательница духа Христова в тех, кто носит на себе имя Христово.

И слава Богу за все это!

Минувшей весной в Государственной Думе и в Государственном Совете проходил закон о Холмской Руси. Положение этой древнейшей части Русского народа обсуждалось со всех сторон. Вопросы исповеданий, конечно, были также глубоко затронуты. И поверите ли, читатель? Пришлось ознакомиться с такими невероятными явлениями кощунства, изверства со стороны латинян по отношению к Православию, о коих не было возможности не только говорить с кафедры, но даже и излагать на бумаге всеми буквами. В рукописи во многих местах среди слов стояли точки, а по оставленным буквам представлялось читателю самому угадывать опущенные буквы. Думаю, этого довольно, чтобы понять, какою злобою, непримиримою ненавистью диктовались нетерпимые даже бумагою слова поношения латинян по отношению ко всему, что благоговейно чтится православными. Я могу удостоверить, что все эти кощунства засвидетельствованы в делах судебных учреждений того многострадального края, о коем шло дело в наших законосоставительных учреждениях. Я отметил у себя даже номера этих дел. Каково же бывает искренно преданным сынам православной Церкви слушать все эти поношения! Я, конечно, не стану выписывать здесь тех обрывков непечатных слов, коими ревностные латины поносят наши святыни, но не могу для иллюстрации не привести несколько примеров того издевательства над православными, на какое так щедры истовые “католики” по отношению к православным.

Известно, что нашу веру православную они называют “Пся вера”, собачья вера, говорят, что она – паршивая, произошла от куколя, который посеял ч., а католическая – из пшеницы, которую посеял Бог. Она вонюча, как деготь. Православные священники – собаки, люциферы, кадят лошадиным пометом, “мируют” тем, что нахаркают и насморкают, причащают... нет, не могу повторить этого богохульства! Рука отказывается выписывать даже то, что изображено в судебных актах полными буквами!

Но не словами только, но и делом проявляют свои издевательства латины. Так, один нанес кнутом удар в лицо

православному священнику, другой направил лошадь прямо на несшего хоругвь крестьянина; там латины лают по-собачьи на православных, здесь пляшут под звон православных колоколов. В одной православной церкви, в Великую Пятницу нынешнего года, выкрали плащаницу и подменили ее... дохлою собакою!

Скажут, может быть, что все это – некультурные люди проделывали: с них нельзя строго и взыскивать. Но, во-первых, я вот о том-то и говорю, что у нас, у православных, все это немыслимо, хотя мы сплошь “некультурные”, а там руководящие слои, сливки общества считаются, по крайней мере среди поляков, людьми более наших интеллигентов религиозными, и могли бы воздействовать воспитательно на массы простых людей, но действуют, как известно, в обратную сторону, разжигая безумный фанатизм; во-вторых, разве “некультурные” люди травили лисицу в православном храме? Разве некультурный человек, например, граф Тышкевич, засевал пшеницей место православного алтаря и не позволял православным даже осмотреть это место? Разве не представители западной культуры ставят православных в безвыходное положение, требуя отречения от Православия, ради получения куска наусущного хлеба? Допустят ли что-нибудь подобное наши простые крестьяне в отношении к латинам? Позволят ли себе, например, стрелять в латинский крест, как стрелял один поляк в крест православный, приговаривая: “Говори, какой ты бог: русский или польский”, и далее слова, коих я опять-таки не решаюсь здесь приводить?

И невольно думаешь: не в этой ли невозможности приводить в печати разные нестерпимые богохульства и кощунства латин и заключается их темная сила? Когда начинаешь говорить с людьми незнающими дела, им просто кажется невероятным то, что говоришь. Мне самому казалось невозможным допустить, чтобы именующие себя христианами позволяли себе такие кощунства, казалось дотоле, пока я документально не убедился в подлинности показаний из документа официального происхождения со всеми ссылками на подлинные судебные акты. И мне невольно припомнился наш безбожник граф Толстой; никакая цензура не могла пропустить

его богохульных выходок в печать; мы, верные сыны Церкви, читая их в подпольных изданиях, возмущались ими, ужасались, страшась гнева Божия не только на богохульника, но и на тех, кто имеет у себя его богохульные писания. А большинство русских людей, слепо поклоняющихся его художественному таланту, вовсе не зная о его богохульствах, удивлялись нам, за что мы его осуждаем, за что Церковь отлучила его от общения с собою. Когда же мы указывали им в словесных объяснениях на богохульные выходки изувера-графа, нам не верили, готовы были обозвать нас клеветниками на графа. Явилась, наконец, известная брошюра миссионера И. Г. Айвазова “Кто такой граф Толстой?” Но цензура ее конфисковала и сожгла, как содержащую в себе богохульства, а автора едва не сослали в Сибирь. Спасло его, кажется, только то, что брошюра предварительно напечатана была в “Церковных Ведомостях”: для мирских представителей правосудия стало ясным, что повторение некоторых – и то только некоторых – хулений Толстого, с целью их изобличения, не есть богохульство. Тем не менее, брошюра и теперь запрещена, хотя лучшего отрезвляющего поклонников Толстого средства едва ли можно найти. Вот то же могло бы случиться, если бы кто выбрал из упомянутых выше актов издевательства и кощунства латин, а поискать – так найдется немало издевательств над Православием и у баптистов, молокан, вообще лютеран и всяких сект рационалистических, и кто напечатал бы их с целью обличения; его, несомненно, привлекли бы к ответственности, а его брошюру сожгли бы, несмотря на всю свободу печати.

Не то, не то, к счастью нашему, мы видим в нашем православном народе. Я не говорю уже о веротерпимости нашей власти в отношении ко всем исповеданиям: Невский проспект тому доказательство. Лучшая улица столицы украшена храмами всех исповеданий христианских: тут и армянская, тут и католическая, тут и реформатская церкви. А наши храмы за границей, говорят, кроются где-то в предместьях и переулках. Я хочу сказать, что в простом нашем народе веротерпимость его прямо поражает беспристрастных иностранцев. Мне приходилось слышать от сих последних удивление: как наш

народ радушно и гостеприимно встречает иноверцев, коим приходится искать ночлега в деревне. Не только приют дадут, но и позаботятся: сыт ли гость дорогой, да и что он кушает. “Знаю, – говорил мне один англичанин, – что у вас пост, да еще Великий; не только мяса, но и молока не едят; а мне предлагаю: “Ты скажи, что кушаешь? Не хочешь ли, курочку для тебя приготовим. Правда, у нас пост, но а по твоей вере видно не грешно – кушай на здоровье!” И это говорят те, которые и в мясоястие сами-то курочек не кушают никогда. Станут ли эти рабы Божия издеваться над латинским распятием, над костелом, кирхой и т. п.? В Западной Европе, да и в Америке, даже нам, архиереям, не везде удобно показаться в своем духовном своеобразном одеянии, а у нас и латинские патеры, и даже татарские муллы ходят свободно, и никто не позволит себе ни малейшей шутки над ними. В пресловутой Финляндии плюют на нас, на духовных: слыхано ли что-нибудь подобное у нас, на Руси, в отношении к инославным духовным лицам?.. И достойно особенного внимания вот что: в то время, как инославные смотрят с пренебрежением на нас, с какою-то брезгливостью духовной... как на еретиков, мы, православные, смотрим на них с снисходительной любовью, как на заблуждающихся: “Не ведят, что творят!” Не знают истины, а если бы познали, если бы захотели познать, то давно бы стали православными.

Итак, кто же культурнее? Кто глубже воспринял дух Христова учения: мы или они, гордые своею просвещенностью, своим прогрессом европейцы? И стоит ли нам, владея таким сокровищем, как наше Православие, гоняться за их культурой? Не следует ли нам ревностнее приняться за изучение и усвоение того сокровища, какое нам Бог дал с колыбели, но коего мы, к стыду нашему, не знаем во всей его духовной красоте и благодатной силе даже доселе?

А ведь если глубже вдуматься в дело, то окажется, что вся эта ненависть, все это презрение культурного европейца и обращены именно на Православие: за Православие не принимают в свою семью европейцы и наших братьев по вере – славян: ведь и поляки, и чехи и другие народцы славянские,

изменившие Православию, давно считаются народами культурными, а вот мы, русские, болгары, сербы, даже греки – уж, кажется, на что еще древнее, по культуре, народ? – мы все за то, что мы православные, считаемся среди европейцев за каких-то полудикарей, коих, видите ли, надо еще просвещать, в веру христианскую обращать, и вот латины хотят нас обратить к папе Римскому, а лютеране – к своему Лютеру. Они не понимают, не могут понять, что в Православии лежит основа новой, им неведомой культуры, заключаются начала нового, или, лучше сказать, древнего христианского миропонимания и миросозерцания в области как доктрины, так и нравственного учения.

И в то время, как у них, западных, все основано на началах человеческой правды, началах юридических, у нас все строится на началах нравственных, Божественных. Оттого все у них пропитано, в самых основах своих, гордынею и самоценом, а у нас все зиждется и расценивается началом смирения и духом любви во имя Христово.

Апостол Павел говорит о тайне беззакония, которая уже совершается в мире. Кто инициатор этой тайны, этой гибельной деятельности ее? Конечно, сатана, исконный враг Бога и людей, человеконенавистник и человекоубийца искони, он питается злобой и ненавистью и всюду сеет их, обольщая людей якобы ревностью о вере, о правде, о благе людей. Известно из слова Божия, что первый грех сатаны – его гордыня. Ею он стремится заразить и людей. И конечно, там, где царит в душах гордыня, там не может быть духа христоподражательного смирения, там нет и духа любви, Христом заповеданной. По сим признакам мы можем познавать: от духа ли Христова исходит эта мнимая ревность о вере, выражаяющаяся в фанатическом издевательстве инославцев над нашими святынями, над нашею верою? Не деется ли и тут тайна беззакония, Апостолом усмотренная, и не смеется ли враг рода человеческого над теми, именуемыми христианами, ослепляя их ненавистью к чистой истине Христова учения и не допуская познать ее, а напротив, стараясь отвратить от нее, если возможно, самых ее исповедников? И вот, вместо того, чтобы идти к язычникам и

магометанам, чтобы проповедовать им Христово учение, латины и всякого рода протестанты спешат посыпать к нам своих миссионеров, будто мы язычники, и воображают, будто великое дело делают, совращая православных в свои заблуждения.

Если бы эти неразумные ревнители своих верований строже в своей совести отнеслись к своим поступкам, ко всему своему поведению в отношении к Православию, то – кто знает? – может быть, совесть пробудила бы в них и дух смирения, и они стали бы способны восприять и дух Православия и полюбили бы нас, как братьев, и рядом с нами стали бы на борьбу с деятелем тайны беззакония. А теперь, увы, они не во имя Христово работают, понося наше святое Православие и, повторяю, только себя унижают в наших же глазах, ибо нам-то видно ясно, чьим духом руководятся они.

141. Таинственный институт

По рукам ходит и рассыпается – преимущественно купцам, фабрикантам, богатым аристократам, вообще, людям состоятельный, брошюра: “Научный институт в Москве”. На некоторых экземплярах заглавие от руки исправлено: “Московский научный институт в память 19 февраля 1861 г.”. После краткого предисловия она содержит “Проект устава общества Московского научного института”, “Проект физического института на 25 человек, занимающихся самостоятельными научными исследованиями”, и две примерные сметы на постройки и оборудования биологической лаборатории и химического института на 25 человек. В предисловии заявляется, что задача института исключительно ученая, а не учебная.

“Это – основная мысль задуманного учреждения, закрепленная в проекте устава особою статьей, не допускающей изменения выполнения. Это – учреждение типа академии наук, подобное институту Пастера в Париже”.

Казалось бы остается только сказать: “Бог в помощь умным русским людям в добром деле!” Тем более, что они, эти пока неведомые предприниматели, настойчиво заявляют, что их начинание есть “первая попытка в нашем отечестве создать учреждение, ставящее своею целью исключительно поддержание науки. Чуждое по самой своей природе каких бы то ни было политических стремлений, оно предназначено служить только чистому знанию”... Но...

Мы живем в такое время, когда всюду и везде приходится подозревать это “но”. Ныне время широкой гласности, так, по крайней мере, нас уверяют представители этой гласности: ничего не должно быть секретного, особенно всякое доброе начинание должно быть широко оглашаемо, дабы каждый мог принять в нем участие. Но в данном случае предприниматели что-то слишком скромничают: рассылают проекты свои только людям состоятельный, и невольно думается: не ловят ли их на удочку, тщательно прикрывая тайные цели свои? Да и газеты о

таком важном предприятии что-то упорно молчат, будто по соглашению какому.

Далее. Кто инициаторы дела? Обычно, призывая общество к участию в таком начинании, добрые люди, коим скрывать нечего, не скромничают, а прямо ставят свои имена. Тут, в брошюре, нет ни одного имени, не только сколько-нибудь известного ученого русского, но и никакого – ни под предисловием, ни под уставом. Все какие-то таинственные незнакомцы. Впрочем, будто нечаянно, проскользнуло одно, только одно имя участника, и то не под устройством, не под проектом, а под проектом сметы, и это – имя известного забастовщика-иудея в Московском университете, некоего профессора, (а может быть, и не профессора) Мензбира. Под его председательством составлена группой, можно предполагать, его единомышленников, смета на лабораторию по биологии. Для нас, русских людей, достаточно этого имени, чтобы угадать, откуда ветер дует: кто сии радетели чистой науки.

Я уже отметил, что почему-то предприниматели особою статьей подчеркивают якобы “основную мысль”, что это учреждение ученое, а не учебное. Вот, буквально, что говорит эта вступительная статья: “Общество Московского научного института имеет задачей разработку научных вопросов по всем отраслям знания и оказание содействия лицам, желающим производить научные исследования в какой-либо области”. Невольно спрашиваешь: если по всем отраслям знания, то значит и по богословским? А что если во главе всего дела будут стоять гг. Мензбира? Нас уверяют, что это учреждение будет служить только чистому знанию, что оно “чуждо по самой своей природе каких бы то ни было политических стремлений”; но... можно ли поверить, что гг. Мензбира, “пожертвовавшие” своим положением и даже своим казенным жалованием во имя своих политических убеждений, отрекутся от “политики”? Не приложимо ли, напротив, именно к таким господам слово Писания: “еда эфиоп изменит кожу свою или рысь пестроты своя?”. И невольно возникает новое предположение: да не для вот таких ли господ Мензбиров, потерявших место в

университетах и оставшихся не у дел, благодаря нашему неустранимому г. министру просвещения, и затевается “ученый” институт?.. К такому предположению приводит и то соображение, что институт предполагается устроить как бы независимо от государственного надзора, на средства частные, так сказать, в складчину, как будто само государство у нас скupится на ученые учреждения: давно ли оно дало целых 16 миллионов на новый Саратовский университет, польза коего пока очень сомнительна?.. Нет, нужна, видите ли, независимость.

Я сказал, что согласно основополагающего параграфа устава, в силу коего институт будет заниматься всеми отраслями знания, возможно, что анонимные “ученые” займутся и богословием, в духе г. Брихничева, который объявил, что “религия заповедей есть рабство”, что “заповеди суть зло”, а может быть, пойдут и дальше: будут исследовать спиритизм, всякое колдовство, ведь ныне чего не покрывают наукой, клевеща на нее, бедную, всячески?.. Ныне, по свидетельству авторитетного ученого, А. А. Тихомирова, в результате дехристианизации науки проявляется в ней даже и хулиганство. “Что такое, – говорит он, – в самом деле, как не акт хулиганства – издание венским профессором Геккелем его книжки “Мировые загадки”, книжки одновременно и кощунственной, и невежественной? Сей Геккель на одном из международных “научных” конгрессов поставил в заслугу науке то, будто бы она уже нисровергла идею личного Бога и идею свободной воли человека: такое утверждение нельзя, конечно, иначе назвать, как дерзкой бессмыслицей”. Однако же, было невозбранно сказано Геккелем пред лицом конгресса, на который, заметим, он был приглашен в качестве почетного докладчика, воззрения которого, несомненно, хорошо были известны тем, от кого последовало приглашение. “Мне кажется, – говорит почтенный А. А. Тихомиров, – сказанного достаточно, чтобы видеть, какое ужасное время переживает наука и в какой опасности в этом отношении находится школа”.

Видите: целый “научный” конгресс не посмел остановить безумца, несмотря на всю нелепость его утверждений. Кто же,

какие “ученые” были на этом конгрессе? Да вот, не эти ли, что хвалятся: “Мы затронули юрисдикцию, выборные порядки, печать, свободу личности, а главное, образование и воспитание как краеугольные камни свободного бытия. Мы одурачили, одурманили и развратили гоевскую молодежь посредством воспитания в заведомо для нас ложных, но нами внушенных принципах и теориях”.

Мы многому научились за последние годы. Мы решительно теперь не верим – мы были бы глупы, если бы поверили представителям якобы науки из левого лагеря, особенно каким-то анонимам, которые, кажется, чуют, что их имена откроют весь секрет их масонской затеи. Мы уже видели немало “лиг”, под разными наименованиями, возникших у нас, в России, в последнее время. Мы знаем хорошо, кто устраивает эти лиги на гибель России. Почему мы не можем не предположить, что и тут дело нечистое? Пусть откроют свои забрала гг. учредители, пусть не скрывают своих имен! Будут ли то имена русские или инородческие, мы, может быть, узнаем, с кем имеем дело, кто так усердно заботится о чести русского имени, о русской науке.

А пока, русские люди, берегите свои капиталы: зачем их бросать на ветер?

Нашим читателям

Известный моим читателям редактор-издатель еженедельного листка “Свет истины”, обругавший меня “псом, бессмысленно лающим”, “сатаною”, “сыном диавола”, Илья Алексеев, поведает теперь своим читателям, что “суд Божий наказал обидчика (т. е. меня) пожизненным лишением трудоспособности, а суд человеческий наказал обиженного (т. е. его, г. Алексеева) заключением под стражу на 6 недель”. Что разумеет он под “ лишением, да еще пожизненным, трудоспособности” – Бог его ведает. Вероятно то, что я, по слабости моего здоровья, просил Святейший Синод уволить меня от управления епархией, на что Святейший Синод милостиво и соизволил, но тогда же ему было благоугодно не только засвидетельствовать о моей “трудоспособности”, но и использовать оную назначением меня постоянным членом сего высшего церковного учреждения. Милостью Божией

укрепившись силами, я возвращаюсь в Петербург, чтобы принять участие в занятиях Святейшего Синода и Государственного Совета, и надеюсь, при помощи Господа, посвятить свои силы, на свободе от дел епархиального управления, служению Церкви Христовой тою “трудоспособностью”, которой, милостью Божией, я еще не лишен, как говорит г. Алексеев. Со свойственною только сектантам нетерпимостью и дерзостью он предвосхищает себе “суд Божий” и – смею сказать – дерзает клеветать на Самого Господа Бога, якобы лишившего меня трудоспособности в наказание за мое предупреждение читателей относительно его, г. Алексеева, которого и С. Синод, в своем определении от 13–23 апреля сего года за № 3089, признал одним из “главных распространителей киселевской секты”. Будем надеяться, что “молодой иерей”, которого, по словам г. Алексеева, “Господь прислал к нему”, разъяснит ему, как опасно становиться на сторону сектантов и предвосхищать суд Божий, да еще над епископом.

Прошу моих читателей и сотрудников “Троицкого Слова” все письма, касающиеся литературной стороны издания, с 10 октября направлять по адресу моему: Петербург, Александро-Невская лавра, а касающиеся хозяйственной стороны сего дела (т. е. подписки, высылки журнала и других изданий Сергиевой Лавры) – в редакцию “Троицкого Слова”, Сергиев Посад, Московская губерния, Лавра.

Кстати: контора редакции просит меня предупредить читателей, чтобы желающие возобновить подписку на будущий год благоволили высыпать оную заблаговременно, во избежание замедления в высылке, вследствие скопляющихся в конце года требований. Условия подписки – те же.

142–143. С чего начинается измена родным заветам?

1

Я закончил свой дневник о том, – “Кто культурнее: они или мы?” и уже послал рукопись в редакцию, когда мне пришлось прочитать в одной рукописной автобиографии, половины прошлого века, следующие строки: “Да, большой недостаток в русском высшем обществе, что там мало ценят милость Божию, что родились в православном исповедании. То, что человеку с прекрасными качествами, благородством и ученостью, но родившемуся в католичестве или протестантстве еще потребно изучать, познавать, углубляться и разбирать, то православный уже имеет без всяких усилий, внедренное в сердце своем, всосанное с молоком матери своей, как бы сросшееся с ним и приобретенное без всяких трудов и усилий. Но, видно, правду говорят, что то, что получено без всяких трудов и усилий, то так мало и ценится! Если бы этим началам Православия давали развиваться и укореняться, каких бы они не принесли благодатных плодов! Но они оставляются пренебреженными, засариваясь разным хламом лжемудрований, лжеумствований, ложных мнений; человек, между тем, узнает, что есть христианские же религии, которые смотрят снисходительнее на слабости человеческие и даже потворствуют им, не стесняют ни долгими молитвами, ни постами, ни воздержанием порывов плоти и крови; и вот, рожденный, но не укоренившийся в Православии, соблазняется мнениями, чуждыми православию, наконец становится равнодушным к религии своей – дотоле, пока милующая Десница Всевышнего не образумит его своими наказаниями”.

Это пишет человек светский, офицер, воспитанный в среде светского общества того времени и видевший главную причину зла в том, что у них, т. е. в этом обществе, было так много гувернеров и гувернанток, мадам и мамзелей, что дядя автора говоривал: “Когда это моя Европа разъедется?..”

Прошло с того времени, о коем говорит автор, сто лет, но “мадамы и мамзели”, гувернеры и гувернантки-иностранны не составляют ли и теперь необходимой принадлежности в деле воспитания детей нашего не только интеллигентного, но и полуинтеллигентного общества? Не говорю уже о дворянских семьях: даже у купцов, которые сами нигде не учились, из мужиков вышли, около их детей увиваются уже француженки и немки, а иногда и англичанки, без новых языков, видите ли, обойтись нельзя, а им выучиться без этого рода педагогов очень трудно. И вот ребенок в самом златом расцвете детства отдается на руки этим “европейцам” – ради того только, чтобы была использована его в высшей степени восприимчивая память для изучения чужих языков. Родители не понимают, какою дорогою ценою они покупают легкость для их дитяти изучения иностранных языков; они не понимают, что, сами того не сознавая, поручают этим чужим людям не только разрушать некие малые зачатки православного миросозерцания, но незаметно, может быть, даже бессознательно, – кто поручится, что в иных случаях и сознательно? – строить в детской душе неправославное миросозерцание? Если русская безграмотная няня имела и, без сомнения, имеет и теперь такое великое значение в воспитании Пушкиных и других великих русских людей, то как отрицать влияние на весь слагающийся строй души ребенка всех этих мамзелей и мадам?.. Не они ли первые, повторяю, может быть, непроизвольно, первые закладывают в душе будущего нашего интеллигента семена преувеличенного уважения ко всему западному, неправославному и пренебрежения к родному, православному? Не вследствие ли общения с ними наши дети еще с отрочества начинают пренебрежительно относиться к заветам старины родной? Хорошо, если сами родители строго держатся этой старины, как например, держались ее родители автора вышеприведенной выписки. Вот что говорит он в своих записках: “У покойного деда моего всегда производилась на дому служба весь Великий пост, даже без священника, который приглашался только на первую и Страстную седмицы, на все годовые праздники, во дни нарочитых святых и на все воскресные всенощные; мой отец, не

желая изменять порядка своего отца, имея уже и детей, также три недели справлял службы Великим постом и все праздники. Так дошло и до меня. Прочие братья и сестры этого уже не помнят: они были очень малы, а я обыкновенно читал сам вечерни, повечерия, полунощницы и утрени дома, при крестах, и в церкви часы, а бабушка почти каждый день заезжала к матери, возвращаясь от обедни из Лебяжского Троицкого монастыря, в котором она и погребена". Но то было почти сто лет назад; теперь едва ли найдешь такую семью не только в высших сословиях, но и в купеческом и мещанском. И растут детские души вне той духовной атмосферы, которая называется церковностью, и обвевают их другие веяния, Церкви чуждые, ложатся на нежное детское сердце другие впечатления, незаметно, но прочно создаются другое миросозерцание.

II

Дети! Какое бесценное сокровище вручает нам Бог в лице малых сих! Не напрасно детские души называются ангельскими: из святой купели крещения наши дети выходят чистыми, чуждыми греха прародительского, невинными существами. Вспомните слово Христово: "если не будете и сами как дети, то не внидете в Царствие небесное". Ведь о детях Господь сказал и сие: "ангелы их всегда видят лицо Отца Моего Небесного". Где дети, там и Ангелы Божии. Как же должно беречь это сокровище – детскую душу!..

А мы что с нею делаем? С первых шагов сознательной жизни, лишь только ребенок начинает лепетать, мы спешим отдать его на руки людям, чуждым нам и по духу, и по языку, и по всему их нравственному миросозерцанию. Дитя еще не научилось, как следует, называть окружающие его предметы, как в его невинную головку уже засевают французские, немецкие, английские фразы. Родители не хотят подумать хотя бы о том, что русское дитя ведь при таких условиях и мыслить будет не по-русски. Покойная Анна Феодоровна Аксакова в своих умных, философски обдуманных беседах не раз мне жаловалась, что затрудняется "думать по-русски": с детства привыкла говорить по-немецки и думать по-немецки. Случалось, что эта высокообразованная русская женщина не без труда

подыскивала русские слова для выражения какого-либо отвлеченного понятия в области предметов возвышенных. Но она не виновата, что ее отец жил большею частью за границей, в Германии, хотя надо ему честь отдать: знал в совершенстве русский язык и умел воплощать в нем свои чудные поэтические произведения.

Имею основание, и кроме общих суждений, сказать, что иностранцы, допущенные к нашим детям, вредят и самому главному – они незаметно посевают в них свои религиозные воззрения. Понятно, что атеист не может говорить о Боге с должным благоговением. Но так же понятно, что фанатичная католичка найдет и время, и случай внушить ребенку свои понятия о чистилище, о непорочном зачатии; она с деланным благоговением говорит ему о “святом отце”, о “сердце Иисусове” и пр. Хорошо, если умное дитя спросит своих родителей: как относиться к таким непрошенным урокам? А если не спросит?.. Невольно задумываешься над вопросом: что это значит, что даже коренные русские семьи, вроде купцов Абрикосовых, вдруг ни с того, ни с сего ушли в латинство? Кто их подготовил к сему? О, конечно, патеры-иезуиты не упускают случая поймать в свои сети наших младенчествующих в вопросах богословия интеллигентов; но впереди патеров, очень вероятно, шли усердные их послушницы – мадамы и мамзели. С давних пор наше купеческое сословие отличалось от других интеллигентных сословий большею религиозностью; правда, в последнее время, и оно пошло за интеллигентами из других, отравленных иудейской печатью, сословий и даже в иных случаях опережает их; а все же в среде купеческих семей можно еще встретить людей, искренно верующих в Бога, не забывающих и единого на потребу. И вот сюда устремляют взоры латинские пропагандисты, здесь ищут себе поживы. Как же надобно беречь детей от этих алчных взоров, от всяких гувернеров и гувернанток, мадам и мамзелей, бонн и репетиторов!

Меня поражает эта преступная беспечность – не говорю уже о вере, о спасении души, а хотя бы только о благе своей родины, о том, чтоб чужеземцы не захватили в свои руки то, что

веками накапливали отцы наши, не заставили нас быть батраками на них, не издевались над нами, как глупыми, презренными неграми, из которых можно делать все, что им будет угодно! А ведь если мы будем так беспечны и вперед, то недолго и до этого. Нашей интеллигенцией будто какой-то гипноз овладел: вот непременно, во что бы то ни стало быть европейцами, во всем походить на них, усвоить их идеалы, их формы жизни, их языки, даже их платье, манеры, привычки. А того не видят люди русские, что европейцы только смеются над этим, только презирают нас еще больше, как париев, как некультурных дикарей. И особенно это на руку заклятым врагам Христовым – иудеям и масонам: они руки потирают от радости, им это-то и нужно. И всеми мерами они стараются содействовать этому гипнозу, всего больше боятся, как бы не очнулись русские люди, не вспомнили заветов предков своих благочестивых. И вот, захватив в свои руки печать, они всячески внушают, что этот гипноз есть явление в высшей степени отрадное, как признак культурности, прогресса, победы над мракобесием, торжества цивилизации. Что мы – невежды, что мы во всем, решительно во всем отстали от Европы, что стыдно нам быть православными, что христианство “сыграло свою роль в истории, отжило, умирает”, – все это изо дня в день, под разными видами, внушается иудейской печатью, впитывается в мозги нашей модничающей интеллигенции как неоспоримая аксиома, против которой могут спорить только глупцы. Чем все это грозит нам в самом близком будущем? Русские люди опомнитесь! Стыдно и непростительно грешно так унижать себя, так позорить изменой родным заветам старины, родной Церкви, родному народу! С недоумением смотрит он, этот народ, на ваши “барские причуды”, с сожалением – на ваши заморские выдумки, с глубокою скорбью вздыхает, когда видит ваше богоотступничество, и жалуется Богу, когда вы пытаетесь и его совратить на свой путь погибельный. Ведь, он все ждал, что вы пойдете впереди его по завещанному ему историей и Божиим Пророчеством путем, что как люди, более его наукою просвещенные, поведете его за собой, а вы поклоняетесь Баалу и идете путем служителей Молоха. Горе вам, когда народ

потеряет всякое к вам доверие, когда среди вас не найдется достойных сынов Руси веков минувших! Вы теперь стремитесь развратить его духовно: он не замедлит, восприяв в свое сердце яд духовного разврата, ниспастъ и в разврат телесный, превратиться в такого зверя, какого мир еще не видел, какого история человечества еще не знала.

И вы первые – помните это! – первые погибнете в когтях этого лютого, беспощадного зверя!

144. Дети и церковно-приходская жизнь

Ныне много говорят об “оживлении” приходской жизни. Не лучше ли сказать – о пробуждении: ведь, приход есть малая часть Церкви Христовой вселенской, а Церковь Божия жива и умереть не может, ибо ее глава – Христос Спаситель наш смертию Свою смерть всякую попрал и живет в Церкви Своей. Пока – не только приход, но и всякий отдельный член Церкви не порвал связи с Церковью, не стал еретиком, дотоле и он не умер для Церкви, какою бы духовною болезнью, каким бы грехом ни страдал он. Отдельный член Церкви может духовно умереть, порвав, прежде всего, общение с Церковью в ее Таинствах, но приход сего сделать не может, ибо он возглавляется совершившим Тайн Божиих – священником и совершение божественной литургии в его храме иереем, правильно рукопоженным, уже есть свидетельство жизни прихода, сей малой Божией церквицы. А значит, и говорить об оживлении прихода не подобает: это было бы оскорблением Духа Божия, присно живущего в Церкви и действующего в ее Таинах.

Особенно заботится о пробуждении жизни приходской еще юное Московское братство четырех святителей. Оно праздновало вторую свою годовщину 5 октября и вечером сего дня устроило годовое собрание в московском епархиальном доме. Главною своею задачею братство поставило взаимное сближение пастырей и пасомых, а чрез то и развитие деятельности прихода. Отчет был краток, ибо братство еще только начинает входить в свое дело, намечая свои ближайшие задачи и средства к их осуществлению. А в этом отношении надо быть особенно осторожным: ныне в воздухе носятся идеи, с виду заманчивые, по существу же противоцерковные, каковы, например, идеи нрава, свободы и т. п. Вот и надо остерегаться, чтобы не подменить такими модными идеями – чистые идеалы церковные. И дай Бог, чтобы юное братство, руководимое мудрым первосвятителем Московским, избегало этой опасности и чтобы идея долга не заслонялась бы идею

права, а служила сей последней лишь основою... и все согревалось и оживлялось идею любви, ибо и Церковь есть великий организм любви.

Одно из могучих средств к объединению прихода в духе веры и любви, как показал опыт, является всеобщее или всенародное пение в церкви. Москва счастлива тем, что в среде целой тысячи ее пастырей, уж конечно, всегда найдется энергичный, долгу своему преданный пастырь, который "сделает опыт", по мере сил и уменья проведет в жизнь ту или другую идею, а Господь поможет ему и осуществить ее так, что в сем деле нельзя не видеть явного чуда Божия, проявления жизнедеятельности в Церкви самой невидимой Главы Церкви – Господа Иисуса Христа. Так было и в данном случае. Один смиренный иерей из Замоскворечья завел у себя в церкви всенародное пение два года назад. Прихожанам это пришлось по душе. Начали с простых ежедневных песнопений литургийных, затем перешли к ирмосам праздничным, а теперь поют прекрасно и догматики. И вот, 5 октября, почтенный батюшка сделал доклад в собрании братства и показал на деле, как поют его прихожане. Опыт показал, что всеобщее пение послужило началом и других добрых дел: появилось и общество трезвости, и воскресная школа для тех, кто хочет но, по безграмотности, не может принимать участия в пении (обучаются не только юноши, девицы, но и люди преклонного возраста, до 65 лет), и участники пения ходят за сотни верст на богомолье к святыням родным, помогают бедным в приходе так, как не бывало дотоле. Не говорю уже о церковном чтении: уж конечно, оно поставлено в церкви приходской образцово.

И вот мне хотелось бы поделиться с моими читателями тем трогательным впечатлением, какое я вынес из сего собрания. Выходит на средину малютка-мальчик и громко, ясно, отчетливо, немного картавя, но все же прекрасно читает: Ныне отпускаеши, Трисвятое и Отче наш. А затем смело подходит к владыке Митрополиту и просит благословения. Его чтение тронуло некоторых нервных людей до слез. Благословляя малютку-чтеца, владыка спросил: "А сколько тебе лет?" – Мальчик, нисколько не смущаясь неожиданным вопросом,

ответил: “Пять лет”. Я сидел рядом с первосвятителем. Хотелось чем-нибудь порадовать младенца-чтеца, и я, сняв с своих четок серебряный крестик, передал его Митрополиту, который и благословил мальчика, заповедав, чтоб надел крестик на шнурочек и возложил себе на шею.

И вспомнились слова пророка-псалмопевца: из уст младенец и ссущих совершил еси хвалу; вспомнились младенцы евангельские, громко взывавшие пришедшему во храм Спасителю мира: осанна Сыну Давидову! И думалось: ведь вот как иногда немного надобно, чтобы разбудить дремлющую душу православную, чтобы повеяло на нее дыханием жизни, и именно церковной жизни. Ведь прочитай дитя, что теперь так обычно, простое стихотворение: разве было бы такое впечатление? И мысль шла дальше: не следует ли нам, пастырям, для “оживления”, для пробуждения церковной жизни призвать на помочь вот этих невинных младенцев, поручая им чтение кратких молитв в храме Божием за богослужением? И вспомнил я, как в прежние годы велось в Троицкой Сергиевой Лавре в субботние молебны Матери Божией в так называемой кельи Преподобного Сергия. В конце молебна выходили три отрока, лет по шести или семи, становились пред иконою Владычицы, не спеша, ограждали себя крестным знамением, творили три поклона в пояс и начинали: один – Святый Боже. другой продолжал: Пресвятая Троице, третий читал: Отче наш. Чем-то неземным отзывалось в сердце их чтение, думаю, как были бы счастливы матери малюток, если бы их дети удостаивались чести славить Бога невинными устами своими в храме Божием! И уж конечно, благоговейная, хотя и не вполне по-ученому сознательная молитва малюток была бы дохонее до Бога, чем наша холодная, нередко ведь тоже – но уже – непростительно бессознательная молитва, чтимая на клиросе поспешно, бездушно, яко медь звенящая или кимвал бряцающий.

Когда мне приходилось давать наставление новоблагодатным иереям, я говорил им: не упускайте случая приласкать ребенка, хотя бы это был грудной младенец на руках матери; благословите его, поцелуйте: пусть ваш облик,

ваш сияющий на груди священнический крест, ваша ряса запечатлеются в его памяти наравне с милым его сердцу обликом матери; имейте на такие случаи даже какие-нибудь грошевые гостинцы для малюток, когда посещаете дома прихожан ваших. Поверьте: тогда детки не только не будут бояться “попа”, как это бывает в деревнях, а напротив, будут тянуться к вам, между вами и ими образуется духовная безмолвная связь, они будут считать вас родным человеком, они будут встречать вас далеко за деревнею, когда станут подрастать, будут считать за счастье подойти к вам под благословение. А вы пользуйтесь этою детскую любовью, чтобы привлечь их к храму Божию, чтобы сделать их вот участниками в чтении, а потом и пении раньше, чем они придут к вам в школу. Дети деревенские рано развиваются, рано приучаются к труду: вспомните того некрасовского мальчугана, которому только “шестой годок миновал”, но который, погоняя лошадку с возом дров, уже с благородною гордостью говорил:

Семья-то большая, да два человека

Всего мужиков-то: отец мой да я!

Надобно пользоваться и этою чертою русского ребенка, с колыбели приручаю его к себе и пользуясь всяким случаем засевая в его нежную душу любовь к родной Церкви, к ее обрядам, ее порядкам. Из детей надо готовить будущих своих прихожан, послушных чад Церкви, преданных ей, крепко ее любящих. Не следует забывать, что такое доброе, сердечное отношение священника к детям, несомненно, будет тотчас замечено их матерями, которые с радостью пойдут навстречу священнику в деле воспитания их детей в духе церковности. Матери всеконечно отплатят батюшке своею преданностью, своею готовностью помочь ему и его матушке в их трудах по сельскому хозяйству. Вот один из самых простых и самых верных способов сближения пастырей с пасомыми. Скажу еще и то, что этот способ носит в себе так сказать и мистическое начало. Господь сказал о детях: таковых есть царство небесное. И взрослым заповедал: аще не будете яко дети, не внидите в царство небесное. В душе дитяти есть свойства, нами взрослыми грешниками, потерянные. Сердце ребенка скорее

открывается для Божией благодати. Оно непосредственнее ощущает ее воздействие. Посмотрите на ребенка, который увлекся церковным пением: это можно наблюдать там, где ведется общецерковное пение. Какая неземная духовная красота светится в его личике! Как тепло горят его глазки! Как будто вся красота души выходит наружу, и только Рафаэль да наш гениальный Васнецов умели запечатлевать на холсте эту духовную красоту детского личика. А ведь в этом проявляется его внутренняя жизнь, жизнь чистой, еще незапятнанной грехом детской души. И я скажу еще: те, которые большую часть своей жизни проводят с детьми, с любовью и бережливо воспитывая детей, своих ли то или чужих, на тех Бог налагает как бы отпечаток детских свойств: полюбуйтесь на портреты известных педагогов, всю жизнь отдавших детям, хотя бы на портрет нашего незабвенного церковного педагога С. А. Рачинского: сколько детской чистоты, благодушия, простоты, даже невинности светится в его облике сквозь его седины! Вот почему наш пастырский долг – ближе держаться к детям: это нужно, это необходимо для нас самих. Дети – Божьи любимцы: к ним близки их Ангелы-Хранители, близок духовный мир: как же нам не дорожить близостью к ним? Вводя их в общение с Церковью, согревая их благодатною теплотою церковной жизни, будет ли то в церковной школе или же просто в храме Божием, в доме, в семье – мы делаем великое дело и для церковной жизни, для прихода: ведь эта семья детей – будущие наши прихожане, будущие наши пасомые. Если мы приучим их, например, петь в церкви с их отцами, матерями, братьями, сестрами, то они уж сами научат и своих детей тому же святому искусству – слово-словою Божию. Если подскажем им и научим украшать храм Божий в праздники цветами и зеленью, обсаживать его деревцами, цветочками, чистить утварь церковную, лампады, подсвечники пред великими праздниками, помогать церковному старосте собирать по деревням новины на храм Божий, – ведь все это будет добрым, святым семенем, которое принесет плод свой во время свое, когда они вырастут и станут сами хозяевами, обзаведутся своими семьями. Верится, что не все же будет тот разгром церковной и общественной жизни на Руси,

какой теперь совершается, что опомнятся же, наконец, русские люди, вспомнят старину свою родную, возьмутся за ум-разум и прогонят от себя далеко прочь всех этих соблазнителей-лжеучителей. Тяжело нам, пастырям, быть свидетелями этого разгрома на родной Руси, но не следует отчаиваться: в наших руках еще немало средств к спасению народа православного от явно грозящей ему гибели. Даже враги его видят это и боятся – да, боятся нас! Это мы только что видели: много ли нас, служителей Божиих и всех-то на Руси в сравнении с массою народной? А как испугались все враги Церкви, все эти кадеты, октябристы, разные конституционалисты, когда духовенство решило исполнить свой долг и пойти на выборы в Государственную Думу, не себя выставляя, а народ предостерегая от его врагов. Так вот, исполняя тот же долг, и подойдем ближе к душе народной, – ведь никто так не знает ее, как мы, пастыри и отцы духовные, и возьмем деток народа на свое особое попечение. Это и нам принесет неоценимую пользу: самих нас обновит и преобразит, даст нам оценить и сердцем ощутить всю красоту народной русской души, которая по природе своей православная и не может быть иною без измены природе своей.

Итак, Бог вам в помощь, отцы и братия, и – за дело, скорее за дело святое!..

145. Тоже «русские» патриоты!

Думаю, не я один, а многие старые люди в наше странное время нередко задают себе вопрос относительно некоторых явлений в общественной жизни: что это – сон или действительность? Нормальное явление или бред расстроенного воображения?.. С первого взгляда как будто дело самое обыкновенное, даже симпатичное, а как приглядишься к нему, то и становишься в тупик: так оно противоречит всем правилам нашей русской логики. Я приведу здесь один документ, рассылаемый всем видным государственным и общественным деятелям, и затем, поименовав рассылающих, попрошу читателей решить: что это такое?..

Вот этот документ:

“К празднованию трехсотлетия царствования Дома Романовых и Отечественной войны 1812 года”. По сторонам заголовка два портрета: Барклая де Толли и Голенищева-Кутузова, ниже цинкография с картины Верещагина: “Наполеон на Бородинских высотах”, а далее следует приглашение:

“Настоящим позволяем себе пригласить вас принять участие в предложенном поздравлении Его Императорского Величества Государя Императора по случаю 300-летнего юбилея Царствующего Дома Романовых. По поводу этого радостного для Императорского Дома и народа события, возникла мысль о поднесении Его Императорскому Величеству роскошного альбома с портретами всех современных деятелей России, в котором и вы имеете полное право занять место среди ваших достойных сотоварищ, заслуги коих признаны Государем Императором и родиной.

С этой целью покорнейше просим вас не отказать в своевременной присылке вашей фотографической карточки, если возможно, то с обратной почтой, самое же позднее к 15 августа с. г.

Отсутствие вашего портрета очень опечалило бы нижеподписавшихся, а еще больше ваших уважаемых сослуживцев, школьных товарищей, друзей детства и знакомых.

Обращая ваше внимание на помещенные на обороте сего строки, честь имеем быть с совершенным почтением, д-р философии И. Симонсен".

А "на обороте сего" следует довольно обширное рассуждение о том, что "сердце народное не может не стремиться выразить свое радостное участие (в) этом торжественном событии, и, согласно своей природе и своему обычаю (?), народ предпочел бы, быть может, выразить свою радость в шумных празднествах; с другой стороны, Царствующий Дом и Его народ чувствуют себя настолько связанными узами верности и любви, что едва ли в данном случае нуждаются в блеске показной торжественности».

Из этого рассуждения видно, что авторам приглашения как будто нежелательны проявления народной любви к Царю своему в "шумных торжествах", что они озабочены заменить эти торжества чем-то иным. "Вследствие этого, – говорят они, – некоторые лица из образованных слоев общества, (список коих, по-видимому, и приводится ниже), принялись за поиски (sic!) более подходящей, скромной, но красноречивой формы выражения своих чувств исконной любви к обожаемому всеми Монарху и Его Дому".

"Форма эта найдена!" – восклицают пригласители – "Предположено от имени народа торжественно поднести Государю Императору, неусыпному блюстителю блага нашего отечества, в великую и славную для Дома Его годовщину, 21 февраля 1913 года, большой роскошный альбом, художественно выполненный, заключающий в себе фотографические портреты современных представителей духовной и материальной культуры России. Оказанное поднесением этим Государю лучшими сынами народа Его (читай ниже список инициаторов альбома) благоговейное уважение, несомненно, вызовет в сердце Его чувство глубокого удовлетворения скорее, нежели всякие, предпринятые с этой же целью, шумные всенародные торжества и увеселения".

Авторы, как видите, заранее читают в сердце Царском, что шумные народные выражения любви в торжествах Царю не будут Ему столь приятны, как изобретенный ими альбом,

который они называют “национальным”, и который, по их уверению, будет иметь “громадный интерес и величайшее значение для настоящего и будущего, как в общеисторическом, так и в биографическом отношении!..

Кто же инициаторы этого предприятия? Кто “от имени народа” (не сказано: какого, но надо думать Русского?) будет подносить этот альбом Государю Императору?

Словом, кто эти сердцеведы, которые заранее знают, уверены, что этот подарок будет Государю приятнее всяких народных восторгов, народных торжеств?

Приходится просить у читателя терпения, чтобы прочитать фамилии этих “русских” людей, которые привожу целиком, для большей убедительности в их “русском” происхождении. Боюсь только, чтобы кто-либо не сломал язык об эти фамилии якобы русских людей.

“Мы, нижеподписавшиеся, обращаемся к вам с покорнейшею просьбой не задерживать присылку фотографий. Р. Бауман, секретарь Кабинета Государя. Барон Кейннерид, Обер-Гофмаршал. Ботмер, Дворцовый Комендант. Граф Берген, Министр Внутренних дел. Др. Эргардт, Лейб-медик, Канцлер. Др. Плеве, Председатель Обер-ландгерихта. Граф Др. Матушка, Советник Обер-ландгерихта. Др. Кле, Прокурор. Др. Михель, профессор университета. Барон Дернберг, предводитель дворянства. Князь Липпе, Императ. Легацион. Советник. Др. Браск, Епископ. Е. Биндгорст, протоиерей. Др. Брюксель, генерал-суперинтендант. С. Гросгейм, главный врачебн. инсп. Гросскорт, член военного совета. Барон Динклаге Камие, генерал-лейтенант. Крозигк-Мербиц, генерал-майор. Л. Молинеус, коммерции советник. Барон Лютвиц, генерал-лейтенант. Дуляц, генерал от артиллерии. Фон Брюзевиц, генерал-майор. Вернер, контр-адмирал. Нитек, капитан I ранга. Дитмар, капитан II ранга. И. Пинтш, инженер. Клейн, действ. тайн. сов. Шредер, главный интендант. Штульфельд, оперный певец. Махенс, градоначальник (?). Гаген, прокурор, тайн. советник. Фольрен, присяжный поверенный. Гейнель Зиген, профессор академии. Е. Ауэрбах, присяжный поверенный. Уонен, кассир Государст. Банка. Р. Висскот, банкир”.

Уф! Устал, перечисляя этих “русских” людей!.. А вы, читатель, едва ли имели терпение произнести вслух все эти имена.

Что же это такое? Сонный бред или действительность? Какой-то граф Берген – министр внутренних дел. Да позвольте: у нас, кажется, министр не Берген, а самый настоящий русский человек, почтеннейший А. А. Макаров? Какого же это государства министр? “Обер-ландгерихт”. Да у нас, слава Богу, такого учреждения еще не бывало. Правда, есть немало очень почтенных генералов, носящих иностранные фамилии, но не верится, чтоб они дали свою подпись на таком документе.

Ни одного русского имени! Одно, впрочем, будто звучит по-русски: “др. Матушка”, ну, да это, конечно, случайное, скажу больше – несчастное для сего доктора совпадение русских звуков с его фамилией.

Вы, конечно, догадались, что все эти имена – чухонских, что вся эта затея – проделка финнов, что эти господа собирались ни больше, ни меньше как подделать депутатию от имени Русского народа, если только вся эта затея не есть... злая анкета – узнать, сколько на Святой Руси (слово это в приглашении имеется) таких недоумков, которые пойдут на удочку гг. Микелей и компании... и пожелаю поставить свои портреты рядом с ними. Уж слишком подчеркнуто тут полное отсутствие русского духа: будто, в самом деле, во всем Петербурге не нашлось ни одного русского человека, который пожелал бы присоединиться к такому, по-видимому, нехудому начинанию! Очевидно, финны не подпустили ни одного русского к инициативе дела: если хочешь – присылай свой портрет и свои деньги, а распоряжаться будем мы, мы за тебя Царю альбом поднесем. Как будто не Финляндия присоединена к России, а великая Россия покорена Финляндией.

Когда я показывал приглашение русским людям, то от многих слышал негодующий возглас: “Да это насмешка над нами!”

А как думаете, читатель: ведь, найдутся “русские” люди, которые и 20 рублей пошлют, и примут эту затею чухонскую за дело почетное и еще – чего доброго! – поблагодарят чухон, что

изобрели такую “скромную форму выражения своих чувств исконной любви к Государю”.

Подумаешь, ну и времена же мы переживаем! Все перепуталось, перемешалось: над нами прямо издеваются, а мы молчим да утираемся.

Сей дневник был уже набран, когда мне сказали, что вся эта история есть простое мошенничество аферистов, что финны тут ни при чем, да и никакого альбома никто не думал издавать, а просто мошенники придумали способ карманы доверчивых людей опустошать.

В наше время все может быть. Но вот что заставляет задуматься: первое, почему эти мошенники набрали столько фамилий финских, именно финских, и ни одной русской не выдумали? Второе: почему настоящие-то финны решительно не протестовали против такой на них клеветы, тем более, что в дело впутаны имена действительно существующих людей, стало быть уж не вымышленные, вот им-то и следовало бы громко протестовать против мошенничества? Невольно думается: а не было ли тут чего-нибудь побольше, чем простое мошенничество, да только сорвалось, и пришлось все прикрыть, ссылаясь на мошенников?..

146–148. Большое место нашей церковной жизни

1

Есть немудрая, но верная пословица: у кого что болит, тот о том и говорит. Больному свойственно жаловаться на свою болезнь, да и врач не знал бы, что лечить, если бы больной ему не пожаловался.

В духовной жизни познание своей духовной болезни важнее, чем в телесной. Телесный врач иногда угадывает болезнь по внешним признакам, а в духовной болезни прямо необходимо, чтобы больной сам опознал – и как можно лучше – свою болезнь. Без этого невозможно его исцеление. Вот почему у святых отцов так много заботы о познании греховности в деле обращения грешника от заблуждения пути его ко Христу Спасителю в деле покаяния. “Егда узрит человек грехи своя яко песок морской, – говорят они, – се начало здравия души!” Что грехи есть, что душа больна у каждого – об этом и речи нет: это несомненно, более того: и грехов-то немало: их и не сочтешь сколько – яко песок морской, как песок у морского берега и на дне моря. И это – у каждого человека. Так вот, познать эти грехи, увидеть их в себе и составляет первую и главную задачу кающегося грешника.

“Кто узрит грехи свои яко песок морской, – говорят святые отцы, – тот выше сподобившегося узреть ангелов Божиих”. Когда он, после немалых трудов и борьбы с своим самоценом, наконец, при помощи Божией, добьется того, что увидит себя утопающим во грехах, рабом их, тогда и возопиет ко Христу Спасителю, как утопающий Петр, из глубины души: “Господи, спаси меня, погибаю!” С этого и только с этого момента и начинается выздоровление души, надежда на исцеление ее от греховной болезни.

Что говорим относительно отдельного человека, то верно и в отношении к целому обществу, к целому народу. Ниневитяне вняли слову пророка Ионы, познали всю глубину греховную, в какой очутились, ужаснулись суда Божия и покаялись, и с того

момента началось их духовное исцеление. То же бывало и не раз, как свидетельствует наша история, и с нашим Русским народом в годину великих испытаний. Окаевали наши предки свои грехи и исправлялись, и Бог внимал их покаянным молитвам, по заступлению и ходатайству Матери Божией и святых Божиих. И Русь спасалась от бед.

Но есть грехи, которые укрываются за добродетели, есть пороки, которые не дают возможности расцвести во всей красоте добродетелям и лишают их свойственного им аромата райского. Человек как будто и делает добро, да делает-то его недобре, не так, как бы следовало, и, сам того не ведая, теряет цену своего добра в очах Божиих. А он, между тем, воображает ведь, что делает святое дело! Конечно, один Сердцеведец знает настоящую цену всякого нашего дела, но Он же и указал нам признаки истинного доброделания: это – смиление, отсечение своего смысления в порядке доброделания, сокровенность его, и совершенное отречение от всякой цены его: все Бог делает в нас и чрез нас, а мы – ничто! И воспитывается это свойство, как постоянное настроение, святым послушанием. Послушание – это вовсе не исключительно монашеская, это – общехристианская добродетель. Где оскудела эта добродетель, там оскудело и всякое доброделание, хотя бы, по-видимости и творилось добро. По крайней мере, цена такому добру уже не та: если добро творится с послушанием, с отсечением от своей воли и смысления, то оно – чистое золото; а где нет сего самоограничения, сей проверки себя самого чрез такое самоотречение, там добро – много-много серебро, а не то и не дороже медницы.

Не раз мне приходилось и говорить и писать об этом, может быть, моему читателю покажется и лишнею беседа о сем. Но у кого что болит, тот о том и говорит: когда видишь, что в среде людей верующих блекнет золото чистое и становится медницей, надо не только говорить, но и кричать, не только писать, но и на камнях высекать – всюду немолчно проповедовать, чтобы труд людей верующих даром не пропадал, чтоб в их сознании не подменивались чистые, святые идеалы православной жизни дешевыми идольчиками самоцена, тщеславия, фарисейского

самодовольства. А между тем, чем больше присматриваешься к русской жизни, тем больше видишь этой подмены, и что печально: именно в среде тех русских людей, в которых так хотелось бы видеть преемников заветов старой Руси, носителей ее идеалов. Все блекнет, все дешевеет, всем хотелось бы спасти как-нибудь полегче: не дивно, что секты разных “легкоспасенцев”, как называл в Бозе почивший Затворник Феофан пашковцев, все множатся: они вот таких-то и ловят в свои сети.

Укажу примеры – из первых, так сказать, попавших на глаза наблюдений. Вот старичок, очень добродушный, богомольный, трезвый и трудолюбивый. Вздумал он на Афон уехать – душу спасать.

Ему говорят: как? Да ведь ты женат?..

Что из того? Я не худое дело задумал.

Но как же жена? Отпускает тебя?

Ну, положим, ей-то не хочется, да ведь, я глава-то, не она. Я спасения ищу.

А заповедь Христова говорит: что Бог сочтет, то человек да не разлучает?

Это не просто сказано. Вон Алексей, человек Божий, ушел прямо с брачного пира, а я жил с женою лет двадцать, ну и будет. Без меня проживет как-нибудь.

Великий праведник, преподобный Алексий действовал по особому Божию указанию, а ты-то кто?

Ну, что тут толковать? Хочу и поеду!

Да ведь грешно жену бросать?

Да я для Бога. Я ведь там трудиться буду.

И никакие уговоры не действуют: задолбил одно – спасаться хочу, и конец. А жена плачет, не знает, где голову склонить.

И несчастный самочинник в деле спасения воображает, что Богу угоджает!

Вот купец, богач, тоже хороший человек. Он состарился, чувствует, что жить остается недолго. Детей нет, жены тоже. А скоплен капитал, так, миллиона полтора, может быть, два. Надо пристроить его. Зовет приятеля, тоже купца, посоветоваться.

Тот оказался городским деятелем.
Завещай, брат, все городу. Поминать будем!
И завещание пишется. Купец умирает, и город получает
уйму денег. Заводится и водопровод, и электрическое
освещение, и трамвай. Что ж? Все это недурное дело. Только
вот на дело Церкви, на распространение слова Божия, на
построение храмов в далекой Сибири, на церковные школы, на
дела миссии, проповеди Евангелия язычникам, на борьбу с
сектами, с пьянством, с другими пороками – уж не взыщите.
Православный христианин, кажется, был, а нужды матери-
Церкви-то и забыл!

Вот мужичок деревенский. Он живет в Москве. Занимался
отец его когда-то извозом, а сынок имеет уже постоянный двор
для извозчиков. Дела идут хорошо. Жертвует он на храм Божий
в родном селе: то паникадило повесит, то подсвечник, то
хоругвь поставит, то престол Божий украсит. Казалось бы, все
добрые дела. Но вот в его родной деревне понадобилась
школа. Просит его священник: помоги, брат, построй нам школу.

Ну, на это у меня усердия нет. Стройте, немного помогу, а я
вот хочу главы на храме Божием позолотить.

Да, ведь, школа-то обойдется тысячи полторы, много две, а
главы-то у нас большие, а их восемь: достанет ли у тебя
средств на это? Да на что нам золотые главы в селе-то, пройдет
лет 15–20, они потемнеют, с ними одна забота будет, придется
опять медянкой покрасить. А вот школа теперь – нужное дело,
школа церковная: о детях-то надо позаботиться, чтоб в страхе
Божием росли, слово Божие читали.

Нет уже, батюшка: это ваше дело, а я насчет глав-то вот
подумаю.

Да таких случаев и не перечтешь, и люди-то все хорошие,
православные, добрые, некорыстные. А вот подите: чего-то в
них не достает. Чего же?

Недостает всем этим добрым людям сознания
необходимости руководства церковного, сознание нужды в
Божием – через Церковь – благословении на всякое доброе дело,
словом – недостает той дисциплины духа, которая у святых
отцов называется рассуждением и которая воспитывается

послушанием. Странное дело: священник называется “пастырем”, архиерей – “архипастырем”, верующие – “пасомыми”. Но выходит так только на словах: пасомые и знать не хотят своих пастырей, забывают свой долг подчинять себя их водительству, бредут в духовной жизни самочинно. Есть самочинные постники, соблюдающие самоизмышленные посты, например, в легендарные 12 пятниц, есть носители вериг, самочинно изнуряющие себя железами; есть самочинные благотворители, жертвующие не то, что потребно, и не туда, где нужда, а что им вздумается и куда захочется. Им и в голову не приходит, что и на добром деле надо проверять себя через духовного отца или старца-руководителя. Как будто боятся их, как бы они не отговорили от того, что уж сложилось в их сердце, хотя бы это было и в самом деле неразумно. Нет мужества отречься от своего смышления! Жаль расстаться с мыслию, которая уже сложилась в сердце! А того не знают, что Богу нужно не наше добре дело, а наше сердце, наша готовность всем для Него пожертвовать, принести Ему в жертву самое желание наше, сказать: “Не яко же аз хощу, Господи, но яко же Ты повелиши, Ты укажешь!” Вот это-то и дорого в очах Божиих, когда ты готов отказаться для Бога даже от доброго твоего желания. Но мы видели, что иные и отсекают свою волю, но пред кем? Да простой приятель, друг, сосед. А о пастыре-то и забыли, о том, кому вручена душа их! И выходит: жертвуют городу на водопроводы, на электричество, а вот Церковь Божия крайне нуждается в храмах для переселенцев, а средств нет, и люди десятками лет лишены утешения помолиться в храме Божием, не видят священника, а ведь на два-то миллиона можно было бы построить, по крайней мере, полсотни, даже целую сотню великолепных храмов Божиих, где вечно приносилась бы бескровная Жертва о “блаженном и приснопамятном создателе святого храма сего”, где до конца веков восходила бы молитва к Престолу Божию об упокоении души его. Чего сами себя лишают добрые люди! А ведь это – не неверы какие-нибудь, которые тоже “жертвуют”, но на что? На “народные театры, университеты”, на разные премии и бесконечные стипендии. Положим, тоже в своем роде “добрые”

дела, но в их спасительности позволительно усомниться, если они не находятся, так сказать, под контролем учения Христова. Во всяком случае, уж нельзя же их приравнять, например, к святому делу храмоздательства.

Возьму другую область благотворения – духовную милостыню. Кто ныне жертвует на распространение слова Божия, Священного Писания, святоотеческих книг, житий святых? Разве тот, кому духовник вменит это в епитимию. Я знаю одного такого старца Божия, который вменял в епитимию выписывать и посыпать на Дальний Восток переселенцам Четы-Минеи святителя Дмитрия Ростовского. А как широка заповедь сия – духовного благотворения! Как жаждет простой русский человек “почитать от божественного!” Сказано: не о хлебе едином жив будет человек. Ведь и душа просит хлеба, ей свойственного. Ныне развивается грамотность; наши непрошенные просветители, разные земцы спешат в народные библиотеки выслать писания безбожника Толстого, награждают им школьников в своих школах (и что за ослепление! сами под собою костер разводят!), а о духовной пище и помина нет. Вот и пожертвовал бы добрый православный богатый человек на бесплатную рассылку духовнонравственных изданий, даже периодических, например, хорошей православной газеты, – ведь у нас духовные издания едва прозябают, – какое бы доброе, хорошее дело он сделал! Надо помнить, что враги наши, иудеи и масоны, даже сектанты, никаких средств не щадят, чтобы отравлять наш православный народ ерсями и всякою нечистью; газеты сообщают, что один американский миллиардер, на съезде баптистов, пожертвовал несколько миллионов долларов (а доллар около двух рублей) на совращение Русского народа в баптизм! Вот как щедры враги Православной Церкви на ее погибель! А мы? А наши православные чада Церкви? Я не говорю уже о богачах-интеллигентах, о купцах-толстосумах, строящих театры – Бог их суди! – говорю о добрых русских православных людях, что вот завещают целые состояния на города, на дела – не спорю – полезные, но низшего порядка; ведь, о душе-то христианской, о воспитании души народной, казалось бы, надо позаботиться

прежде всего, а о ней-то, бедной, никто из таких добрых людей и не заботится! Подумали бы если уж не о небе, то хотя бы о земном Отечестве: ведь давно отцовский капитал проживаем! Зайдите в церковь Божию, посмотрите: много ли молодежи там? Молятся старики, старухи, а молодежь, юноши и девицы, сидят где-нибудь на завалинке в праздник, празднословием занимаются, будто они не христиане, а язычники, будто не для них открыты двери храма Божия! Пройдет десяток лет; старики и старухи на тот свет, к Богу отойдут: кто же будет молиться в храме Божием тогда? Ведь если молодежь теперь не ходит, тогда и подавно не пойдет. Привычки не приобрела. Сердце ее чуждо веяниям церковной молитвы. Так в духовном отношении мельчает народ. Надо что-нибудь делать, чтоб совсем он не одичал духовно, чтобы не выродился. Вот эта молодежь все же не прочь что-нибудь и почитать: не должно ли использовать эту народившуюся в ней привычку к чтению? Читают газеты: почему бы православным русским богачам не создать для народа православную хорошую газету, где говорилось бы не только о том, что творится на Руси, но и о том, как душу спасать, как добро делать, как жить русскому человеку на русской земле – по-православному! Но, увы, видимо мы не дождемся подражателей американскому миллиардеру среди наших миллионеров: они скорее бросят сотни тысяч и миллионы на театры и актрис, на биржевую игру и дутые предприятия, вроде какой-нибудь либеральной, непременно либеральной газеты, к которой не замедлят присосаться иудеи, чем на Божие дело, на хорошее народное издание, чтоб послужить родному народу в деле его просвещения светом Христовым, чтоб сделать великое историческое дело. Да, нам не приходится ждать таких благодетелей для народа нашего. Нам самим нужно подумать, чем и как утолять его глад и жажду духовную. Не о миллионах, даже не о тысячах мечтать, а хотя бы о некоих лептах на святое дело духовной милостыни народу. И быть благодарными тем добрым душам, которые на это святое дело откликнутся.

Укажу еще на одно доброе, святое дело. Если бы кто нас спросил: любите ли вы свою веру Православную? Наверное, каждый православный тотчас ответил бы: конечно, люблю! А вот

в нашем Отечестве, не где-нибудь в Африке или Америке, а у нас, в России много миллионов коснеет во мраке идолопоклонства, поклоняется бурханам, обожает огонь, верит Магомету, обожает самого диавола!.. И не стыдно нам, православным, что за тысячу лет нашей исторической жизни мы не обратили их в свою веру?.. Не подумали об этом?.. Ведь, это – позор! А ведь помочь этому не так уж трудно, как кажется: для этого не нужно самим идти в Сибирь к разным инородцам, довольно, если поможем трудящимся там проповедникам веры – миссионерам. И есть для того особое Миссионерское общество, во главе которого стоит Московский митрополит: пошлите туда свою лепту и вы будете как бы сотрудниками в проповеди Евангелия, в святом деле апостольском. И чтобы быть членом этого Общества надо внести только три рубля в год, но увы!.. С каждым годом, говорят, Общество все сокращается, число членов все уменьшается. А ведь если бы все русские люди внесли только по копеечке, одной копеечке в год, и тогда составился бы целый миллион на это святое дело. Что ж? Делается так? Увы, всех членов насчитывается что-то около семи тысяч, а это значит – из ста тысяч православных едва набирается семь человек, которые помнят о своей вере, о ее распространении и хотя тремя рублями помогают этому делу. Зато не жалеют денег на постройку народных театров. Больно говорить, православные! Стыдно пред католиками и лютеранами, которые миллионов не жалеют на распространение своих вер... понятно, почему они и нас хотят сорвать в свои ереси.

Моим читателям

Святейший Синод благословил сбор на построение храма на могиле просветителя Японии – Архиепископа Николая. Обычно православных архиереев погребают в храмах Божиих, но японское правительство не дозволило положить тело святителя Николая в построенном им соборе Воскресения Христова, что, впрочем, не было проявлением вражды к Православной Церкви, а лишь простым исполнением закона, воспрещающего, как и у нас, погребение в пределах города. У нас обычно самый закон делает исключения для архиереев, но

ведь Япония пока имеет правительство языческое и ожидать каких-либо исключений для православного архиерея от них не следует.

Итак, могила великого проповедника Евангелия будет покрыта храмом Божиим. Храм будет двухэтажный. В нижнем этаже будет престол в честь Воскресения Христова, где будет совершаться ежедневное богослужение, а в верхнем – в честь ангела Архиепископа Николая, святителя Христова Николая, Мирликийского чудотворца. Здесь будут происходить собеседования с язычниками, проповедь Евангелия и таким образом на могиле великого проповедника Христовой веры и по смерти его будет продолжаться святое, любимое им дело его – просвещение неверующих светом веры Христовой.

Читатели “Троицкого Слова” уже предупредили разрешение церковной власти: лепты на построение храма в память Японского просветителя стали поступать в редакцию вскоре после блаженной кончины его. По 15 октября сего 1912 года таковых пожертвований поступило 123 рубля. Верю, что по слову Божию рука дающего не оскудеет, и мои добрые читатели откликнутся на доброе дело с любовью не только к памяти почившего труженика-святителя, но и к нуждам юной Японской Церкви. Надо помнить, что японская интеллигенция, как и у нас, почти вся прогнила неверием и безбожием и о духовных нуждах своего народа не заботится. Приходят ко Христу почти исключительно простые люди, не обладающие большими средствами, а потому и Церковь Японская сама не в силах будет построить храм на могиле своего основателя. Наш долг прийти ей в этом святом деле на помощь, а святитель Божий помолится за нас у Престола славы Божией.

Пожертвования можно посыпать в Хозяйственное Управление при С. Синоде, в редакцию “Троицкого Слова”, Сергиев посад, Моск. г., в Лавру; не откажусь переслать по назначению и я.

II

Обращаюсь к тому, с чего начал.

Недостаток духовной дисциплины, самочиние в делании добра – вот больное место нашей церковной жизни. У латинян

каждый искренно верующий имеет своего духовного руководителя, которому подчиняет свою совесть; этот руководитель так и называется у французов “директор совести”. Не буду особенно восхвалять деятельность этих “директоров”: Бог им судья! Замечу только, что они слишком уж часто действуют по-иезуитски, порабощая отдающую им себя совесть и имея в виду не совсем чистые цели. Но общий принцип – подчинять свою жизнь руководству пастыря – в сущности верен. Так должно бы быть и у нас. Увы, наши духовные овцы являются к своему пастырю, большую частью, раз в год, чтобы в течение нескольких минут “очистить совесть”, поисповедоваться, да и то кое-как, наскоро, и затем пастырь не заглядывает в эту совесть целый год. Отсюда и все те духовные уродства, о коих я выше говорил. Отсюда и самочиние в самом доброделании. Вот почему постепенно выветрилось самое сознание необходимости духовного окормления, руководства со стороны пастыря в духовной жизни и доброделании. И живут наши православные, в большинстве, кое-как, спасаются кое-как, наудачу, делают добро, исполняют заповеди Господни не по разуму Церкви, а по своему смышлению, кому как Бог (да еще Бог ли?) на душу положит. Оттого и церковная жизнь наша не налаживается по тем чистым идеалам, какие ставит нам Святая Церковь. Оттого и старания церковной власти нашей не имеют успеха, хотя бы в том же деле обновления приходской жизни. Нашим мирянам всякое доброе, по разуму Церкви, указание священника кажется каким-то вмешательством в их дела: я так хочу, как он может мне указывать? А вот брошу все дело, и пусть его, как знает, сам доделывает! И я знаю таких “благотворителей”, которые начинали строить, например, храмы Божии и бросали при первых же недоразумениях со священником или с настоятелем монастыря, и вот что замечательно: с ними это повторялось не раз, не два, и все же они не вразумлялись, не догадывались, что тут, очевидно, было искушение для них Божиим попущением, которое они должны были бы победить терпением, любовью, благоразумием, и все же они не вразумлялись, и приходилось доделывать дело

другим благотворителям. И они теряли цену своего добра по своему самочинию в его делании.

Враг воюет против нас не только шуими, но и десными путями и средствами. Когда ему не удается отклонить человека от доброго дела, он старается осквернить это дело или тщеславием, или корыстолюбием, или иною коею страстью. Но особенно он воюет против цены нашего добра самочинием. Он знает, что от самочиния добро сразу теряет добрую половину цены в очах Божиих. Другую половину враг уже похитит у человека другою страстью: самохвалением, тщеславием и т. п. Человек, делающий добро, должен постоянно стоять на страже своего сердца. Особенно когда он одинок, когда около нет духовного руководителя, который ему помог бы усмотреть подкрадывающегося духовного татя. И долго, после сделанного уже добра, есть опасность сего похищения. Вот почему святые отцы заповедуют: делай добро и скорее старайся забыть, что ты его сделал, как и Апостол говорит: задняя забывая, в предняя простирайся. Повторяю: все, что доброго делает христианин, если только это добро истинное, добро спасительное, чистое от приражений греховных, – такое добро не он делает, а Христос в нем и чрез него проявляет Свою благодатью Свою жизнедеятельность в Церкви, как в теле Своем благодатном. Так чем же хвалиться? Благоговейно и смиленно благодарить надо Господа, сице творящего, и почитать себя недостойными Его толикого к нам грешным снисхождения. Рукою смирения следует отклонять от себя всякий помысел, будто мы нечто доброе творим. Еже должны бехом сотворити – сотворихом: так за что же нас хвалить? А если бы не сотворили, то стали бы рабами неключимыми, ни на что негодными. Да еще вопрос: так ли творили, как подобает? С добрым ли усердием? Не таилась ли при этом в сердце мысль корыстная или тщеславная, желание похвалы или награды от людей? “Сердце человека глубоко, говорит слово Божие, лукаво, оно больше всего и крайне испорчено: кто узнает его?” (Иер. 17:9) Как доверять ему? И на что, кому это нужно – помнить свое добро? От людей и даже от себя самого надо скрывать его, по заповеди Спасителя: да не увесть шуйца твоя, что творит десница твоя,

твори добро втайне, если хочешь, чтобы видел его Отец твой Небесный и воздал тебе явно. Кроме вреда тебе же самому ничего не выйдет из того, если будешь в архиве своей памяти сберегать сделанное тобою добро. А вред возможен: пожалуй, ты сочтешь себя таким богачом, что тебя не пустят и в Царство Небесное, только для нищих духом уготованное. Всегда делая добро, помни, что повелел Господь Иоанну Богослову написать Ангелу церкви Лаодикской: “Ты говоришь: “я богат, разбогател и ни в чем ни имею нужды, а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг” (Откр. 3:17). Да и то еще надо помнить, так ли ты делаешь добро, как надо, как заповедано? Ведь вот к тебе приражается же помысел самоцена: если примешь в сердце этот помысел (а кто поручится, что иногда ты не принимал его?), то добро твое уже и стало сомнительным, золото твое превратилось в медницу. Мы не ангелы, мы не можем знать глубины даже собственного сердца.

Ох, добро наше, добро! Никуда-то оно не годится, если не будет смирением прикрыто! А его-то, сего мытарева зата, и нет у нас. Сделаем что-нибудь похожее на добро, да и носимся с ним, как известная птица со своим произведением. А в очах-то Божиих тот и мил, кто свое добро забыл и смотрит только на грехи свои. Не любуется этим “богатством”, нет, а плачет о них, Богу их показывает, жалуется Господу на греховные страсти, на душу воюющие, на немощи свои, противу греха бессильные, и просит, молит Бога о помощи, чтоб Господь простил грехи, помог в борьбе с искушителем-врагом, чтобы укрепил волю, грехом расслабленную, согрел сердце нечувственное, размягчил его, окамененное, очистил ум от помыслов греховных, суетных, темной тучею его омрачающих! И не потому ли мы бессильны в доброделании, что сами препятствуем Господу помогать нам Его благодатью? В злохудожну душу не внидет премудрость, только смиренным дает Господь благодать. Он готов бы и всем нам ее ниспослать, да на пользу ли нам-то будет благодать, дела добрые содевающая чрез смиренных? А что если мы добро-то, ею в нас содеянное, себе припишем, у нее отнимем, станем считать себя такими добрыми, хорошими, Богу угодными христианами? В таком состоянии самая благодать

доброделания послужит нам во осуждение наше. Вот Господь и не ниспосыпает ее нам в помощь к доброделанию. Не полезнее ли нам просить у Господа благодати смиренного покаяния, а когда сею благодатью очищаются наши сердца от нечисти греховной, когда умягчится ожесточение сердца слезами кающегося Апостола Петра и всех грешников покаявшихся, вот тогда и явится у нас, уже само собою, благоговейное дерзновение просить у Господа помощи на всякое доброделание. Помоги нам, Господи, исполнять святые, животворящие заповеди Твои так, как Ты их заповедал нам! И Он поможет, ибо Сам сказал: без Мене не можете творитиничесоже; Сам обетовал: просите и дастся вам, ищите и обрящете, толците и отверзется вам. Вся елика аще воспросите от Отца во имя Мое, даст вам. Его всемогущая рука всегда отверста, чтоб излить на нас дары благодати; но кто же виноват, что мы-то свою руку к Нему не простираем, чтобы принять сию благодать? Кто виноват, что, и приняв, иногда не ценим сего сокровища и приписываем себе то, что она творит в нас, оскорбляя сим Господа – Дародавца?

Но скажут: как избежать сего предвосхищения у Господа того, что Ему, а не нам принадлежит?

Иного пути нет, как отречением своей воли, своего смысления пред Богом чрез того, кто от Бога дан нам в Церкви руководителем в духовной жизни, пастырем нашим. К отцу твоему духовному и обращайся за советом, когда задумаешь сделать доброе дело, особенно если это дело выходит из ряда твоих обычных житейских дел, если тебе кажется оно как бы некиим, для тебя не обязательным подвигом. Задумал, например, ты отлить колокол в церковь: дело доброе. А духовный отец тебе скажет: "Это еще потерпит, у нас есть во что звонить; а вот школы у нас нет: вот на это дело тебя охотно благословлю". Так и сделай. Отсеки свое хотение. Прими слово пастыря Церкви как волю Божию. Ведь Господь сказал Своим Апостолам, а чрез них и всем пастырям Церкви Своей: "Слушающий вас – Меня слушает". Конечно, это, прежде всего, относится к учению веры, но ведь и дела веры неразлучны с верою, и в жизни своей каждый верующий должен внимать

гласу своего пастыря. В монастырях есть правило: “повинися игумену яко Богу”. В сущности это то же, что и Господь говорит Апостолам. Богу нужно не твое смысление, а твое сердце. Суть-то дела в том, чтобы верующий отсек свою волю во имя послушания воле Божией, чтобы имел уверенность, что не свою волю творит и в добром деле, чтобы, так сказать, снял со своей совести оценку своего доброделания. Тогда и избежать ему самоцена будет несравненно легче. Когда ему придет помысел, что вот-де ты сделал доброе дело, он ответит ему: что ж такое я-то сделал? Я только исполнил послушание отцу духовному, а не послушать его было бы грехом, было бы противно заповеди Христовой: слушаяй вас Мене слушает, и отметаяйся вас Мене отмечается. Так отвечай помыслу и успокоишься, и он больше не будет тревожить тебя.

Но как быть, если является сомнение: да сам отец-то духовный не будет ли в искушении подать такой совет, какой ему выгоднее? Не впадет ли и он в то искушение, какому поддаются латинские патеры и ксендзы? Ведь и они люди, а где люди, там и слабости.

Отвечаю. Во-первых: латинская церковь, в искажении чистого христианского учения, допускает правило: цель оправдывает средства. Этого наша святая Православная Церковь ни в каком случае допустить не может, и совесть православного пастыря всегда связана правилом: для доброго дела и средства должны быть только добрые, чистые, допускаемые совестью христианскую и учением Христовым. Никакой пастырь не одобрят, если бесчестный человек нажил капитал нечестивыми средствами, обманом, насилием, подлогами, вздумал бы на эти капиталы строить, например, церковь. Каждый священник, каждый монах сказал бы ему: “Прочитай в Св. Евангелии рассказ о мытаре Закхее и возьми с него себе пример. Если уж нет никакой возможности вознаградить обиженных, то только тогда можно или раздать капиталы такие бедноте всякой, или же и храм построить, но опять там, где та же беднота имеет в нем особую нужду. Да и построить-то так, чтобы, по возможности, люди не знали, откуда идет благодеяние, кто строит храм. И если бы православные так

поступали, то и пастыри, к коим стали бы чаще обращаться за советами, были бы опытнее в советах и каждый раз, когда надобно дать совет, заглядывали в свою совесть, сверяли бы свою мысль с словом Божиим и отеческим учением, а в более трудных случаях искали бы совета у более опытных старцев или же у своего святителя. Затем, надо и то сказать: если хочешь узнать нелицемерно волю Божию, то молись Господу: “Господи! вразуми моего отца духовного, что сказать немощи моей, какой мне дать совет. Ты ведаешь, Господи, что я не ради того вопрошаю его, чтобы похвалиться своим добрым намерением, а только для того, чтобы узнать: доброе ли дело я задумал? благословиши ли его? согласна ли моя воля с Твою всесвятою волею? Я готов отказаться от своего намерения, готов исполнить Твою волю, вот и скажи мне чрез отца моего духовного: благословиши ли то, что надумал я, или иное что повелиши?” Не может быть, чтобы Господь, волю боящихся Его благословляющий и молитве их внимающий, не услышал такой молитвы и не внушил твоему пастырю или руководителю твоей духовной жизни то, что Ему благоугодно! Надо же верить Его обетованию: просите и дастся вам! Надо же поверить и благодатному опыту святых отцов, наших учителей благочестия, а их опыт говорит: если хочешь узнать волю Божию искренно, то и малый младенец возвестит тебе ее, если нет близко Богом данного и Церковью благословенного пастыря души твоей. Ведь известному Валааму, когда он хотел искренно узнать волю Божию, и ослица бессловесная сказала ее. Ужели же Бог не вразумит того, кого Сам Он поставил тебе, благодатью священства, быть ближайшим советником и наставником в христианской жизни?

В делах важных, требующих немалых средств, добрый христианин не должен забывать, что в каждой поместной церкви есть особый Богом данный епископ, который на то и поставлен, чтобы пасти стадо Божие, руководить верующих ко спасению, который и ответ Богу даст за паству свою, если бы отказал кому в добром, авторитетном пастырском совете и указании. И уж, конечно, такой Богом данный руководитель не откажет верующему войти в его положение, сам с ним помолится

Господу, дабы познать святую волю Его и непогрешительно указать ее просящему совета. У нас верующие православные люди совсем забыли об этом и редко, слишком редко обращаются в своих личных делах за советом к архипастырю. Им, кажется, и в голову не приходит такая мысль. Как будто дело архиерея только попов ставить, в церкви служить, проповеди говорить да разные кляузы разбирать. Грустно это! Жаль тех, кто лишает нас своего доверия. Может быть, мы сами-то по себе, как люди, и не заслужили того, но ведь надо же в делах веры и жизни духовной признать нас более сведущими, чем какой-нибудь приятель.

Надо же помнить, что Господь, по молитве верующих, не допустит и нас, грешных, погрешить в святейшем деле служения нашего. А если бы, попущением Божиим, по нерадению нашему, и случилось нам погрешить, то вся тяжесть греха сего ляжет уже на нас, пастырей, а не на того, кто во имя Божие отсек свою волю пред нами.

III

Знаю, мне скажут: да в состоянии ли наши пастыри руководить в такой степени совестью православных, чтобы решать все жизненные вопросы? Достаточно ли они опытны? Ведь среди них, не говоря уже о немощных духом и плотию, немало молодых, совсем неопытных, чуть ли не юношей? Иной мирянин опытнее своего пастыря и мог сам дать ему совет.

Отвечаю на эти недоразумения.

Да, мы, пастыри и даже архипастыри, немощны, не достаточно опытны в духовной жизни, среди нас немало и таких, коим не место бы оставаться среди пастырей, особенно в наше лукавое, блазненное время. Но ведь я, прежде всего, устанавливаю основное правило нашей церковной жизни: нет, конечно, правила без исключений, но в этом отношении надобно сказать об учительской деятельности пастырей то же, что говорим о совершении ими Таин Божиих: таинства церковные не теряют своей благодатной силы от недостоинства совершивших их – иереев и архиереев. Благодать Божия может и сильна руководить жизнью верующих и через недостойных пастырей. Пастыри не свое учение проповедуют, а учение

Церкви, учение Самого Христа. Не смотри на то, как я, грешный, живу, внимай тому, чему я учу тебя от Христова Евангелия, от писаний Апостольских и отеческих. Горе мне, если бы я стал тебя учить чему-либо противному учению Церкви! Я не требую от тебя слепого послушания, хотя в иных случаях для тебя надежнее было бы и без рассуждения слушаться пастыря, по реченному: овцы гласа его слушают и по нем идут, – я каждый совет мой, каждую добрую мысль и готов, и должен подтвердить или словом Писания Божественного, или же от писаний богоумных отцов и учителей Церкви. Я неопытен в духовной жизни, но у меня под руками сии благодатные руководители – слово Божие и отцы Церкви. Не мне, а им поверь; они лучше нас с тобою и душу человеческую изучили, и тайну жизни в Боге постигли, и путь к Богу обрели. Я с любовью и тебя послушаю, если ты мне укажешь в их писаниях то, что потребно для души моей. Их опыт духовный есть великая, неистощимая сокровищница, из которой никому не запрещено черпать. Но, главное, помни: и мне, и тебе нужнее всего отсечение своего смысления, своего толкования во имя всецелого послушания Богу. Между мною, грешным пастырем, твоим отцом духовным, и тобою стоит Сам Владыка наш Христос, приемлющий твое благое произволение, как чистую жертву самопредания Ему, стоит и незримо внемлет готовности твоей – не свою волю исполнить, а Его святую волю. И видит Он, что ты ждешь Его премудрого и всеблагого мановения чрез того, кого Он же уполномочил быть твоим пастырем-руководителем в жизни по Христе: Он ли не услышит твоей молитвы, Он ли не внушил хотя бы и моему недостоинству сказать тебе путь, в оньже пойдеш во имя Его святое?.. Твоя беседа со мною не есть простое совещание, обычное между людьми, друг другу преданными: нет, тут есть посреде нас Третий, тебе внемлющий, меня вразумляющий по молитве твоей же и, если твое сердце не лукавит, тебя и благословляющий на благое делание во исполнение Его святых заповедей. Тут совершается, я сказал бы, некое таинственное общение с Господом, тут ты произносишь ту же молитву к Отцу Небесному, какую возносил Он, Богочеловек, в саду

Гефсиманском: не Моя, но Твоя да будет воля, Отче наш!.. Держи же свою волю как бы на острии иглы, не склоняя ее ни на десно, ни на шуе, ни в сторону твоей благой мысли, ни против нее: жди, что речет тебе Господь, Коего воли ищешь, устами, аще и недостойного, Своего служителя. И что услышишь, то и сотвори. Прими, как волю Божию.

Таков идеал православного доброделания. Тут вопрошение отца духовного, совет со старцем духовной жизни, не есть простое совещание, а есть как бы некое священнодействие, некое жертвоприношение, тобою совершааемое. Отец твой духовный есть как бы жрец, приемлющий от тебя твою жертву – твое благое произволение и приносящий его Христу, нас ради послушливому даже до смерти крестной Своему Отцу Небесному. Он же, отец твой духовный, и отвечает тебе от имени Христова, мысленно вознося к Нему моление о тебе и повергая тебя к стопам Его, на кресте распятого. Вот внутренний смысл такого от воли своей отречения! Помнить надо, что сказал пророк Божий Самуил отверженному Богом Саулу: “Неужели всесожжения и жертвы столько же приятны Господу, как послушание гласу Господа? Послушание лучше жертвы и повиновение лучше туха овнов” (1Цар. 15:22). Доброе дело делаешь, когда творишь добро по движению твоего сердца, по требованию твоей совести, но цена сему добру будет вдвое, когда ты приложишь к нему еще и послушание, то есть готовность отказаться от своего смысления и исполнить то, что скажет тебе опытный духовный отец. Если он твою же мысль одобрят и именем Господним благословят, то тем радостнее будет для тебя, ибо добро твое получит сугубую цену. Как кровь, обращаясь в теле, обновляет весь его состав, так молитва, общение любви между членами Церкви, наипаче же пасомых с пастырями, созидает единство жизни церковной, направляя совесть верующих в доброделании туда, где имеется наибольшая нужда в таковом доброделании. Вот пример. У наших братий, переселенцев на далеком Востоке, нет храмов Божиих; они плачут, не имея утешения церковной молитвы целые годы, а мы золотим главы на сельских церквях, устраиваем серебряные престолы, мало того – жертвуем на

трамваи, электрическое освещение. Да ведь это, простите, эгоизм какой-то! Как будто нам и дела нет до братий наших, заброшенных на далекую окраину родной земли! Где же единство Церкви, яко Тела Христова? Где дыхание любви, согревающей немощных, неимущих братий наших? Представьте себе радость, благодарность их, если бы у них появился храм Божий, да притом построенный не на казенные средства, а вот от прихожан такого-то прихода, города, волости, селений! Не говорю уже о безвестных благотворителях, которые, устраивая храм, просили бы только молитв за них, сообщив лишь свое имя. Как горячо молились бы наши братья в таком храме! Но не о храмах только говорю я. Нет возможности перечислить все виды добра, которые можно бы осуществлять, если бы любовь православных людей, так сказать, не самочинничала, если бы она внимала голосу пастырей Церкви. Тогда и власть церковная смелее обращалась бы к сей любви, в виде воззваний, сообщений, где больше нужды и в чем она, эта нужда, оказывается. Перечитайте послания Апостола Павла: с какою любовью, но вместе и с настойчивостью обращается он к верующим с приглашением во имя любви жертвовать на бедные церкви Востока! Между прочим, он советует в течение недели откладывать, хоть понемногу, кто сколько может, а в дни собраний молитвенных приносить скопленные лепты и передавать предстоятелям церкви. Советует скоплять приношения заранее, чтобы когда представится случай, направлять их туда, где больше нужды. И уж конечно, верующие при личном свидании спрашивали его: куда и сколько должно направить? Да и сам он не отказывается передавать святые лепты по назначению. Делая добро, ни на минуту не следует забывать, что Церковь есть великий организм любви, а любовь чутко прислушивается, где ощущается боль... и, конечно, – туда направляет средства к ее облегчению. Пастырям Церкви виднее все это, а центральной власти церковной – и того больше. И спасибо сердечное тем добрым православным людям, которые направляют свои жертвы на нужды Церкви, доверяя это власти: много слез они утрут своим братьям, нуждающимся в духовном милосердии к ним! Много слез радости прольется, когда

неожиданно, будто с неба упадет, к бедным поселенцам придет эта святая жертва! И эта радость, несомненно, отзовется в сердцах тех, кто был ее виновником. Повторяю: в Церкви, как живом теле Господа Иисуса Христа, и горести и радости как бы по нервам передаются от одних душ верующих к другим, если сии последние деятельною любовью участвуют в жизни первых.

Обращаюсь к нашим пастырям. Да, они далеки от идеала, и если бы стояли на его высоте, то сама собою жизнь Церкви устраивалась бы по сему идеалу. Да, у них, в большинстве, мало духовного опыта, мало знакомства с отеческой литературой. Уж слишком погружаются они в житейские попечения. Знаю, не весело им живется, иной считает гроши, достанет ли их на самые насущные нужды. А все же нужно было бы побольше возгревать в себе веру в обетование Спасителя: ищите прежде всего царствия Божия и правды его и сия вся приложатся вам. У нас больше заботятся вот об этом “приложении”, а о Царствии Божием – потом. Мне горько писать эти строки, больно касаться наболевших вопросов о нуждах духовенства. Но, ведь слово-то Божие остается неизменным: прежде всего – Царствие Божие, о нем забота, а потом – об остальном, о приложении. Таков Самим Господом определенный порядок и уж, конечно не нам изменять его. И вот что же мы видим? Там, где пастырь доверяется Христову обетованию, единого на потребу – служение Господу и Его Церкви ставит выше своих личных и семейных материальных интересов, там видимо Христос благословляет его, вечно повторяя чудо умножения хлебов. Не в роскоши, не в богатстве живут такие служители Христа, но необходимое у них все есть, и они благодарят Бога за это. И дело пастырское у них налаживается при помощи Господа, и дети их радуют успехами и поведением, и в насущном хлебе они не нуждаются. Это уж таков закон у Христа Господа: Своих работников Он не балует, но и не забывает об их неотложных нуждах. Он располагает сердца их же пасомых, и сии помогают им во всем потребном. Не без скорбей и искушений течет их труженическая жизнь, но ведь все это в планах нашего духовного воспитания у Господа. Пастырю нужно опытом пережить и разные скорби и испытания,

дабы потом и испытуемым от Господа помочь. Ведь и о Господе сказано: Сам искушен быв, может и искушаемым помохи. И блажен пастырь, который понимает это и несет свой крест в преданности воле Божией! К такому-то вот и потекут пасомые за советом, за указанием, что когда делать и как жить, чтобы волю Христову, а не свою исполнять. Такой пастырь деятельно проходит все уроки жизни, какие преподает своим пасомым. Он и молитвенник, и утешитель в скорбях, и мудрый советник в затруднительных обстоятельствах житейских. К такому из чужих приходов идут. К такому и сопастыри обращаются за советом. Такой носит в душе своей светлый идеал, милостью Божией данный всем пастырям, в меру их сил и способностей, в лице великого молитвенника земли Русской – отца Иоанна Кронштадтского. Мы все ссылаемся на то, что живем не в те времена, в какие жили великие светильники веры и благочестия: вот Господь и дал нам в наши грешные, смутные времена такой образец пастырства, какого ни одна Церковь еще не видела. Смотрите: был такой же человек, как и мы, такой же священник, как и прочие, а предался Богу, и Бог соделал его носителем благодати Своей, носителем идеала для нас – пастырей и архипастырей. Нет нам извинения, будто в наши времена нельзя быть ревностным исполнителем долга в служении пастырском. Не напротив ли: не следует ли именно теперь быть готовыми душу свою положить за паству свою? Леность наша, дряблость наша, суетность наша и маловерие – вот в чем причины, что мы потеряли свое влияние на пасомых. Как бы в обличение наше, и теперь, слава Богу, есть добрые пастыри, хотя, конечно, не такие, как отец Иоанн, а все же добре правящие стадо свое на пажитях церковных. Каждый должен исполнять свой долг в меру данных ему от Бога сил и способностей. И в свое время каждый даст отчет о своем делании на ниве Христовой. И горе тогда будет нерадивым пастырям! Пусть они сами прочтут 34-ю главу пророка Иезекииля, изрекающую им великое горе.

Я сказал бы нашим пастырям: как ни трудны наши времена, но никто не может нам препятствовать делать вечное дело Божие, нам от Господа порученное. Вы имеете счастье не

людям служить, а Господу всемогущему и преблагому. Он верен в слове Своем: верьте же Ему и вы. Вы – Его сотрудники, ужели Он оставит вас без помощи благодатной? Этого быть не может! Но помните и то, что у Него Свои законы, коих вам не изменить. Труды и скорби ждут вас: их не избежать. Награда – после, может быть, в будущей жизни. Но она несомненна. В затруднительных обстоятельствах к небесному Архипастырю прибегайте. Повергаясь у подножия престола Его при совершении Божественной литургии, Ему, как дети Отцу, в простоте сердца поведайте все скорби свои, все нужды свои и своих пасомых. Держите духовных чад своих в сердце своем, когда молитесь о всех и за вся. Не может быть, чтобы Господь не внял такой молитве! Дерзайте же! Начинайте же с Богом дело свое и делание и продолжайте его до вечера жизни! Читайте писания святых отцов-учителей христианского благочестия и уроками из их писаний поучайте своих пасомых. Сами проникайтесь духом их учения, чтобы познать сладость его. Читайте и таких богоумудрых наставников духовной жизни, как святитель-затворник епископ Феофан. Начните, если еще мало знакомы с ним, хотя с его писем о христианской жизни, перейдите к собранию всех его писем, читайте его “Путь ко спасению” и прочие творения. Читайте письма таких учителей смирения, как Оптинский старец Макарий (особенно его письма к мирянам). Приобретите для библиотеки церковной сии книги, не говорю уже о писаниях святых отцов: Тихона Задонского, Димитрия Ростовского, Илии Миния, Златоуста, Аввы Дорофея. Не тратьте много времени на чтение газет: это яд, отравляющий душу. Редко-редко попадается в какой-нибудь патриотической газете статейка доброго содержания. Разучились теперь люди читать книги, от того и пишут неважно. Даже и на добрые темы пишут поверхностно, наскоро, потому и читать нечего в этих прстынях, именуемых газетами. Пастырю каждая минута должна быть дорога. Он должен не только сам найти пищу духовную, но и напитать ею своих пасомых. Он должен ответить на всякий вопрос, какой ему предложит прихожанин.

От нас, пастырей, зависит: быть или не быть Руси православною! Пока народ еще не потерял веру в Бога, пока не совратили его прелестники-сектанты, пока он не покинул мать-Церковь, дотоле еще не все потеряно, еще есть надежда на спасение его. И это – наше дело, наша задача, отцы и братия! Грешно будет, если мы опустим время и не исполним ее.

Горе пастырям, которые пасут самих себя, глаголет Господь: Я отниму овец Моих от руки их и взыщу за них с пастырей их!

Страшны суды Божии, а грозные тучи уже собираются над грешною землей.

149. За честь Креста Христова

Триста лет тому назад, когда впервые проникли в Японию латинские миссионеры, правительство Японии воздвигло гонение на христиан и, чтобы узнавать их, распорядилось положить в городских воротах кресты – так, чтобы нельзя было войти в ворота, не наступив на крест. И говорит предание Римской церкви, что многие, искренно уверовавшие во Христа, скорее соглашались отдать себя на мучения и смерть за Христа, чем наступить на изображение знамения нашего спасения – креста Господня.

Подобие креста как геометрическая фигура нередко употребляется как украшение в архитектурных рисунках и вообще в произведениях искусства. И пока такое изображение не имеет никакого отношения к нашей христианской вере, пока оно не касается нашего религиозного чувства с той или другой стороны, дотоле мы относимся к нему безразлично, как к простой, самой обычной геометрической фигуре, как например, в оконных рамках, дверях и т. п. Но как скоро искусство или, лучше сказать, его представители, художники хотят намеренно подчеркнуть свое неуважение к кресту, как к знамению нашего спасения, то мы должны протестовать самым решительным образом, ибо в таком случае является уже страшный грех кощунства. Представьте себе, что паркет пола в нашей квартире представляет правильно расположенные кресты: позволит ли вам совесть ваша спокойно ходить по такому полу даже тогда, когда вы не знаете, что это сделано намеренно, чтобы заставить вас попирать крест?.. А мы живем в такое несчастное время, когда не только возможно, но и в самом деле бывает намеренное поругание Креста Господня слугами сатаны – иудеями и их прислужниками-масонами. Вот что пишет мне с юга одна чуткая к чести Креста Господня душа:

“Не могу не поделиться с вами скорбью сердца моего. Этим летом я посетила А. женский монастырь, в который стекается много молящихся, в особенности недужных, к чудотворному образу Богоматери. И вот, чтобы приложиться к образу, надо

пройти по коврам, на которых вытканы... кресты!.. Стало быть, христианин, прежде чем подойти к иконе, обязан попрать ногами, потоптать символ своего спасения – вытканный на ковре крест. И у царских врат, и везде в храме такие же кресты на коврах. Увидев это, так была поражена, так терзалось сердце мое, что я не выдержала и тут же сказала монахиням: “Ведь только сектанты топчут изображение креста, а мы, православные, разве смеем это делать?” И я просила, очень просила снять эти ковры и не гневить Господа поруганием креста Его. На это мне ответили: “Это – жертва, обидятся жертвователи. У нас все ковры такие: что мы будем делать с ними?” Я сказала им: “Зашейте кресты такого же цвета гарусом, обратите их в круги или четырехугольники, а впредь с крестами ковров не принимайте, объясняя жертвователям, что топтать крест грешно”. Сняли ли ковры и зашили ли кресты, я не знаю. Духовенство, большую частью, на это не обращает внимания, а сектантам это и на руку: они могут указывать, что де и православные попирают крест. И это творится не в одном А. монастыре, но и других храмах: у нас, например, в соборном храме был ковер от престола через всю солею, и когда я обратила на это внимание отца протоиерея, ковер тотчас же был убран раз навсегда, и меня благодарили за то, что указала”.

Мне скажут, что я обращаю внимание на мелочи. Да разве это мелочи – попирание изображения креста Христова, хотя бы и на ковре? Мы упрекаем латинян, что они целуют папскую туфлю, на которой, говорят они в оправдание, изображен крест; мы говорим: место ли изображению креста на туфле? Но разве место сему на коврах, по коим мы ходим? Пусть фабрикант говорит нам, что это – не крест, а геометрическая фигура, раз возникает сомнение: так ли? – мы должны требовать, чтобы совсем таких крестовых ковров не выделявалось! Фабрикант говорит, что это – не крест, а простая фигура, такой-де рисунок; а кто поручится в наше грешное время, что тут нет злого умысла – нарочито подвергнуть поруганию крест Господень? Прочтите вот правило 73-е Шестого Вселенского Собора:

“Поелику животворящий крест явил нам спасение, то подобает нам всякое тщание употребляти, да будет воздаваема

подобающая честь тому, чрез что мы спасены от древнего грешопадения. Посему и мыслию, и словом, и чувством поклонение ему принося, повелеваем: изображения креста, начертываемыя некоторыми на земли, совсем изглаждати дабы знамение победы нашея не было оскорбляемо попиранием ходящих. И так отныне начертывающих на земли изображение креста повелеваем отлучати”.

Видите: святые отцы Вселенского Собора не считали “мелочью” рассуждать об изображениях креста, хотя бы они были начертаны просто на земле: они “повелевают” такие изображения “совсем изглаждати”, уничтожать, этого мало: они не задумались написать и такое “повеление” – “начертывающих на земли изображение креста повелеваем отлучати”. Заметьте, из сего постановления соборного не видно: с какою целью сии отлучаемые от общения церковного начертывали изображение креста на земле; может быть, просто по небрежению к тому, что делали, может быть, у них не было ясно сознаваемого намерения подвергнуть святое изображение попранию. А в наше время возможно, что рисовальщики узоров для фабрик делают это и намеренно, чтобы ходящие попирали крест. Припомните, что письмо получено с юга: почему знать, может быть, те же штундисты на фабриках, издаваясь над православными, делают рисунок с крестами и намеренно. Строго судят святые отцы даже легкомысленно начертывающих крест на земле. Какому же строгому суду подлежат делающие это с намерением подвергнуть попранию изображение креста?.. И можно ли назвать мелочью то, о чем мы говорим?

Русский православный человек столь чтит сие изображение, что даже простое напоминание о нем на перекрестках дорог побуждает его творить крестное знамение при проезде через перекресток, а в некоторых местностях России на перекрестках, для сугубого напоминания о кресте, – знамении нашего спасения – ставятся кресты. Православный христианин помнит, что самый мир создан во образ креста: четыре страны света напоминают ему крест Христов. Он знает, что “крест – хранитель всея вселенныя, крест – красота церкви, крест – царей держава,

крест – верных утверждение, крест – ангелов слава и демонов язва”.

Силою Креста Христова он верует спастись как от бед и напастей в сей временной жизни, так и в грядущей вечности. Тропарь, или песнь, Кресту есть в то же время и молитва за Царя православного, за все Отечество, победная песнь торжествующей веры. И не потому ли так ненавистен Крест Христов всем врагам христианства? Не говорю уже о духах тьмы; они трепещут и трясутся, по выражению песни церковной, при одном знамении крестом; даже люди, предавшие себя врагу Божию – диаволу, отшатнувшись святой веры и Церкви Православной, и те как бы боятся Креста Господня. Рассказывал мне один миссионер: раз, во время беседы со штундистами о Кресте Господнем, его собеседники громко потребовали от него, чтобы сотворил силою креста какое-либо чудо тут же, пред ними. Миссионер сказал, что это значило бы искушать Господа, подобно иудеям, но что Господь, конечно, силен и чудо сотворить, если сие потребно для их вразумления. “Пусть, – сказал он, – тот, кто хочет на себе испытать силу крестного знамения, подойдет ко мне ближе: я осеню его сим знамением, и он тотчас же ослепнет: верую, что Господь может сие сотворить!” И что же? Никто из сектантов не дерзнул подойти к миссионеру: страх обял хулителей Креста Господня. В другой раз тот же миссионер, приглашенный сектантами на чашку чая, осенил, по обычаю иерейскому, стакан, ему поданный, крестным знамением, и мгновенно стакан лопнул и развалился. Надо было видеть, как это поразило штундистов: они от страха побледнели. Кто знает? Не подсыпали ли в стакан какого снадобья?.. Наши интеллигенты обычно, елико можно, елико допускает им приличие, избегают, как бы стыдятся знамения крестного. Присмотритесь, как делает на себе знамение крестное иной полувер-интеллигент, когда этого требует его положение, например, при похоронах своего сослуживца, при торжественных молебнах, когда он является в храм “ради парада”: он едва водит рукою по груди, будто ощупывает, все ли у него пуговицы целы. Спросил бы я его: да умеет ли он по-православному ограждать себя крестным

знамением: на чело, на перси, на плечи? Или разучился уже? Не вяжет ли руку его все тот же ненавистник Креста Христова, князь мира сего прелюбодейного?.. И выходит: сотворить истово крестное знамение – стыдно, а вот попирать Крест Христов, нарочито, может быть, составлять рисунки, где святое знамение спасения будет потом попираемо – это можно, это современно, во вкусе века. Да не честнее ли было бы уж вовсе отречься от веры во Христа, как сделал это великий еретик нашего времени, известный Толстой? Ставят ли себе такой вопрос наши интеллигенты, эти полусознательные христиане, полусознательные язычники? Или им выгоднее прикрываться до поры до времени именем христиан, пока не нашли себе более подходящего, но уж не такого старого слова, как “язычество”? Впрочем, кажется, уже и находят, по крайней мере, около такого имени бродят: ведь уже слышатся странные для нашего православного уха слова: голгофское христианство, неохристианство, оккультизм, спиритизм. Еще немного, и придумают, наконец, и слово это будет новое, модное и ухватятся за него все наши полуверы, и станут уже полными неверами, сбросив с себя имя православных христиан, как изношенную одежду. К тому идет дело, читатели мои! Неверие, сначала практическое, в жизни, а затем и теоретическое, в учении, мутною волною разливается по лицу земли среди якобы образованного общества, а оттуда спускается и вниз, в среду невежественных масс; и этому всячески содействуют враги Церкви Божией – иудеи и масоны, растлевая и ум и сердце чрез печать, театры, лженаку и всеми иными мерами. Врагу страшна только твердыня Православия: если ее удастся расшатать, то с остальным он уже легко справится. Вот почему и ведется подкоп именно под Православие: его хотят всячески унизить, приравнять к суеверию, в него внести разложение в виде разных сект и ересей, его ослабить расколами и раздорами в среде его исповедников. С непонятною, на первый взгляд, ненавистью относится именно к Православию вся иудейская и иудействующая печать, с каким-то пренебрежительным снисхождением – наша интеллигенция, даже и та, которая считает себя еще верующей в Бога; и только

те, которые еще чтут авторитет Церкви-матери, еще таят в глубине своего сердца любовь и веру к этой матери, только они, вместе с нею, скорбят, болеют душою, видя поношение или искажение Креста Христова – уже не на коврах только, а всюду, где можно: например, в столице замечено православными, что на одном храме поставлены кресты как бы перевернутыми вершиною вниз, так что поперечник креста приходится в нижней его части, не в верхней, как обычно. А тот знак, под которым масонство выступило на борьбу якобы с чахоткой, а на деле – едва ли не с другим чем-то, знак перечеркнутого креста? Кто видел этот “красный крест”, тот пусть нарисует его на лоскутке бумаги: он состоит из вертикальной линии, пересеченной двумя равными по размерам горизонтальными поперечинами: соедините же вершину такого креста с концами нижней поперечины и вы получите треугольник вершиною вверх, а если соедините концы верхней поперечины с основанием креста, то получите треугольник вершиною вниз, то есть, получите два пересекающихся треугольника или шестиугольную звезду: обычный знак врагов христианства – масонов. Если я ошибаюсь в толковании этого новомодного “креста”, то пусть гг. учредители сборов на “белый цветок”, измыслившие такую невиданную форму якобы креста, объяснят мне смысл этой формы! Ни христианская древность, ни православная современность не знают такого креста. Это не крест, а телефонный столб с двумя равными поперечинами. Признать это крестом мы отказываемся, а если это не крест, то что такое?..

Опытные в духовной жизни подвижники пишут, что враг наш, диавол, даже в сонных мечтаниях, не может представить Креста Господня: он обычно представляет какую-либо геометрическую фигуру, а на мысль искушаемого влагает, будто это – крест. Не то же ли и тут, особенно если заподозрить участие масонов в этих новомодных сборах на разные цветы?.. В тревожное время мы живем: там искушают нас попранием Креста Господня, а тут – подменою его какою-то фигурою, в виде телеграфного или телефонного столба. Воистину, дни лукави суть!..

150. Помним ли мы великий урок 1812 года?

С нами Бог! – ликуя, воспевает святая Церковь, прославляя Бога, явльшегося плотью и яко Отроча младо пеленами повиваемого. С нами Бог! – вместе с Церковью торжественно восклицает стомиллионный православный Русский народ, благодарственно воспоминая избавление Церкви и державы Российской от нашествия галлов и с ними двадесяти языков.

Да, Церковь на Руси всегда была нераздельна с Русью: когда страдал и страдает Русский народ, – с ним болела и болеет сердцем и Церковь, как нежно любящая мать; на ее груди отдыхала душа народная во дни великих бедствий; она утешала его в невыносимых скорбях; она представительствовала за него пред Богом, испрашивая ему прощения и оставления грехов и отводя грозную, карающую руку Божию во дни великих испытаний. За то и радовалась она радостями народа, как счастливая мать, радовалась и учила народ радоваться радостью о Господе, все радости достойное, приписывая единому Богу-Милостивцу и влагая в уста народа слова Песнопевца: не нам, Господи, не нам, а имени Твоему даждь славу!

Трогательны восторженные песни, коими в день Рождества Христова святая Церковь прославляет Господа за спасение России от нашествия великого корсиканца – завоевателя всего мира. Трогательна и поучительна молитва Церкви, коленопреклонно чтомая в заключении молебна в этот день. Необычна эта вечная память Императору Александру Первому среди светлого торжества великого праздника Христова.

Слава в вышних Богу и на земли мир. Как благоприлична эта ангельская песнь при воспоминании о конце великой брани за Царя – любимца всего народа Русского! Слава богу, ибо Агнец Вифлеемск, льва и змия нами поправ, миру мир дарова. Велики скорби, тяжелы подвиги, понесенные народом Русским в эту великую годину испытаний, но Богу было благоугодно соделать нас орудиями низложения и покорения жестокого

врага веры христианской, хитрого и гениального в своем деле воинском, врага всех народов земных; Богу было угодно, чтобы к великому празднику мира, воспетого Ангелами, не осталось ни одного врага на Русской земле: тем со Ангелы Младенцу миродержавному боголепну славу принесем: слава в вышних Богу, и на земли мир, в человечех благоволение!

А когда вспомнишь все грехи народные, коими Русь прогневала Божие правосудие в те времена, когда вспомнишь, что Господь не по беззакониям нашим сотворил есть нам, ни же по грехом нашим воздал есть нам, но и в годину искушения, пришедшую не на нас одних, но на всю вселенную, избавил нас и внегда обышедше обыдоша нас врази наши, явил есть нам спасение Свое: мало сего – нас же соделал орудием избавления всех народов, покоренных врагом нашим и, из повиновения ему, воевавших против нас – когда вспомнишь все сии милости Божии, то как не повергнуться во прах пред священными яслями Богомладенца с сердечным умилением, как не воскликнуть: видехом, Господи, видехом, и не мы одни, но вси языцы видела в нас, все народы были свидетелями тому, все видели, яко Ты еси Бог и несть разве Тебе: Ты убиеши и паки жити сотвориши, Ты поразиши и исцелиши, и несть иже измет от руку Твою!.. Благодарим Тя, Господи, яко наказуя наказал еси ны вмале, да не смерти во веки предади нас!.. О, премилосердый Господи! Пробави, продли милость Твою ведущим Тя! Но и неимущим Тебе явлен буди!..

Минуло ровно сто лет с того дня, как Русь торжествовала и благодарила Господа за спасение свое. В могилу сошли все свидетели сего торжества. Немного осталось и детей их, которые внимали их сказаниям, проникнутым великим умилением сердечным, великою к Богу-Благодетелю благодарностью. И вот мы, внуки и правнуки их, спустя сто лет переносимся мыслию к их подвигам, вспоминаем милости Божии... и как хотелось бы спросить свою совесть: а поняли ли мы великий урок, данный нам Провидением Божиим в истории наших дедов и прадедов? Прислушаемся к словам молитвы, составленной великим святителем Филаретом, на молебне в праздник Рождества Христова:

Ты глаголал еси, Господи, древле сыном Израилевым, яко аще не послушают гласа Твоего хранити и творити вся заповеди Твоя, наведаши на них язык безстуден лицем, иже сокрушит их в градех их, дондеже разорятся стены их, и мы видехом, яко прииде глагол страшный сей на ня и на отцы наша. Обаче прещения Твоего не убоявшеся, и о милосердии Твоем вознерадивше, оставилом путь правды Твоей и ходихом в волях сердец наших... еще же и отеческая предания ни во что же вменившее, прогневахом Тя о чуждих. ихже ради и нас объят лютое обстояние, и о ихже ревновахом наставлениих, сих врагов имеяхом буих и зверонравных.

Вдумаемся в эти слова, особенно в последние слова богоумдрого святителя, нашего русского златословесного учителя: о ихже ревновахом наставлениих, у кого ревностно, как школьники, перенимали все худое, сих врагов имеяхом буих и зверонравных. те самые, у которых мы заимствовали разные безбожные учения – они-то и явились нашими лютыми, жесточайшими врагами. Воистину, чем согрешили наши предки, тем и были наказаны! В конце восемнадцатого столетия русские люди сильно увлекались безбожными учениями, коими была уже тогда заражена Франция, и вот за это увлечение последовало Божие попущение: наши же учителя, французы, сами того не сознавая, явились как бы бичом Божиим к вразумлению наших предков. Счастливы эти предки наши, что поняли ниспосланный им урок и, хотя тяжкою ценою, но все же искупили свой грех, смыли его слезами покаяния и были помилованы милосердием Господа. Исповедуя сию милость Божию, они, в умилении сердца, взывали: посетив жезлом неправды наша, якоже щедрит отец сыны, ущедрил еси нас, Господи! Но урок, данный отцам, не должны забывать и дети, и внуки, и правнуки, до последнего рода, если не хотят, чтобы этот грозный урок повторился на них самих. А мы – помним ли мы этот урок?..

Не в такой светлый, радостный праздник говорить бы о печальных явлениях нашей русской жизни, но что же делать? Ведь если мы, пастыри будем молчать об этом, то – камни возопиют! Увлечение наших предков вольнодумством,

вольтерьянством, масонством XVIII века можно бы называть детскими шалостями в сравнении с тем, что творится теперь у нас на Руси! Тогдашнее безбожие проистекало больше из легкомыслия, из тайного желания как-нибудь успокоить совесть, которая протестовала против грехов плоти. Нынешнее безбожие есть какая-то бессмысленная вражда на Бога, выражаящаяся в страшных кощунствах; тогдашние пороки были общечеловеческие. Нынешние носят характер извращенности, противоестественности; тогда простой народ грешил, но грех грехом называл, а ныне и деревенские парни, начитавшиеся иудейских "Копеек", хвалятся своими вопиющими беззакониями как славными подвигами. Понятия извратились, совесть убита, люди становятся хуже диких зверей. Страшно становится жить на свете! Боишься громов небесных, которые вот- вот возгримят над грешною землей.

А в небесах пока еще слышится сладостная песнь небожителей: Слава в вышних Богу и на земли мир. А в пещере Вифлеемской еще возлежит Божественное Отроча и с такою любовью улыбается Своей Пречистой Деве – Матери.

Мати Божия, Заступница усердная рода грешного! Не имеем мы сами никакого дерзновения к Сыну и Богу Твоему: Ты помолись о нас, Ты смилийся над немощью нашей духовной, Ты покрой нас теми пеленами, которыми повивала Ты Свое Дитя Божественное, да воззрит Он и на нас с благоволением и мир Его премирный да снидет в наши немирные сердца, и да согреет их любовью к Себе, да и мы с дерзновением святым воспоеем с небесными певцами: слава в вышних Богу, и на земли мир, в человечех благоволение!

Блестки и изгарь

Наша современность так полна всяких неожиданностей, несообразностей, иногда прямо нелепостей, что дня не проходит, чтоб не наткнуться на такие явления, которые вызывают в душе чувства удивления, протesta, негодования. Редко-редко, будто золотая блесточка в куче мусора, мелькнет отрадное явление, и как рад бываешь отметить его! Доселе я это и делал, и буду делать, по мере сил, в своих дневниках, откликаясь на более или менее крупные факты того или другого

рода. Но не всегда есть время и возможность делать это сколько-нибудь обстоятельно по каждому, обратившему на себя внимание слушаю. А отметить этот случай, хотя краткой заметкой, стоит. И вот, мне припомнились в “Домашней Беседе” 1860–70-х годов “Блестки и изгарь” покойного борца за идеалы Православия В. И. Аскоченского, и явились мысль: не открыть ли и мне в своих дневниках страничку для подобных летучих заметок на злободневные вопросы текущей церковной и общественной жизни и литературы, да и под тем же заглавием: зачем придумывать новое, когда есть старое хорошее? В сущности, это будет продолжение тех же “Моих дневников”, но в более кратких статейках, когда нет времени писать большую статью. Надеюсь, мне помогут в этом и мои читатели. Лучше хоть маленький отклик, чем равнодушное молчание. А иногда, Бог даст, можно будет отметить и хотя малую некую блесточку добра: ведь если бы на земле вовсе не было добра, то и мир потерял бы весь смысл своего бытия. Итак, благослови, Господи!

І

Было время, когда преимущественным чтением русского народа служили такие духовно-назидательные книги, как Четы-Минеи, Прологи, Патерики и отдельные жития святых. В этих житийных сказаниях наш благочестивый народ видел не только то, что нужно делать для получения вечной жизни и спасения, узнавал не только учение веры и нравственности христианской, но видел также и то, как нужно жить по заповедям Христовым, как следует прилагать нравственные и вероучительные истины христианства к жизни.

Исконная любовь нашего народа к житейным повествованиям начинает, по-видимому, в последнее время ослабевать под влиянием все шире и шире распространяющейся светской литературы, часто довольно сомнительного свойства, особенно со времени так называемых “свобод”. Вновь воспламенить и усилить эту любовь народа к церковно-повествовательным произведениям можно не иначе, как только противопоставив широкому распространению дешевых светских сочинений не менее широкое

распространение как житий древних святых, так в особенности сказаний о жизни и трудах русских подвижников позднейшего времени.

Эти жизнеописания новейших подвижников должны показать народу, что спасение возможно и в наше время; что благодать Святого Духа неизменно действует в Церкви до наших дней; что изумительная и победоносная борьба благочестия с духом тьмы происходит и ныне; что Христос, обещавший вечно пребывать с нами, творит Свои чудеса неоскудно и в Русской земле чрез Своих верных учеников и подвижников; что наша Русская земля, несмотря на широкую волну неверия и порока, несущуюся к нам из западных стран, пребывает и на долгие века пребудет Русью Святой.

Эту высокую задачу – ознакомить народ с жизнью и трудами новейших подвижников, и берет на себя Тобольское Епархиальное Братство святого Димитрия Солунского, приступая в настоящем (1912) году к изданию составленного священником Александром Юрьевским “Нового Святорусского Патерика”.

Сей обширный труд Братство печатать будет частями, в виде небольших книжек (в 30–40 страниц каждой), в коих дано будет около 560 жизнеописаний тех новейших русских подвижников, блаженная кончина коих последовала в XIX веке, начиная с 1800 года. Всех таких книжек, весьма доступных народу по своей цене, Братством будет выпущено не менее 150 номеров.

Пока выпущено три книжки ценою по 5 копеек. В них содержится краткое жизнеописание монахини Маргариты Кирсановской, Митрополита Петербургского Гавриила, блаженной Ксении Петербургской, Архимандрита Феодосия Софрониевского, Архиепископа Варлаама Тобольского, иеромонаха Иоакима Саровского и благочестивой крестьянки Пелагии. Очерки написаны живо, тепло и читаются с духовным утешением. Отмечаем эти небольшие, дешевые, но поучительные книжечки, как святые “блесточки” в нашей народной литературе, заваленной мусором вредных развратающих изданий.

Получать книжки можно в Тобольске, в Совете Братства святого Димитрия Солунского.

II

Легкомыслие или масонщина?

Всякого рода кощунство, даже богохульство – в иудейской печати дело обычное. Но печать, которую мы привыкли считать порядочною, доселе избегала этого. В большой прстыне, именуемой “Новое Время”, изредка появлялись статьи Меньшикова с выходками, граничащими с кощунством, но такому большому барину в газете, видимо, делалось снисхождение.

Но вот, в № 13167, от 6 ноября, помещен маленький фельетон под заглавием “Бабье лето в танцах”, подписанный некиим М. К., а над сим фельетоном стоит эпиграф:

“Танцы – единственное занятие ангелов на небе, и блажен тот, кто может подражать им на земле”.

Затем в скобках, курсивом, стоит якобы цитата:

(Из послания Василия Великого к Григорию Богослову).

Судите сами: что может подумать читатель? Если он никогда не читывал творений св. Василия Великого, он смутится. Как? Ужели так писал святитель Божий? Но стоит цитата: стало быть, у Василия Великого есть такие строки. Или это подделка? Вероятнее всего. Но что же это? Неужели мы дошли до того, что у нас на глазах подделывают письма святых, приписывают им то, что подумать было бы кощунственно?.. А если читатель знаком с писаниями Василия Великого, то он должен возмутиться духом, должен громко крикнуть: доколе же это будет терпимо? До чего же мы дойдем, наконец?!

Знающие люди говорят, что в греческом тексте стоит слово “хоревин”, что и значит: “петь хором”, а г. М. К. хочет читать: “хорографин” – “плясать”. Так ли? Но вернее, автор и в глаза не видал подлинника, а просто припомнил, что писал лет пять-шесть назад один “профессор” (слава Богу, ныне изгнанный из Духовной академии) в одном духовном журнале о плясках религиозных. Этот экс-профессор, действительно, хотел оправдать все сектантские пляски и подтягивал к своей теме

все, что можно было подтянуть, хотя бы при помощи искажения текста святоотеческих писаний.

Так или иначе, но серьезной газете стыдно выкидывать такие колена. Ведь надо помнить, что ее читают сотни тысяч людей разного возраста, всякого образования, разных исповеданий: среди них найдутся и такие, которые, прочитав кощунственную цитату и дав ей веру, подумают о великом учителе вселенской Церкви, будто он был так невежествен, что способен был написать такую нелепость, граничащую с вымыслами Магометова Корана.

Хотелось бы думать, что это только легкомысленная выходка газетного болтуна, а не семечко из кошницы масонской.

III

Еще вопрос: легкомыслie или масонщина?

В № “Колокола” (от 10 ноября), в статье: “Легкомыслie или масонщина?” владыка Никон справедливо возмущался тривиально-кощунственным переводом слов св. Василия Великого, помещенным в одном из фельетонов “Нового Времени”. Но вот есть “духовный” журнал – “Русский Паломник”, как значится в подзаголовке, – “одобренный всеми ведомствами” (значит, и ведомством православного исповедания?), издающий приложения самого назидательного содержания: и “Богословскую Энциклопедию”, и “Творения св. Григория Богослова”, и “Земную жизнь Иисуса Христа”, и кроме того ежемесячный журнал-приложение “Светоч”. Случайно я просмотрел ноябрьскую книжку этого “Светоча” и вот прошу вас полюбоваться, что я там нашел.

В первой статье “Голуби Святого Младенца” (легенда), на ст. 1700, читаем: (голуби) “пребывали с Ним в пещере (во гробе), и их распостертые крылья и взъерошенные перья показались обезумевшей от горя Марии Магдалине светлыми ангелами, спросившими ее: – Жено, о чём плачешь?.. – Когда ученики Его собрались, спустя пятьдесят дней, – подобно буре, с высоты неба, в быстром шуме, слетели к ним те же самые голуби. Светящимися крыльями, как будто раздвоенным пламенем, коснулся каждый из них головы апостола, и в виде этих гонцов Иисуса сошел на них Дух Святой, горячая вера в

ожидавшее их апостольство, которому они предались единодушно".

Как видите, Дух Святой совсем не сходил на апостолов, а только "горячая вера в ожидавшее их апостольство". Совсем было все просто и ничего сверхъестественного. При этом еще не так удивительно, что "обезумевшая от горя Мария" приняла на рассвете, в полумраке пещеры, "взъерошенные перья" голубей за ангела; – удивительно то, каким образом апостолы среди белого дня могли принять обыкновенную стаю голубей за сошествие Св. Духа, а белые голубиные крылья – за огненные языки? Оставалось бы только добавить, что предположение еврейской толпы, будто апостолы "напились вина", вполне основательно. И такое кощунственное объяснение евангельских событий мы читаем не в какой-нибудь масонской "библии для развлечения" (La Bible amusante), а в духовном журнале, "одобренном всеми ведомствами".

Но это еще не все. На последней странице той же книжки в отделе "Смесь" есть заметка "Легенды о создании женщины", и эта заметка заканчивается так: "Ассирия, Вавилон, Египет, а за ними и Иудея (т. е. прибавим от себя, – наша св. Библия) сохранили самую непоэтичную легенду о происхождении женщины... из ребра мужчины!" (многоточие и знак восклицания – "Светоча").

Вспомним, что "Русский Паломник" рассчитан на благочестивую русскую семью, еще не потерявшую связи с Церковью, а, в частности, "Светоч" будет читаться преимущественно, детьми среднего и старшего возраста. Каких же плодов ожидать от такого чтения? По моему мнению, лучше уж дать прямо Ренана "Жизнь Иисуса" и т. п. Там систематическое искажение божественного Лика Спасителя и открытое глумление над верой способны скорее вызвать отвращение в чистой верующей душе и, во всяком случае, сразу дают понять, что за книга лежит пред вами. Здесь же яд подносится скрыто и как бы случайно, среди другого совсем неподозрительного материала; здесь искуситель застает доверчивую душу как бы врасплох и незаметно может забросить в нее семена сомнения, которые дадут ростки, когда уже поздно будет их искоренять.

Вот где уместно спросить: легкомыслie ли это или масонщина, т. е. сознательное и планомерное стремление подорвать веру и там, где она еще сильна и куда с открытыми нападками на нее проникнуть нельзя?

Позволительно также спросить: неужели и в самом деле "Русский Паломник" с его приложениями рекомендован и духовным ведомством для разных библиотек и читален, например, церковно-приходских?..

IV

Да не будет сего!

Замечаете ли вы, читатель, что наша так называемая "порядочная" печать постепенно все левеет, мельчает, уходит в сторону от добрых преданий еще недавнего старого времени?

"Новое Время" уже не то, чем было при покойном А. С. Суворине; "Свет" стал сумерками после смерти своего основателя – В. В. Комарова; от одной газеты пахнет каким-то нерусским "национализмом", от другой несет "октябрьизмом", не говорю уже о тех, которые продали себя "kadetizmu" и прямо жидовству.

Некто "Вопрошающий" отметил вредные поползновения редакции "Русского Паломника" угождать своих читателей "легендами" в еретическом, рационалистическом вкусе. А этот журнал "рекомендован всеми ведомствами" для школ и назначает себя для семейного чтения. А вот еще журнал, очень распространенный, проникший особенно в семьи священников и до последнего времени державший себя порядочно, хотя когда-то и напечатавший "Воскресенье" гр. Толстого, конечно, в сокращенном виде. Это – известная "Нива", издаваемая Марксом вот уже 40 лет. Теперь этот журнал рекламирует, что в будущем году он дает полное собрание... мерзостных сочинений "знаменитого" Леонида Андреева! Как вам покажется это? Кто руководит теперь этим изданием? Кто угадывает вкусы своих читателей? Не должны ли все порядочные люди дружно крикнуть редакции: если хотите отравлять наши семьи Андреевым, то – прощайте! Мы уходим от вас!

Но случится ли это? Увы, не надеюсь! Наша интеллигенция – какое-то безличное существо: чем его угостят, то и будет

кушать, хотя бы пришлось и поморщиться. При журнале, видите ли, прилагаются разные “выкройки”, “моды”, олеографии... все это пригодится барышням, детям, да и вообще, журнал дает много для чтения интересного, к нему привыкли за 30–40 лет... как-то уж отставать не хочется. Ну, а Леонид Андреев... да его можно ведь и не читать.

Так, вероятно, рассуждают наши интеллигенты, обсуждая вопрос, на какой бы журнал подписаться. Но не так должны рассудить пастыри Церкви. Те из священников, которые доселе выписывали “Ниву”, должны бы решительно отказаться от дальнейшей выписки этого журнала, обещающего внести отраву в их семьи. Этого мало: должны бы не пожалеть открытки, чтобы заявить редакции столь же решительный протест против такого “приложения”, сказать твердо, мужественно: если вы так, то и мы больше не ваши читатели! Стыдно, позорно порядочному изданию размазывать леонидовскую грязь по лицу родной земли! Пусть уж этим ремеслом занимаются жиды и масоны, которым так хотелось бы развратить наши семьи, наш народ, но доселе почтенной редакции “Нивы” это как-то уж не к лицу!

Предупреждаем наших читателей, какая опасность грозит их семьям от выписки “Нивы”. Если хотят уберечь своих детей от отравы нравственной, то пусть откажутся от выписки этого издания. А священникам властно повелевает это их долг: что же это, в самом деле, будет: пастыри Церкви будут выписывать для своих семей порнографа Андреева и поддерживать своими грошами издание, распространяющее его сочинения?

Да не будет сего!..

Моим читателям

“Мои дневники”, печатающиеся частью в “Церковных Ведомостях”, частью в газете “Колокол”, а главным образом в “Троицком Слове”, вызывают со всех сторон добрые отклики моих читателей: мне пишут и миряне, и пастыри, и простые, и интеллигентные люди. От всей души приношу им мою сердечную благодарность за ту нравственную поддержку, какую они мне оказывают такими письмами. Мы живем в боевое время для Церкви Божией, когда ее враги, иудеи и масоны, а также и ослепленные ими наши полуинтеллигенты-либералы

всяких закалов стремятся напустить тумана в сознание русских людей и увлечь их на путь гибели для родной земли чрез измену святой вере православной и заветам родной старины. Обличать всю ложь этих проповедников духовной смуты, раскрывать красоту и истинность наших родных идеалов, предостерегать русских людей от увлечения лживыми учениями, как политическими, так и религиозными, – вот задача, какую должны мы, пастыри, ставить себе в наше время и какую я ставлю для себя в “Моих дневниках”. Чтобы сделать доступными такие статьи для всех, Троицкая Сергиева Лавра и издает, под мою редакцией, “Троицкое Слово”, выходящее 50 раз в год (раз в неделю), по цене 1 рубль в год с пересылкою. В этом “Слове” я и печатаю все “Мои дневники”, а в следующем году буду вести, кроме того, еще отдел мелких заметок, под названием “Блестки и изгарь”, в коих буду отмечать и отрадные, и печальные явления в нашей литературе и жизни, освещая их светом церковных воззрений. Я крепко верю в святость наших идеалов; я знаю силу благодати Божией, в нашей и только в нашей Православной Церкви действующей; я убежден в животворности тех заветов, какие оставила нам наша матушка – старая Русь; верю, темже и глаголю, и не перестану глаголати, пока Бог даст силы и возможность к тому. Счастлив, что в этом святом деле пришла мне на помощь родная моя обитель, Троицкая Сергиева Лавра, почему “Троицкое Слово” является, действительно, голосом православного инока, напоминающим тот голос, который раздавался в смутные годы междуцарствия, триста лет назад, в виде известных “Троицких грамот”, рассыпавшихся преподобным Дионисием и келарем Авраамием Палицыным, и призывал православных русских людей к единению во имя веры и спасения Родины от тяжкой усобицы и смуты того времени. Смута нашего времени опаснее той, хотя и кажется, будто наступило умиротворение: враги поняли, что пока Русь православна, дотоле ее не сдвинуть на распутия политических бредней, а значит, надо все усилия направлять против Церкви Православной и ее устоев. Вот почему я призываю всех моих читателей не только откликаться на мой голос, но и присыпать мне вырезки из местных газет, помогать в

распространении нашего издания среди родных и знакомых. Приходится слышать жалобы на то, что я не печатаю в газетах своих объявлений, но патриотические газеты, спасибо им, такие объявления печатают, да распространены такие газеты слишком мало, в иудейских же изданиях берут дорого, а читатели их не обращают внимания на подобные объявления. Знаю, что меня некоторые осудят за такую саморекламу, но думаю, что добрые русские люди согласятся со мной, что в таком приглашении нет ничего худого. Русь, наша матушка-Русь в опасности: все, что может, хотя в малейшей степени, предупредить эту опасность, есть наш долг, и мы должны исполнить его.

Вместе с "Троицким Словом" издается, вот уже одиннадцатый год, и "Божия Нива", ежемесячный педагогический журнал, имеющий задачею содействовать воспитанию сердца русского дитяти в духе веры Православной и благочестия христианского. "Божия Нива" имеет и ежемесячное приложение для детей под названием: "Зернышки Божией Нивы", коих вышло уже 120 книжек. Цена "Божией Нивы" тоже 1 рубль в год с "Зернышками", а книжки "Зернышек" можно выписывать и отдельными номерами по 5 коп. за книжку, полный же их набор высыпается за 4 р. 25 к. с пересылкой. Книжки удобны для подарков детям в школах, на актах, на елке, в дни ангела и т. п. Все статьи и стихотворения (числом всего до 400) содействуют воспитанию в душе русского дитяти русского народного миросозерцания, и потому в них нет переводных статей: все принадлежат авторам, живущим среди народа.

Можно подписываться на оба издания вместе, высыпая 2 р. в год, по адресу: Сергиев посад, Московская губерния, в редакцию "Троицких Листков".

Примечания

¹ - Амаликитяне – могущественный народ, заселявший страну между Палестиной и Египтом и называемый в Библии первым народом (Книга Чисел, XXIV, 20). Поражены и разбиты Гедеоном, Саулом и Давидом. Над ними исполнилось слово Господне: имя их исчезло с лица земли. – Ред.

² - Ныне отпущаёши – не есть песнь, а вдохновенная молитва праведного старца, претруждённого старостью, радующегося, что он наконец-то получил от Бога обещанное, узрел желанного Спасителя, и теперь – рад умереть, рад уйти на покой, в надежде скоро узреть Его и в будущей жизни. Вот почему, когда я сам совершаю литию, я сам и читаю эту молитву среди храма, на архиерейском амвоне, а чтец-диакон продолжает: Святый Боже...

³ - К удивлению моему, адрес сполна напечатан в “Церк. Ведомостях”: я не ожидал такой чести! Там же описано и мое прощание...